3000 ВЕРСТЪ

ПО РѢКАМЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

ЧЕРКИ и ЗАМѢТКИ

изъ скитаній по берегамъ

ТУРЫ, ТОБОЛА, ИРТЫША и ОБИ

А. Павлова.

Изданіе И. И. Игнатова.

1878.

Типографія К. Высоцкаго, въ Тюмени.

3000 ВЕРСТЪ

ПО РѢКАМЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

ЧЕРКИ и ЗАМѢТКИ

изъ скитаній по берегамъ

ТУРЫ, ТОБОЛА, ИРТЫША и ОБИ

А. Павлова.

Изданіе И. И. Игнатова.

1878.

Типографія К. Высоцкаго, въ Тюмени.

3000 ВЕРСТЪ

ПО РѢКАМЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Оглавленіе.

Опечатки:

				Напечатано:	Слѣдуетъ:
Страница	39,	строка	1 снизу	бѣседка	besѣдка
—	40	—	8 сверху	—	—
—	42	—	8 сверху	возвышавшемся	возвышающемся.
—	58	—	3 сверху	лопатина читается на „и“,	съ удареніемъ
—	80	—	7 снизу	угитякъ	уштякъ
—	81	—	2 сверху	палимьей	налимьей.
—	89	—	8 снизу	была	била.
—	109	—	9 сверху	Бардоковкѣ	Бардаковкѣ.
—	111	—	2 и 3 св.	Бардокъ	Бардакъ.
—	111	—	7 сверху	Бардоковымъ	Бардаковымъ.
—	116	—	12 сверху	нетронутся	нетронутые.
—	116	—	3 снизу	черда	чарда.
—	148	—	6 сверху	инжинеръ	инженеръ.
—	148	—	5 снизу	инжинеру	инженеру.
—	161	—	6 снизу	Нарынъ	Нарымъ.

Лѣтомъ 1876-го года, по иниціативѣ И. И. Игнатова, я сдѣлалъ вояжъ по рѣкамъ Западной Сибири, между г. г. Тюменью и Томскомъ съ цѣлію ознакомленія съ современнымъ экономическимъ положеніемъ береговаго населенія, въ особенности инородческаго, по рѣкѣ Оби. Но не связывая себя спеціальными задачами, я совершилъ поѣздку, какъ простой любознательный путешественникъ, знакомясь по возможности съ бытомъ, характеромъ, промыслами и торговлей прибрежныхъ жителей рѣкъ Туры, Тобола, Иртыша и Оби, вслѣдствіе чего получилась небольшая

сумма обще-этнографическихъ свѣдѣній. Ими я хочу подѣлиться съ читателями этой книги.

Свою поѣздку я началъ въ Тюмени и окончилъ въ Томскѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поживши между русскими, татарами, остяками и самоѣдами, аборигенами страны и пришельцами.

Ихъ прошедшее и настоящее я постараюсь представить въ общей, сжатой картинѣ... Впрочемъ, моя книга не претендуетъ на картинность въ художественно-литературномъ смыслѣ. Я смотрю на нее, безъ претензіи литератора-беллетриста, какъ на сборникъ сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ, можетъ быть, хотя крупица пригодится для изслѣдователя Сѣвера Сибири. Я буду держаться ближе къ истинѣ, къ факту и — что составляетъ мой идеалъ — буду ясенъ.

Почтенный издатель моего труда далъ мнѣ мысль сдѣлать настоящую книгу полезной для той части русской публики, которой случится проѣзжать

чрезъ Западную Сибирь, и такъ какъ въ лѣтнее время всѣ проѣзжающіе пользуются пароходнымъ сообщеніемъ названныхъ выше рѣкъ, то книгѣ приданъ отчасти видъ дорожника по этимъ рѣкамъ и приложена въ концѣ коммуникаціонная таблица разстояній.

Скоро минетъ три вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Европа начала получать болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о Сибири. До похода Ермака въ эту страну извѣстія о ней были крайне неясны, хотя и относились къ очень отдаленнымъ временамъ. Такъ у Геродота, въ описаніи Сибири говорится о людяхъ, живущихъ за высокими горами, похищавшихъ золото у Грифовъ, которые охраняли его въ другой болѣе отдаленной странѣ, гдѣ земля замерзаетъ въ году восемь мѣсяцевъ, гдѣ падаетъ снѣгъ и живутъ Гипербореи. Въ слухахъ, дошедшихъ до Геродота о горной золотоносной странѣ, можно видѣть древнее извѣстіе о богатствахъ Алтая.

Страна Гипербореевъ долгое время для Европы была таинственной землей и только въ

1544 г. мы видимъ въ Космографіи Мюнстера попытку нанести ее на карту. На этой картѣ изображена Обь съ непоименованнымъ притокомъ, на которомъ означенъ городъ Sybir. Послѣ того есть еще карта при сочиненіи барона Герберштейна, бывшаго въ началѣ XVI вѣка въ Москвѣ посломъ отъ Германскаго императора. У Герберштейна карта немного полнѣе, но также не ясна, какъ и первая. Города „Сибири“ на ней нѣтъ, а есть на такомъ же притокѣ Оби Ierom и Tumen. Кромѣ того означены Уральскій хребетъ подъ именемъ „пояса земли“ и мѣсто языческихъ капищъ на сѣверѣ.

Тѣмъ ограничивались свѣдѣнія о Сибири тогдашней образованной Европы. Знакомство же русскихъ съ Гипербореями началось гораздо ранѣе, и по всей вѣроятности, Новгородцами, промышлявшими еще въ XI столѣтіи у береговъ Бѣлаго моря и Печоры. Объ этомъ есть свѣдѣніе въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1114-мъ годомъ, гдѣ говорится: „и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь“. „Старіи мужи“ разсказывали чудеса о „полунощныхъ странахъ“: они видѣли сами „какъ спаде туча и въ той тучи спаде вѣверица млада акы топерева рожена и възростши и расходится по земли и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленцы мали въ ней, и възростаютъ и расходятся по земли“.*)

*) Полное собр. лѣтоп., II, стр. 5.

Привлекаемые промышленными выгодами, Новгородцы съ XII-го столѣтія совершали походы въ Югру, подъ которою разумѣли неопредѣленное пространство отъ сѣверо-западнаго склона Урала къ Оби. Они облагали Югорцевъ данью, заключавшеюся въ звѣриныхъ шкурахъ и моржовыхъ клыкахъ, а также и серебрѣ, проникавшемъ въ Югру чрезъ торговлю съ Болгарами, и, можетъ быть, съ Алтайскихъ горъ. Походы Новгородцевъ часто были неудачны. Югорцы хотя и считали себя рабами (смердами) Новгородцевъ, платили дань, но не безъ отпора. Въ 1187-мъ году Новгородцы „избьени быша“; ихъ „паде головъ о стѣ доброименитыхъ“. Въ 1193-мъ году Югорскій князь, съ помощью хитрости и измѣны, истребилъ еще большій отрядъ русскихъ съ воеводою Ядрѣемъ.

Очевидно, шла борьба серьозная, но Новгородцы не утомлялись и проникали все далѣе и далѣе. Зимою 1364-го года они уже „воеваша по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша“.*) А въ 1471-мъ году, въ договорной грамотѣ Новгорода съ великими князьями Иваномъ Васильевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ, Югру записали въ число Новгородскихъ волостей**).

*) Полное собр. лѣтоп., IV, стр. 64.

**) Акты археолог. экспед., т. I, № 66.

Послѣ паденія Новгорода, на Югру начались Московскіе походы, изъ которыхъ извѣстны два, въ 1483-мъ и 1499-мъ годахъ. Первый походъ былъ противъ Вогульскаго князя и въ Югру. Сразившись съ Вогуличами на устьѣ рѣки Пелымы, русскіе обратили ихъ въ бѣгство, и прошли по Тавдѣ, мимо Тюмени, потомъ внизъ по рѣкѣ Иртышу въ Югорскую землю. Во второй походъ Москвичи взяли городокъ Ляпинъ, нынѣ Щекурьинскій улусъ въ Березовскомъ округѣ и „поимали 33 городы“....

Совершивши этотъ походъ, Москвичи забросили Югорскую страну, занятые то внутренними дѣлами, то войнами съ Польшею, Крымомъ и Казанью.

Что̀, однако же, были за люди Югорцы, Самоѣдь и Вогуличи — Гипербореи Геродота? Что̀ о нихъ знали на Руси и въ Европѣ съ того времени, какъ въ первый разъ „мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь“?

И на Руси и въ Европѣ существовали сказочныя понятія о населеніи отдаленной земли. Лѣтописецъ Несторъ подъ 1096-мъ годомъ говоритъ: „Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ“. Тамъ, по словамъ лѣтописца, за 4 года предъ этимъ, одинъ отрокъ, посланный Новгородцемъ Гурятой Роговичемъ, узналъ, что

далѣе въ горахъ появился народъ съ непонятнымъ языкомъ. „Есть же путь до тѣхъ горъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“. Въ горѣ просѣчено „оконце мало“, чрезъ которое невѣдомый народъ „помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкиру ли, даютъ скоро противу“. Несторъ объясняетъ, что это „суть людье заклепаніи Александромъ Македонскымъ царемъ“. Онъ въ восточныхъ странахъ нашелъ народъ изъ племени Афета и былъ пораженъ нечистотой этихъ людей, видя что они ѣдятъ „скверну всяку“, и не погребаютъ мертвецовъ. Боясь, чтобы такое племя не осквернило землю, Александръ загналъ ихъ въ полунощныя страны и заключилъ въ горахъ.

Баронъ Герберштейнъ въ своей книгѣ „Rerum Moscoviticorum Commentarii“, изданной въ 1549-мъ году въ Вѣнѣ, сообщилъ болѣе свѣдѣній. Но пріобрѣтая ихъ не по личнымъ наблюденіямъ, а по разсказамъ русскихъ, неизбѣжалъ невѣрностей и вымысла. Въ его книгѣ говорится, что на гору Камень (Уральскій хребетъ) нужно всходить три дня; спустившись съ Камня идутъ къ крѣпости Ляпинъ, отъ Ляпина къ рѣкѣ Сосвѣ (Sossa). Оставивши ее вправѣ, достигаютъ рѣки Оби, которая беретъ начало изъ Китайскаго озера. По Оби живутъ Вогуличи и Югричи. Отъ Обской крѣпостцы, вверхъ по Оби до устья Иртыша, трехмѣсячный путь. Въ этихъ мѣстахъ есть два

города Еромъ и Тюмень. Тамъ водится много звѣрей и добывается много мѣховъ. Съ Китайскаго озера приходятъ черные люди, лишенные дара слова; они приносятъ для продажи много товаровъ, преимущественно жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Страна ихъ называется Лукоморіей. Есть слухъ, что Лукоморцы каждый годъ, 27 Ноября, умираютъ и оживаютъ какъ лягушки на слѣдующую весну, около 24 Апрѣля.

За Лукоморьемъ, разсказываетъ Герберштейнъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ поросло шерстью все тѣло, у другихъ собачьи головы, у иныхъ нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь и т. п. За то въ рѣкѣ водится рыба, съ виду совершенный человѣкъ, только безъ голоса; эта рыба вкусная и доставляетъ пріятную пищу.

По берегамъ Оби и около сосѣднихъ рѣкъ много крѣпостей.

Такой характеръ имѣли извѣстія о Сибири до болѣе дѣятельныхъ сношеній съ нею въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, когда было положено основаніе владычеству русскихъ на востокѣ.

Въ это время, покореніе Казанскаго царства открыло русскимъ менѣе сѣверную дорогу за Земной Поясъ и они завязали сношенія съ другимъ народомъ,

видимо, позднѣйшаго поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, — татарами. Еще Герберштейнъ говорилъ о татарскомъ царствѣ Тюмень, невдалекѣ отъ Лукоморья. Нужно полагать, что татары, населявшіе южную часть нынѣшней Тобольской губерніи и часть Пермской, составляли одно цѣлое съ Золотой Ордой, но во время упадка ея, въ XV вѣкѣ раздѣлились на нѣсколько мѣлкихъ независимыхъ владѣній. Одно изъ нихъ было извѣстно подъ именемъ Сибирскаго Юрта. Это ханство распространило свои владѣнія къ сѣверу, подчинивъ себѣ аборигеновъ—Остяковъ и Вогуловъ.

Сибирскій Юртъ первый завязалъ сношенія съ Московскимъ Государствомъ, ввиду успѣха русскаго оружія въ татарскихъ царствахъ на Волгѣ. Въ 1555 году въ Москву явились съ дарами послы сибирскаго хана Етигера и съ тѣхъ поръ царь Иванъ Грозный сталъ считать себя повелителемъ Сибири, обложивъ Етигера данью. Етигеръ повиновался, хотя и неохотно, что доказывается неполной уплатой дани въ 1557 году и заключеніемъ его посла подъ стражу, но до самой смерти покорялся царю. Въ 1563 году Етигеръ былъ убитъ. Сибирскій Юртъ захватилъ Кучумъ, какъ полагаютъ, одинъ изъ степныхъ богатырей-узбековъ. Онъ перенесъ столицу въ городъ Сибирь или Искеръ, на берегу Иртыша. Сначала Кучумъ захотѣлъ продолжать начатую Етигеромъ дружбу съ Московскимъ царемъ, и договорился въ 1571 году платить

за Сибирскую землю дани 1000 соболей, да посланному за данью 1000 бѣлокъ. Получить дань однако же не привелось. Нашего посланца за данью, Чубукова, Кучумъ приказалъ убить, а затѣмъ запретилъ платить дань и Остакамъ и Вогуламъ... Къ усмиренію своего безпокойнаго вассала, Грозный ничего не предпринялъ, но колонизація русскихъ уже подвигалась на востокъ, привлекая государству новыя земли въ болѣе фактическое подчиненіе, чѣмъ было ранѣе. Первыми піонерами Сибири называютъ Строгоновыхъ, которымъ царь пожаловалъ земли не только по р.р. Камѣ и Чусовой, но и въ самой Сибири, за Югорскимъ камнемъ, наказавъ заводить „соленыя варницы, ставить городки, гдѣ-бы мѣсто было крѣпко и осторожливо, и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ—для сбереженія отъ ногайскихъ людей и иныхъ ордъ“. Строгоновымъ царь дозволилъ принимать всѣхъ письменныхъ и нетяглыхъ людей, за исключеніемъ боярскихъ, бѣглыхъ и преступниковъ.

За Каму, на привольное житье, явилось, конечно, много охотниковъ, нетяглыхъ и бѣглыхъ всякаго сорта, вопреки оговоркѣ. Около 1580 года, за Камой возникла слобода, слободка, восемь деревень и двадцать четыре починка. Съ чисто Московскою расчетливостью, тогдашнее правительство подвигало къ Азіи свои фактическія границы. „Торговые люди“ строили крѣпости, бродячая русь составляла гарнизоны

ихъ, и шагъ за шагомъ проникала за Камень.

Строгоновымъ, между прочимъ, царь заказалъ „крѣпости дѣлати и сторожей съ вогненнымъ нарядомъ держати“ на Иртышѣ и Оби. Это желаніе царя было исполнено позднѣе, хотя и не ими, и не бродячей русью, а царскими войсками. Но чувствительный толчекъ въ сибирскихъ дѣлахъ московскому правительству дала смѣлая попытка все той же бродячей руси, шайки волжской вольницы, подъ начальствомъ атамана Ермака.

Въ старое время „не письменные и не тяглые“ люди, группируясь на окраинахъ и въ глуши государства, вмѣстѣ съ бѣглыми, составляли контингентъ тѣхъ вольныхъ людей, легендарными подвигами которыхъ извѣстна древняя Волга. Просторъ и глушь давали возможность организоваться большимъ разбойничьимъ шайкамъ, наводившимъ ужасъ на мирное, осѣдлое населеніе. Правительство не могло относиться равнодушно къ грабежамъ и разбоямъ въ приволжскихъ городахъ, и посылало войска „имать“ ихъ. При болѣе энергичныхъ мѣрахъ, шайки разбойниковъ оттѣснялись на окраины по Яику, Тереку и за Каму. Въ послѣднюю сторону направилась шайка, которой суждено было искупить свои преступленія и обезсмертить своихъ главныхъ вожаковъ.

Собирались казаки-други, люди вольные,

Собирались они во единый кругъ...

. . . .

Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ грозный-де Царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленнымъ...

. . . .

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочеты еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божіей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское.*)

*) Сказаніе Русскаго народа т. I, кн. III, стр. 241.

Въ 1579 году за Каму, во владѣнія Строгоновыхъ явился съ толпою волжскихъ разбойниковъ атаманъ, Суздальскій уроженецъ, Ермакъ Тимофеевъ.

Едвали онъ и его товарищи помышляли о завоеваніи царства Сибирскаго, какъ, разумѣется, позднѣе выражено въ народномъ эпосѣ. Прежде всего они скрывались отъ царскихъ поимщиковъ, не имѣя ввиду иныхъ средствъ поддерживать свое существованіе, кромѣ тѣхъ, которые были усвоены бродячимъ людомъ на Волгѣ.

Къ Строгоновымъ попали они весьма кстати. Тѣ и по наказу царя и для себя, безъ сомнѣнія, давно желали извлечь что нибудь изъ жалованныхъ земель и урочищь на Иртышѣ и Оби. Но проникнуть туда можно было только сильному отряду съ обстановкой ратныхъ людей. Будто-бы Ермакъ былъ призванъ для этого Строгоновыми, но это обстоятельство у историковъ остается спорнымъ, хотя и естественно предполагать, что Строгоновы оказали содѣйствіе Ермаку въ его походѣ за Камень, куда онъ стремился, можетъ быть просто за одной добычей, прослышавъ о богатствѣ края.

Неизвѣстно, какъ велика было дружина Ермака, съ которою онъ пришелъ къ Строгоновымъ съ Волги. По однимъ лѣтописямъ она состояла изъ 540 человѣкъ, по другимъ изъ 6000. Первая цифра думаемъ

ближе къ истинѣ, и хотя она и увеличилась, когда Ермакъ пошелъ изъ за Камы далѣе, въ Сибирь, то едва-ли до шести тысячь человѣкъ. Строгоновы дали отъ себя людей, снабдили порохомъ, ружьями и провизіей.... „Послаша изъ городковъ своихъ Строгоновы, говорится въ Строгоновской лѣтописи, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана волжскихъ атамановъ Ермака Тимофеева съ товарищи и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, Литвы и Нѣмцевъ и Татаръ и Русскихъ людей.... и того ихъ собранія учредиша 840 человѣкъ убійственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвша соборнѣ молебная пѣніе.... и удоволиша ихъ мздою, и одѣяніи украсиша ихъ и оружіемъ огненнымъ: пушечки и скорострѣльными пищальми семипядными и запасы многими, и всѣми сими довольно сподобиша ихъ, и вожевъ вѣдущихъ той Сибирскій путь, и толмачевъ бусурманскаго языка имъ даша, и отпустиша ихъ въ Сибирскую землю съ миромъ“....*)

Ермакъ двинулся въ Сибирь по Чусовой лѣтомъ 1579 года и зазимовалъ при началѣ волока, отдѣлявшаго Волжскую систему рѣкъ отъ Обской. Весною 1580 года, онъ отправился далѣе, построилъ на рѣкѣ Тагилѣ суда, и на нихъ вошелъ въ рѣку Туру, гдѣ со стороны татаръ встрѣтилъ первый отпоръ. Впрочемъ, татарскій князь Епанча со своимъ войскомъ

*) Сиб. вѣстникъ 1822 г., ч 17 я, стр. 17-я.

обратился въ бѣгство, а Ермакъ, грабя и сожигая татарскія деревни на Турѣ, перваго Августа подошелъ къ городу Чинги-Тура (нынѣ Тюмень). Овладѣвши этимъ городомъ, казаки остановились здѣсь на зимовку. На слѣдующую весну Ермакъ поплылъ внизъ по Турѣ, при впаденіи которой пришельцевъ встрѣтили посоединенныя силы шести татарскихъ князьковъ, но послѣ упорной битвы, продолжавшейся нѣсколько дней, были разбиты. Кучумъ тогда уже зналъ о набѣгѣ казаковъ и старался не допустить ихъ до своей столицы, такъ что Ермаку пришлось плыть по Тоболу подъ дождемъ стрѣлъ и постоянно бороться съ преслѣдовавшими его татарами. При громадномъ трудѣ и опасностяхъ казаки подвигались впередъ.

Отъ устья Тобола, Ермакъ поплылъ вверхъ по Иртышу. Здѣсь у города Атика (нынѣ Заостровныя юрты) 23 Октября 1581 года произошло большое сраженіе, кончившееся побѣдою надъ татарами и потерею 107 человѣкъ изъ русской дружины. Кучумъ бѣжалъ въ Ишимскую степь, покинувъ свою столицу Сибирь, куда побѣдоносная горсть русскихъ вступила 26 Октября. Къ побѣдителямъ начали являться съ покорностью остяцкіе князья и татара съ Иртыша и его притоковъ. Ермакъ приводилъ ихъ къ присягѣ на подданство Московскому Государству и облагалъ данью въ видѣ разной рухляди, а въ особенности соболей.

Вѣрнѣе всего, что тогда только Ермаку пришла мысль обратить свой набѣгъ въ завоевательную миссію, когда онъ увидѣлъ за собой дѣйствительный успѣхъ и болѣе или менѣе прочное покореніе Сибирской страны. Въ послѣднемъ онъ увѣрился на столько, что чрезъ два мѣсяца послѣ занятія резиденціи Кучума, послалъ своего товарища Ивана Кольцо съ 50-ю казаками къ Московскому Царю съ извѣстіемъ о покореніи Сибири и ясакомъ. Само собою, поднося Царю покоренное царство, Ермакъ просилъ себѣ и товарищамъ прощеніе.

Въ Москвѣ, охотно простили бывшихъ разбойниковъ, Царь одарилъ ихъ и назвалъ Ермака Сибирскимъ княземъ.

Въ Ноябрѣ 1583 г., въ Сибирь пріѣхалъ первый воевода князь Болховскій съ товарищемъ Глуховымъ. Кольцо же возвратился въ Сибирь ранѣе пріѣзда воеводы.

Между тѣмъ, Ермакъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ, покоря татаръ, остяковъ и вогуловъ. Но вездѣ встрѣчалъ сильное сопротивленіе. Татары то нападали на казаковъ открыто, то заманивали ихъ хитростью, подъ видомъ дружбы или помощи, и постоянно истребляли ихъ. Такъ, на помощь мурзѣ Карачѣ противъ Киргизъ Ермакъ послалъ Ивана Кольцо съ 40 казаками, которыхъ Карача всѣхъ перебилъ. Въ другой разъ, Ермаку ложно донесли, что къ Кучуму идетъ Бухарскій караванъ. Ермакъ сначала повѣрилъ и вышелъ изъ города Сибири, но узнавши обманъ, вернулся. Возвращаясь, казаки остановились на берегу Иртыша ночевать, застигнутые бурною и ненастною ночью. Татары, слѣдившіе за русскими, воспользовались темнотою ночи, напали на казаковъ и истребили всѣхъ. Между ними погибъ и Ермакъ. По однимъ сказаніямъ онъ убитъ, по другимъ утонулъ, оступившись съ судна, куда казаки бросились спасаться.

Ермакъ погибъ, казаковъ перебили, остался только Глуховъ съ немногими людьми въ гор. Сибири (къ тому времени воевода Болховскій умеръ), но и тотъ долженъ былъ бѣжать.

Въ Москвѣ ничего не знали о случившемся, да кажется, не особенно и заботились о толпѣ бродячихъ покорителей. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный умеръ. Сынъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, вспомнилъ о Сибири и послалъ туда воеводу Мансурова съ сотней казаковъ и пушкою. Мансуровъ, узнавши въ Сибири объ истребленіи дружины Ермака и бѣгствѣ Глухова, возвратился въ Москву.

Въ концѣ 1585 года изъ Москвы въ Сибирь было послано новое войско, на этотъ разъ принявшее

лучшую систему закрѣпленія Сибири. Не углубляясь въ страну, безъ постепеннаго обезпеченія себя со стороны Россіи, русскіе основали на р. Турѣ городъ Тюмень, а потомъ на берегу Иртыша, противъ устья р. Тобола, городъ Тобольскъ. Основанные города пополнялись присылаемымъ войскомъ, которое поддерживало въ покорности окрестное населеніе.

Въ татарской столицѣ, Сибири, въ то время жилъ князь Сейдякъ, послѣдняя опора татарскаго царства. Этого князя, Тобольскій воевода Чулковъ, заманивъ къ себѣ, схватилъ и отправилъ въ Москву. Изъ города Сибири татары разбѣжались, и съ тѣхъ поръ ихъ столица опустѣла, хотя бывшій Сибирскій царь Кучумъ не переставалъ тревожить русскихъ, пока не былъ убитъ Ногайскими татарами. Встрѣчали также русскіе сопротивленіе и со стороны Вогуловъ и Остяковъ, даже до половины XVII вѣка, а со стороны южныхъ инородцевъ безпокойства русскимъ поселеніямъ продолжались гораздо позднѣе, въ XVIII столѣтіи.

Колонизація русскихъ мало по малу разросталась. Основаны были города Пелымъ, Сургутъ, Березовъ (1592 — 1593 г.), Тара (1594 г.), Обдорскъ (1595 г.), Нарымъ (1596 г.), Кетскъ (1597 г.), Туринскъ (1600 г.), Томскъ (1604 г.) и т. д.

Доходы съ завоеванныхъ земель послѣ 1586 г.

выражались такъ: „ясаку положилъ (Государь) на Сибирское Царство, и на Конду большую, и на Конду на меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру рѣку, и на Иртышъ, и на Иргизское государство, и на Пѣгія Калмаки, и на Обь Великую, и на всѣ городки на Обскіе, по десяти тысячъ лисицъ черныхъ, да по пяти сотъ тысячъ бѣлки большія“.*)

Съ покоренія Ермакомъ, Сибирь управлялась въ продолженіи 120 лѣтъ воеводами. При Петрѣ Великомъ образована Сибирская губернія, а въ 1719-мъ году она раздѣлена на пять провинцій, подъ вѣдѣніемъ одного губернатора. Въ 1782 году открыто два намѣстничества Тобольское и Иркутское, а въ 1822 году учреждены два генералъ-губернаторства, Западное и Восточное, какъ существуетъ и по нынѣ.

Въ настоящее время подъ именемъ Сибири понимаютъ мѣстность занимаемую отъ Уральскихъ горъ до восточныхъ окраинъ Азіи, съ Амурскимъ краемъ, Восточною Сибирью и Западною, состоящею изъ двухъ губерній (Тобольской и Томской) и двухъ областей (Акмолинской и Семиполатинской).

Какой характеръ имѣла русская колонизація этого пространства, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ

*) Карамзинъ X. примѣч. 44.

LX спискѣ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи (изд. М. В. Д. Спб. 1871 г.). Какъ съ первыхъ годовъ покоренія Сибири, такъ и до настоящаго времени, колонизація раздѣляется на правительственную, и не правительственную. Сначала переселяли въ Сибирь пахатныхъ людей, ямщиковъ, и вообще „дѣловыхъ людей“, потомъ колонизація выразилась въ формѣ ссылки. Добровольные же переселенцы, на первыхъ порахъ, шли въ Сибирь неподатливо, хотя эта страна и представляла убѣжище отъ рекрутчины, налоговъ и суда за проступки. Въ послѣднемъ случаѣ правительство само смотрѣло на заселеніе благосклонно, что видно изъ указа 1597-го года, по которому бѣжавшіе въ Сибирь за шесть лѣтъ могли оставаться на мѣстѣ спокойно.

Конечно, не предполагая колонизировать завоеванную страну ссылкою преступниковъ, правительство XVI и XVII вѣка удаляло только туда въ рѣдкихъ случаяхъ, безъ системы, людей „безпокойныхъ“ для высшихъ государственныхъ интересовъ, и „тюремныхъ сидѣльцевъ, татей и разбойниковъ“. Въ XVIII вѣкѣ ссылка въ Сибирь начала принимать уже болѣе опредѣленный характеръ, и въ Сибири образовались цѣлыя деревни ссыльныхъ.

Русская колонизація въ Сибири тянулась не широкой полосой отъ Запада, постепенно подвигаясь на Востокъ, но весьма слабо развивалась на Сѣверѣ. Тамъ

не смотря на промышленныя выгоды, русскіе селились не охотно, придерживаясь береговъ главныхъ водныхъ сообщеній, до настоящаго времени.

Сначала наши поселенія распространялись по рр. Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби.

Что три вѣка спустя, послѣ первыхъ піонеровъ Московскаго государства, представляетъ береговое населеніе этихъ рѣкъ, я изложу послѣдовательно, по моимъ скромнымъ наблюденіямъ.

по ТУРѢ и ТОБОЛУ.

Тюмень.

Отъ Тюмени до Тобольска.

Тюмень.

Границы Азіи и Сибири. — Тюмень. — Кожевенная промышленность. — Ремесленники—броденщики. — Гончарное производство. — Кустарная промышленность. — Кулачные бои. — Извозъ.

Граница Азіи со стороны Европейской Россіи не есть граница Сибири. Черта последней раздѣляетъ Тобольскую и Пермскую губерніи въ 69 верстахъ отъ Тюмени, тогда какъ черта Азіи пересѣкаетъ Московско-Иркутскій трактъ между Пермью и Екатеринбургомъ. Тамъ стоитъ каменная пирамида съ надписью: „Азія". Сибирскую же границу означаетъ памятникъ болѣе скромный—два столба, одинъ каменный, другой деревянный, съ гербами двухъ смежныхъ губерній. Надписей на этихъ столбахъ много, хотя слова „Сибирь" и не написано. Столбы однако же покрыты сплошь такими изрѣченіями, которыя напоминаютъ это роковое для многихъ слово. На русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ здѣсь выражена то скорбь о покинутомъ отечествѣ, прощаніе съ нимъ, то боязнь за новую жизнь „въ странѣ

мятелей и снѣговъ", то проклятія, то просто порученіе какого нибудь сибирскаго бродяги, пробирающагося на родину: „будешь въ такомъ-то рудникѣ, передай поклонъ Филькѣ Иванову; прошелъ я Сибирь благополучно" и т. д. Эти надписи сдѣланы ссыльными, идущими изъ года въ годъ десятками тысячъ мимо убогихъ столбовъ...

Отъ границы губерніи до Тюмени остается двѣ станціи. Измученный колесной дорогой отъ Перми, проѣзжій спѣшитъ отдохнуть если не въ Тюмени, то на пароходѣ. Первый вопросъ для проѣзжаго, на его пути, въ каждомъ городѣ, составляетъ, конечно, вопросъ о гостинницѣ. Еще за нѣсколько станцій до Тюмени, онъ смотритъ по стѣнамъ станціонныхъ домовъ на объявленія и гадаетъ, гдѣ остановиться. Гаданія, обыкновенно, рѣшаетъ ямщикъ послѣдней станціи.

— Въ какую гостинницу прикажете везти?

— Въ самую лучшую.

Ямщикъ это хорошо знаетъ; онъ привезетъ васъ туда, гдѣ ему больше даютъ на водку за доставку проѣзжающихъ.

Вотъ и Тюмень.

При въѣздѣ въ городъ обращаетъ вниманіе на правой сторонѣ дороги мраморный монументъ. Онъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Тюменское общество прощалось со своимъ гостемъ, Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ 1868 году.

Далѣе начинается городъ, разбросанный на неровной мѣстности, изрѣзанной оврагами. Еще въ центрѣ города есть двѣ—три прямыя улицы; въ другихъ же частяхъ условія мѣстности, а такъ же и старый способъ планировки не дозволили правильнаго расположенія строеній. Дома,—ихъ насчитывается до 3000 — преимущественно деревянные. Впрочемъ, въ послѣдніе годы, каменныя постройки значительно прибываютъ. Самымъ обширнѣйшимъ каменнымъ зданіемъ, какъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ—увы!—есть мѣсто „возмездія и предостереженія". Есть и обывательскіе большіе дома, принадлежащіе исключительно мѣстнымъ купцамъ. Общій видъ города дополняетъ и, пожалуй, краситъ болѣе десятка церквей и старинный Троицкій монастырь, расположенный на возвышенномъ берегу рѣки Туры. Къ сожалѣнію, архитектура церквей не представляетъ ни чего особеннаго ни по красотѣ или легкости, ни по образности древнихъ строеній.

Тюмень — первый сибирскій городъ, основанный въ 1586 году воеводами Сукинымъ и Мясновымъ, прибывшими сюда изъ Москвы въ Іюлѣ этого года, уже послѣ Ермака и неудачнаго похода воеводы Мансурова. Ранѣе здѣсь былъ татарскій городъ Чинги-Тура, взятый дружиною Ермака 1 Августа 1580 г. Остатки татарскихъ укрѣпленій сохранились и до сихъ поръ ввидѣ валовъ и рвовъ, окружающихъ мѣсто, которое нынѣ называется Царевымъ Городищемъ. Первыми поселенцами русскаго города были военные люди, потомъ правительство стало посылать въ Сибирь пашенныхъ людей и

ямщиковъ, положившихъ начало нашей колонизаціи. Изъ офиціальныхъ свѣдѣній за 1750 годъ, слѣдовательно чрезъ 164 года по основаніи города, видно, что тогда Тюмень имѣла „полисадъ стоячій, рогатки, ровъ и валъ, токмо весьма обвѣтшали“. Въ Тюмени было жителей:

Посадскихъ и цеховыхъ	667.
Ямщиковъ	700.
Разночинцевъ	217.
Отставныхъ казаковъ	4.
Отставныхъ солдатъ	6.
Государственныхъ крестьянъ	22.
Новокрещеныхъ татаръ	15.
Бухарцевъ	10.
Монастырскихъ крестьянъ	69.
Итого	1710 ч.

Еще чрезъ 125 лѣтъ, населеніе возрасло до 20.000 челов. обоего пола *). Главный контингентъ составляютъ мѣщане: около 10 т. обоего пола; потомъ разночинцы, и наконецъ, купцы. Менѣе всего лицъ духовнаго званія и чиновниковъ. Дворянъ въ Тюмени вовсе нѣтъ. Чиновники только состоящіе на службѣ; отставныхъ едвали можно насчитать и десятокъ.

*) Въ Спискѣ населен. мѣстъ Россіи, изд. Мин. Внутр. Дѣлъ 1871 г. населеніе показано 14.408 ч. (7474 м. и 6934 ж.)— по свѣдѣніямъ полиціи По общему мнѣнію, жителей въ Тюмени значительно болѣе.

Не смотря на то, что Тюмень древнѣйшій городъ въ Сибири, историческихъ памятниковъ у него нѣтъ, кромѣ упомянутыхъ окоповъ бывшей татарской крѣпости, да и тѣ съ каждымъ годомъ сравниваются. Троицкій монастырь основанъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія монахомъ Нифонтомъ, но постройки его позднѣйшаго времени. Нынѣ въ немъ живетъ архимандритъ и два или три монаха. Во дворѣ монастыря, около западныхъ дверей собора поставленъ надгробный памятникъ извѣстному въ Сибири просвѣтителю начала XVIII вѣка, митрополиту Ѳилофею Лещинскому, умершему въ этомъ монастырѣ въ 1727 г. схимонахомъ, подъ именемъ Ѳедора. Въ одной изъ приходскихъ церквей, Знаменской, находится старая икона Божіей Матери, чтимая жителями за избавленіе отъ холеры въ сороковыхъ годахъ. Икона замѣчательна своею богатою ризою. За тѣмъ, около думы, въ особо устроенномъ зданіи сохраняется лодка, на которой переправлялся чрезъ р. Туру въ 1837 году нынѣ царствующій Государь Императоръ. На этой же лодкѣ плавали въ 1868 г. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, и въ 1873-мъ — Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Всѣ упомянутыя Высочайшія особы оставили на лодкѣ собственноручныя надписи.

Тюмень, уѣздный городъ Тобольской губерніи*). Въ административномъ отношеніи онъ замѣчателенъ толь-

*) В. д. 35°, 12′, 9″; с. ш. 57°, 10′, 19″.

ко тѣмъ, что служитъ мѣстомъ распредѣленія ссыльныхъ по Сибири. Для этого здѣсь существуетъ „Приказъ о ссыльныхъ“. Въ экономическомъ же положеніи страны, Тюмень есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ по промышленности, торговлѣ и сибирскому транзиту. Городъ стоитъ на р. Турѣ — западной вѣтви обской судоходной системы, отдѣляющейся отъ волжской волокомъ до Перми, на Камѣ, въ 700 верстъ.

Промышленность въ Тюмени имѣетъ начало почти съ основанія города, когда бухарцы, поселившись въ немъ въ 1596 г., стали заниматься здѣсь выдѣлкою кожъ. Ремесло это привилось къ русскимъ поселенцамъ, которые чрезъ три столѣтія выдвинули городъ на первое мѣсто по промышленности въ Сибири. Нынѣ въ Тюмени нѣтъ бухарцевъ*), и кожевенное дѣло принадлежитъ исключительно русскимъ. Въ настоящее время, въ Тюмени насчитывается около сотни кожевенныхъ заводовъ, изъ которыхъ два крупнѣйшіе выдѣлываютъ кожъ ежегодно на $^1/_2$ милліона рублей каждый. Эти заводы занимаются поставкою кожъ для казны (чрезъ контръ-агентовъ). Вмѣстѣ съ другими, производство простирается на сумму до $2^1/_2$ милліоновъ рублей.

Сырыя кожи для Тюменскихъ заводовъ покупаются на осеннихъ сельскихъ ярмаркахъ нѣкоторыхъ округовъ Тобольской губерніи, на Ишимской ярмаркѣ (въ

*) Впрочемъ въ Тюменскомъ округѣ есть нѣсколько мелкихъ кожевенныхъ заводовъ, принадлежащихъ бухарцамъ.

Декабрѣ), на Ирбитской и въ киргизской степи (преимущественно въ г. Петропавловскѣ и Семипалатинской области). Изъ сырья выдѣлываются всѣ роды кожъ, и сбываются: бѣлая юфть въ Москву, Петербургъ и на Нижегородской ярмаркѣ; алая, черная юфть и подошвенная кожа продаются въ Сибирь и киргизскую степь. Конскія и бараньи кожи по выдѣлкѣ кроятся на рукавицы и бродни.

Кожевенные заводы, болѣе или менѣе правильно организованные, создали массу рабочихъ, тотъ бездомовый, пришлый людъ, какой присущъ каждому фабричному городу. Въ свою очередь, шитье бродень даетъ дѣло тысячамъ рукъ и является не фабричной или заводской работой, а **домашней ремесленностью.**

Ремесленники—броденщики большею частью домохозяева. Въ одной изъ окраинъ города, называемой „Городищемъ“, чуть не въ каждомъ домѣ цѣлыя семьи занимаются шитьемъ бродней. Но нельзя думать, что это ремесло прибыльно. Масса работаетъ по задѣльной платѣ весьма скудной, потому что заготовленіе товара отъ заказчиковъ—заводчиковъ переходитъ къ рабочимъ чрезъ посредство крупныхъ ремесленниковъ. Ремесленники—посредники принадлежатъ къ зажиточному мѣщанству. Ихъ немного. Одни изъ нихъ занимаются подрядами на шитье; другіе имѣютъ свои небольшіе кожевенные заводы и ведутъ торговлю бродвями непосредственно. Сбытъ шитаго товара происходитъ въ самой Тюмени, Томскѣ и Восточной сибири для пріисковъ.

Бродней шьется здѣсь приблизительно до 150 т. паръ. Въ продажѣ до 2 р. 50 к.

Кромѣ бродней и рукавицъ, изъ кожъ мѣстной выдѣлки шьютъ сбрую, крестьянскія перчатки, сапоги, башмаки. На выставку въ Тюмени, въ 1871 г., были доставлены чемоданы, пальто, сакъ-вояжи, но шитье этихъ вещей едва-ли не случайное. Въ сущности, качествомъ выдѣланныхъ на тюменскихъ заводахъ кожъ нельзя соревновать даже съ ближайшими заводами въ Европейской Россіи, напримѣръ, Кунгурскими.

На большихъ заводахъ стремленіе къ улучшенію производства обозначается и уже видѣнъ нѣкоторый успѣхъ. Къ сожалѣнію, то недостатокъ, то отсутствіе людей съ техническимъ образованіемъ (общій недугъ Сибири) не даютъ возможности подвигаться дѣлу быстрѣе впередъ.

Кожевенные, механическіе и другіе заводы, а также пароходныя пристани, гдѣ въ лѣтнее время происходитъ нагрузка на суда и выгрузка товаровъ, привлекаютъ въ Тюмень массы рабочаго народа, преимущественно ссыльныхъ, изъ ближайшихъ сибирскихъ округовъ *). Естественно, что рабочее населеніе фабричнаго города, состоящее на половину изъ ссыльныхъ должно представлять мало утѣшительнаго въ нравственномъ отношеніи и уже давно замѣчены въ Тюмени всѣ зародыши того, что на западѣ развилось до ужасныхъ

*) Въ Тюмень, въ послѣднее время ссыльныхъ не посляютъ.

размѣровъ. (Шелгуновъ, Сибирь на большой дорогѣ). Наиболѣе прискорбныя явленія въ жизни тюменскихъ рабочихъ—это пьянство и проституція, изъ которыхъ послѣдній порокъ, къ сожалѣнію, поощряется запросомъ инстинкта низшаго порядка отъ лицъ, обладающихъ матеріальными средствами, но обдѣленныхъ человѣческимъ развитіемъ.

Рабочій на кожевенномъ заводѣ получаетъ отъ 8 до 11 руб. въ мѣсяцъ *).

О ремесленникѣ—броденщикѣ привожу слѣдующій расчетъ.

Бродни шьются по частямъ: одинъ ремесленникъ спеціально занимается шитьемъ голянищъ, другой—головокъ, третій—пришивкою голянищъ къ головкамъ.

За шитье полнаго бродня подрядчикъ беретъ 12 коп. Наемъ ему стоитъ отъ 7 до 9 к. за пару. Высшая плата рабочему такая:

За головки 3 коп. за пару.
За голянища 3 коп.
За пришивку 3 коп.
Итого 9 коп.

Хорошій ремесленникъ сошьетъ въ день головокъ 5 паръ, и слѣдовательно заработаетъ 15 коп.;

или:

голянищъ 10 паръ, на 30 коп.

или:

пришьетъ 10 паръ голянищъ къ головкамъ на 30 к.

*) Работа на кожевенныхъ заводахъ—14 часовъ въ сутки.

Рукавицъ можно сшить въ день 15 паръ. Плата 1 к. за пару. Шитьемъ рукавицъ занимаются и дѣти, но они шьютъ, конечно, не такъ успѣшно.

Теперь привожу расчетъ ремесленника, который шьетъ бродни, какъ самостоятельный производитель:
Онъ купитъ:
Кожу для головокъ за 6 руб.
„ „ голянищъ за 4 руб.
Подошвенную кожу за 10 руб.
Итого 20 руб.

Изъ этихъ кожъ останется обрѣзковъ и лоскутьевъ для особой продажи:
Отъ головокъ на 2 руб.
„ голянищъ „ 1 руб.
„ подошв. „ 2 руб.
Итого на 5 руб.
Головокъ выходитъ 15 паръ.
Голянищъ „ 4 пары.
Подошвы „ 15 паръ.

Слѣдовательно, кромѣ работы, головки, за пару, будутъ стоить $26^{3}/_{4}$ коп.
Голянища 75 коп.
Подошвы $53^{1}/_{4}$ коп.
Итого 1 руб. 55 коп.

Нужно замѣтить, что это расчетъ небогатаго ремесленника, пріобрѣтающаго товаръ для издѣлій по мелочамъ, съ базара.

Главная промышленность Тюмени — кожевенное производство. Тюменцы — кожевенники, но почему-то ихъ съ издревле называютъ „корчажниками“, „горшешниками“. Дѣйствительно, здѣсь дѣлаютъ горшки и корчаги болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Западной Сибири, хотя гончарное производство не носитъ характера заводской промышленности. Производство это домашнее и имъ занимаются небогатыя семьи въ зарѣчной части города. Глина для посуды достается верстъ за тридцать отъ города и обходится не менѣе $^{1}/_{2}$ к. за пудъ. Рабочіе на гончарномъ заведеніи получаютъ такую задѣльную плату: за 100 шт. корчагъ 1 руб.; за 100 шт. горшковъ 40 коп.; за 100 шт. латокъ 1 руб.; за 100 плошекъ 17 коп. Въ продажѣ корчага стоитъ 8 коп., горшокъ 5 коп., латка 5 коп., плошка $^{1}/_{2}$ коп.

Всей глиняной посуды выдѣлывается въ Тюмени не болѣе, какъ на 5 т. р. Качество издѣлій относительно хорошее и удовлетворяетъ требованіямъ несложнаго хозяйства. Издѣлія сбываются въ Тюмени и окрестностяхъ, а въ послѣдніе годы торговля ими появилась на Ирбитской ярмаркѣ.

Въ Тюмени и Тюменскомъ округѣ, рядомъ съ заводской промышленностью, значительно развита кустарная, изъ которой особенно замѣчательно ковровое производство. Въ самомъ городѣ ковровыхъ заведеній не много, но здѣсь замѣчаются попытки перевести дѣло изъ кустарнаго въ заводское и улучшить качество из-

дѣлій болѣе современными техническими пріемами. Издѣліемъ ковровъ занимаются почти исключительно женщины, работая на старыхъ неудобныхъ станкахъ. Ковры дѣлаются мягкіе и прочные, но не имѣютъ рисунка, кромѣ какихъ-то безвкусныхъ узоровъ. Продаются они на мѣстѣ очень дешево. Напримѣръ, коверъ въ 3 аршина длины стоитъ 2 р. 50 к. — 3 р. Всѣхъ ковровъ производится въ годъ отъ 50 т. до 100 т. штукъ. Сбытъ этихъ издѣлій происходитъ, кромѣ Тюмени, въ Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Въ Петербургѣ Тюменскіе ковры употребляются на попоны и обивку саней. Въ домашности небогатаго люда здѣшніе ковры весьма полезны, замѣняя собою дорогія фабричныя издѣлія, и пожалуй, не уступая прочности послѣднимъ.

Есть надежда, что со временемъ ковровое производство въ Тюмени получитъ надлежащее развитіе, но желательно было бы, чтобы улучшеніе его совершилось въ сферѣ кустарной промышленности.

На сколько разнообразна кустарная промышленность въ здѣшнемъ краѣ, показала послѣдняя выставка мѣстныхъ произведеній, бывшая въ 1871 г.*). Около Тюмени крестьяне дѣлаютъ поташъ, смолу, деготь, мебель, деревянную посуду, сани, телѣги, рогожи,

*) Зданіе выставки находится на окраинѣ затюменской части города. Оно состоитъ изъ обширныхъ деревянныхъ корпусовъ, предназначенныхъ ранѣе для склада товаровъ. Первая выставка произведеній Тюменскаго округа была въ 1868 г.; вторая—всей Западной Сибири — въ 1871 году.

берда, дуги, нефть, скипидаръ, веревки, канаты, гребни, сита, пимы, топоры, замки и т. п.

Въ городѣ и окрестностяхъ есть нѣсколько винокуренныхъ заводовъ, два механическихъ и чугунолитейныхъ, одинъ колокольный и пароходныя верфи.

При массѣ ремесленниковъ и рабочихъ, городъ до сихъ поръ сохранилъ особенность почти изчезнувшую въ большихъ фабричныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи,—кулачный бой.

Съ осени до Рождества, по Воскресеньямъ, кулачные бои происходятъ въ двухъ частяхъ города одновременно, причемъ бойцы раздѣляются по мѣстностямъ города, или улицамъ. Обычаи боя такіе же какъ и вездѣ, гдѣ онъ остался или существовалъ. Бой начинается съ ребятишекъ — зажигальщиковъ и кончается взрослыми. Большею частію въ бояхъ участвуютъ мѣщане—ремесленники, но рабочихъ съ заводовъ немного. Прежде, даже очень недавно, пробовали въ бояхъ свою силушку купеческія дѣти. Нынѣ ни купцы, ни приказчики не принимаютъ участія въ бояхъ. Ихъ тянетъ къ развлеченіямъ болѣе легкимъ, хотя чуть-ли не также убыточнымъ для здоровья—буфетнымъ.

Замѣчательно, что не слышно ни объ одномъ несчастномъ случаѣ во время боя, хотя безъ увѣчій дѣло не обходится. На это никто изъ бойцовъ ни когда не претендуетъ. Лѣтомъ кулачныхъ боевъ не бываетъ. Они замѣняются борьбою.

Заводская и кустарная промышленность, обусловливая

за Тюменью значительные торговые обороты, подкрѣпляются выгодами транзитнаго пункта. Городъ находится на Московско - Иркутскомъ трактѣ и на западной вѣтви Обской водной системы, при началѣ судоходства по сибирскимъ рѣкамъ. Всѣ Европейскіе товары, назначенные въ Сибирь не минуютъ Тюмени; произведенія Китая, Сибири и значительной части средней Азіи также проходятъ чрезъ Тюмень, поступая здѣсь съ судовъ на доставку волокомъ въ Пермь, къ волжскому судоходству. Всѣхъ товаровъ проходитъ здѣсь болѣе $1^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Такъ такъ Обской бассейнъ съ Волжскимъ не соединенъ желѣзнымъ путемъ, то такая значительная цифра по вѣсу перевозимыхъ по уральскому волоку тяжестей развила въ значительной мѣрѣ извозъ, которымъ занимаются крестьяне. И здѣсь рабочая сила не ускользаетъ отъ посредничества. Доставщикъ товаровъ нанимаетъ подрядчика, а тотъ въ свою очередь поряжаетъ ямщиковъ — связчиковъ *). За доставку клади отъ Тюмени до Перми доставщики платятъ, смотря по времени года, съ пуда отъ 50 коп. до 1 руб. 20 коп., при чемъ платежъ на половину идетъ товаромъ: чаемъ, сахаромъ, сапогами, броднями, ситцемъ и т. п. Это своего рода торговля и довольно прибыльная, конечно не для извозчиковъ. Выдавая въ счетъ уплаты за провозъ чай нисшаго сорта, пріобрѣ-

*) Связчиками ямщиковъ называютъ потому, что каждый изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку лошадей, идущихъ въ обозѣ связками.

тоный дешевле 1 р., подрядчикъ ставитъ извозчику въ 1 р. 30 к., сапоги вмѣсто 2 р.—2 р. 50 к., гнилой ситецъ идетъ также по хорошей цѣнѣ.

По исчисленію городской коммисіи, еще въ началѣ 60-хъ годовъ, расплата товаромъ доставщиковъ съ извозчиками опредѣлялась не менѣе какъ въ 100 т. р.

Предполагая, что чрезъ Тюмень проходитъ въ годъ до $1^1/_2$ милліоновъ пудовъ груза, требуется для перевозки тяжести до 60 т. лошадей, (считая 25 п. на лошадь). Это приноситъ значительный доходъ постоялымъ дворамъ, на которыхъ кромѣ того перебываетъ въ годъ до 12 т. человѣкъ—ямщиковъ (считая 1 чел. на 5 лошадей).

Я уже сказалъ, что Тюмень естественными условіями мѣстности раздѣлена на нѣсколько частей. Каждая изъ этихъ частей носитъ особый характеръ промышленности: собственно городъ имѣетъ у себя гостиный дворъ и базары *); зарѣчье, кожевенные и механическіе заводы **) и гончарни; городища—ремесленниковъ—бродениковъ и канатныя заведенія; затюменка—постоялые дворы; и наконецъ тычковка, мѣстность, около пристаней заключаетъ въ себѣ населеніе работающее для пароходства.

*) Въ городской же части помѣщаются общественныя и казенныя учрежденія: дума, банкъ, ремесленная управа, мѣщанская управа, словесный судъ, сиротскій судъ, сиропитательное заведеніе, богадѣльни, казармы, уѣздное училище, женская прогимназія, окружный судъ, полицейское управленіе, казначейство и приказъ о ссыльныхъ.

**) Механическихъ заводовъ 2; основаны одинъ въ 1863 г., и другой въ 1868 г. англичанами.

ПО ТУРѢ И ТОБОЛУ.

Судоходство.—Рѣки Тура и Тоболъ.—Земледѣліе.—Татары и бухарцы. — Воспоминаніе о походѣ Ермака. — Тарханскій явленный образъ.—Артамоновская пристань.—Іевлева.

Пароходство по рѣкамъ Обской системы ведетъ свою исторію съ 1842 г., когда купцу Мясникову выдана была привиллегія на 10 лѣтъ. Право свое Мясниковъ передалъ другому лицу, которое и построило первый пароходъ, спущенный на воду, въ Тюмени, въ 1845 году. Первый пароходъ былъ въ 60 силъ. Затѣмъ вскорѣ построенъ другой — сорока-сильный. Чрезъ восемь лѣтъ пароходство увеличилось еще тремя пароходами. Съ тѣхъ поръ оно начало развиваться. Въ 1860 году было уже 12 буксирныхъ пароходовъ, ходившихъ между Тюменью и Томскомъ. Въ этомъ году купецъ Рязановъ взялъ привиллегію на плаваніе между

Тобольскомъ и Березовомъ. Число пароходовъ въ слѣдующемъ году увеличилось до 15, но потомъ въ 3 года уменьшилось до 12. Въ 1865 году вдругъ поднялось до 23, и наконецъ въ 1876 году всѣхъ пароходовъ было на Оби и притокахъ этой рѣки 34 *). Большинство пароходовъ принадлежатъ Тюменскимъ владѣльцамъ.

До 1871 года пароходство было исключительно буксирное, безъ правильныхъ срочныхъ рейсовъ. Съ этого года нѣкоторыя компаніи установили перевозку пассажировъ на такихъ же условіяхъ, какъ и на Волгѣ. Впрочемъ движеніе пассажирскихъ пароходовъ до сихъ поръ ограничивается главнымъ воднымъ путемъ между Тюменью и Томскомъ, не распространяясь на другія вѣтви водной системы.

Вообще же пароходное движеніе включаетъ слѣдующіе пункты Оби и ея притоковъ: Обская губа, Тюмень (на Турѣ), Курганъ (на Тоболѣ), Томскъ (на Томи), Ачинскъ (на Чулымѣ), Семиполатинскъ (на Иртышѣ).

По Иртышу вверхъ пароходъ одной компаніи поднимался въ 1871 году до верховьяхъ его—оз. Норъ-Зайсана.

---

*) 13-ти фирмъ, изъ которыхъ 3 Тюменскія (17 парох.) 3—Томскія (6 пароход.). 4—Тобольскія (7 пароход.). 1 — Тарская (2 пароход.). 1—Ялуторовская (1 пароходъ), и 1—Курганская (1 пар.) по силамъ: 150 силъ 1 пароходъ; 140—1; 120—6; 100—5; 80—6; 60— 8; 40—1; 35—1; 30—1; 25—2; 15—2.

Отъ Тюмени вверхъ по р. Турѣ, въ началѣ каждой весны, въ половодье ходятъ пароходы до г. Ирбита, стоящаго на притокѣ Туры — Ницѣ, —за товарами, оставляемыми тамъ сибирскими купцами отъ ярмарки.

Кромѣ того иногда пароходы поднимаются по Ляmину, Ваху и Кети (притоки Оби) и Тавдѣ (притокъ Тобола) съ ея составными вѣтвями Сосвѣ и Лозвѣ.

Главные предметы перевозки буксирныхъ пароходовъ составляютъ изъ Тюмени: произведенія и издѣлія Европейской Россіи: желѣзо, мануфактурный, бакалейный и другіе товары; изъ Томска — чай; съ сѣвера Тобольской губерніи—рыба; изъ Киргизской степи — кожи и средне-азіатскія издѣлія.

На ряду съ пароходами на сѣверѣ обской системы дѣйствуютъ сотни парусныхъ и гребныхъ судовъ, существовавшихъ ранѣе пароходства. Они преимущественно доставляютъ съ юга на сѣверъ хлѣбъ, соль и предметы потребленія тамошнихъ обитателей, привозя обратно рыбу, мѣха, орѣхи и ягоды (бруснику).

Товаро-пассажирскіе пароходы дѣлаютъ рейсы отъ Тюмени до Томска въ девять дней, и обратно въ восемь, останавливаясь, кромѣ мѣстъ нагрузки дровъ, у городовъ Тобольска, Сургута и Нарыма.

За небольшимъ исключеніемъ, всѣ пароходы построены въ Тюмени. Всѣ они колесные и имѣютъ посадку отъ $3^1/_2$ до 8 четвертей. Баржи, впрочемъ, грузятся четвертей на 14-ть. Почти вездѣ, судоходство совершается свободно. По главному пути представляютъ нѣкоторыя затрудненія и то не каждый годъ, а во времи значительнаго мелководья, рѣки: Тура вблизи Тюмени и Томь у Томска. Но затрудненія эти для пассажировъ не имѣютъ большой важности, ибо какъ у Тюмени такъ и у Томска держатся небольшіе мелкосидящіе пароходы, спеціально назначенные для принятія пассажировъ съ большихъ пароховъ, при началѣ мелей или перекатовъ. Лица путешествующія въ первый разъ въ Сибирь не ожидаютъ того, что они находятъ на здѣшнихъ рѣкахъ. Представляя, отчасти основательно, Сибирь непривѣтливой и не культурной страной, путешественникъ ждетъ въ плаваніи по рѣкамъ ея недобствъ и опастностей. Къ счастію, въ этомъ отношеніи, онъ ошибается. Онъ находитъ правильно и удобно устроенныя пристани, просторные и прочные пароходы, каюты которыхъ обставлены весьма удобно и отопляются паромъ. Наконецъ, на тысяча-верстномъ безлюдномъ пространствѣ многоводной Оби онъ имѣетъ хорошій столъ и даже чего вовсе не ожидаетъ—журналы и газеты!....

Отъ Тюмени до устья р. Туры 171 верста. Эта рѣка вытекаетъ съ восточнаго склона Уральскихъ горъ, очень извилиста, и имѣетъ отъ своего начала до впаденія въ р. Тоболъ протяженіе въ 645 верстъ. Дно рѣки песчано-глинистое, ширина при нормальномъ состояніи воды достигаетъ около двухсотъ саженъ.

Между Тюменью и устьемъ рѣки есть два пере-

ката или мели, гдѣ вода въ иные годы спадываетъ до 4 четвертей глубины, а именно у деревни Паренкиной на 22 верстѣ отъ города и у дер. Субботиной на 34 верстѣ по фарватеру.

Рѣка Тура впадаетъ въ Тоболъ, который беретъ начало въ Киргизской степи. Судоходство по этой рѣкѣ имѣетъ наибольшее значеніе только отъ впаденія въ нее р. Туры, отъ котораго до устья Тобола остается $205^1/_2$ верстъ по фарватеру. Вверхъ же по рѣкѣ, до г. Кургана хотя и есть судоходство, но весьма слабое, ограничиваясь до сихъ поръ двумя маленькими пятнадцатисильными буксирными пароходами, доставляющими изъ Курганскаго и Ялуторовскаго округовъ муку и мыло двухъ заводчиковъ.

По принятіи рѣки Туры, Тоболъ входитъ въ главный районъ общаго судоходнаго движенія Обскаго бассейна.

На 59-й верстѣ отъ Артамоновской пристани, Тоболъ принимаетъ судоходный притокъ Тавду и затѣмъ, еще чрезъ 110 верстъ, у татарскихъ юртъ Мѣдянокъ впадаетъ въ р. Иртышъ.

Берега рѣкъ Туры и Тобола заселены сравнительно густо двумя народностями: русскими и татарами. Населеніе первыхъ преобладаетъ, и только внизу Тобола чаще попадаются татарскія деревушки. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ. Но хлѣбопашество здѣсь значительно ослабѣваетъ сравнительно съ южными округами Тобольской губерніи. Въ Тюмен-

скомъ округѣ замѣтенъ переходъ къ промышленной дѣятельности, но сѣвернѣе, по р.р. Тавдѣ и Тоболу—къ рыболовству. Впрочемъ, нельзя сказать чтобы хлѣбопашество въ этой мѣстности было совершенно ничтожно. Пахатной земли, по официальнымъ свѣдѣніямъ, приходится въ Тюменскомъ округѣ 1,6 десят. на 1 д. об. пола, а въ Тобольскимъ 0,7 д. Результаты Тюменской выставки показали такое качество произрастанія злаковъ въ первомъ изъ названныхъ округовъ.

Кубанская пшеница даетъ наименьшее количество зеренъ въ золотникѣ 80; рожь 168; ярица 208; черный овесъ 128; обыкновенный 144. Изъ другихъ злаковъ родится полба, горохъ, гречиха, конопля, ленъ и разные овощи.

Хлѣбопашество, при разумномъ хозяйствѣ мыслимо, но бѣда въ томъ, что оно остается при тѣхъ же способахъ воздѣлыванія земли, какіе были со временъ начала колонизаціи страны, хотя необходимо замѣтить, что, какъ видно изъ лѣтописей, дружина Ермака, по приходѣ въ Сибирь, нашла здѣсь татаръ богатыхъ хлѣбомъ и скотомъ.

Не знаю, вѣрно-ли, что татары были когда-то хорошими земледѣльцами. Въ настояще время они не отличаются не только хлѣбопашествомъ, но и вообще трудолюбіемъ. Здѣшніе татары не предпріимчивы и лѣнивы. Живутъ небольшими деревнями, занимаясь то рыбной ловлей, то извозомъ и ямской гоньбой. Хлѣба сѣютъ мало. Ремесла никакого не знаютъ.

Съ каждымъ годомъ ихъ деревеньки бѣднѣютъ и семейства уменьшаются.

Немного крѣпче ихъ бухарцы, основатели Тюменской кожевенной промышленности. Эти ведутъ торговлю, выдѣлываютъ кожи, имѣютъ табуны лошадей. Но такихъ бухарцевъ мало. Большинство же ихъ совершенно сливается съ татарами, сходясь съ ними по вѣрѣ, состоянію, типу и занятіямъ.

Къ 10-й народной переписи, въ Тюменскомъ округѣ насчитывалось татаръ 3144 души об. п., а бухарцевъ 1545 д. об. п. — Вотъ остатки мусульманскаго государства на берегахъ Туры.

Памятники древняго владычества татаръ разсыпаны по берегамъ здѣшнихъ рѣкъ ввидѣ кургановъ и городищъ, оживляемыхъ преданіями и легендами болѣе среди русскаго населенія, чѣмъ татарскаго. По рр. Турѣ и Тоболу до прихода Ермака было много татарскихъ укрѣпленій, слѣды которыхъ означаются рвами и валами. Въ иныхъ мѣстахъ, нынѣшнія татарскія поселенія сохранили названія своихъ историческихъ лицъ времени покоренія Сибири. Такъ юрты Кашкаринскія, Матмасы и Вурваръ носятъ имена троихъ татарскихъ князьковъ, давшихъ сильное сраженіе дружинѣ Ермака на устьѣ р. Туры, около города Тарханъ-Калла, гдѣ жилъ князь Тарханъ. Нынѣ въ этомъ мѣстѣ находятся Тарханскія юрты. Далѣе на р. Тоболѣ стоялъ городъ Яшилъ-Тура, гдѣ нынѣ село Гилево-Липовское (255 верстъ отъ Тюмени).

Путь Ермака отъ устья Туры по Тоболу былъ очень труденъ. На каждомъ шагу ему приводилось бороться съ татарами. На двухъ-сотъ верстномъ разстояніи, онъ выдержалъ пять значительныхъ сраженій, а именно около слѣдующихъ нынѣшнихъ селеній: деревни Березовый ярь, с. Караульный яръ, Бабасанскихъ юртъ, с. Худякова и с. Карачино.

Послѣднее село находится на правомъ берегу рѣки Тобола, въ 25 верстахъ не доходя до Тобольска, на мѣстѣ татарскаго города того имени. Въ Карачинѣ жилъ богатый мурза и совѣтникъ Кучума — Карача, надъ которымъ Ермакъ, послѣ жаркаго сраженія, одержалъ побѣду и взялъ у побѣжденныхъ много драгоцѣнностей, скота и провіанта.

По взятіи Карачина, дружина Ермака здѣсь постилась сорокъ дней и 14 Сентября 1581 года отправилась далѣе. Но на Тоболѣ привелось еще биться съ татарами и нужно полагать, что это сраженіе было однимъ изъ самыхъ серьозныхъ, рѣшительныхъ, ибо происходило подъ столицей сибирскаго царства. На устьѣ Тобола были главныя силы Кучума. Русскіе, однако же, и здѣсь имѣли успѣхъ. Татары были разбиты.

Вотъ историческія мѣста начала завоеванія Сибири. Другихъ достопримѣчательностей между Тюменью и Тобольскомъ нѣтъ кромѣ явленной иконы въ с. Покровскомъ, находящемся на лѣвомъ берегу р. Туры, на 153 верстѣ отъ Тюмени *).

*) Считаю нужнымъ упомянуть, что я вездѣ означаю раз-

Въ 1631 году въ татарскій городъ Тарханы, около котораго Ермакъ выдержалъ большое сраженіе съ соединенными силами татарскихъ князей, пришли казаки и построили часовню. Въ нее татары передали икону Нерукотвореннаго Спасителя, найденную ими на изгороди. Сначала татары чистили на иконѣ рыбу, но икона терялась и находилась снова на той же изгороди.

Чрезъ 120 лѣтъ часовня въ Тарханахъ, по вѣтхости, была уничтожена, а явленный образъ переданъ въ церковь села Покровскаго, 17-ть верстъ ближе къ Тюмени, но тамъ находился недолго. Въ 1763 г. икону передали въ одну изъ Тюменскихъ церквей, на время до окончательнаго устройства этой церкви. Икону носили по округу, служили молебны въ домахъ и на нивахъ и въ концѣ концовъ Тюменская церковь удержала ее у себя въ продолженіи 37 лѣтъ.

Началось ходатайство Покровскихъ жителей о возвращеніи иконы, но ее имъ не возвратили, а „въ прекращеніе споровъ“ исключили изъ описей обоихъ церквей и передали въ Тюменскій монастырь.

Въ монастырѣ икона пробыла сорокъ одинъ годъ. Тѣмъ не менѣе претензіи Покровскихъ прихожанъ продолжались, и окончились тѣмъ что имъ возвратили икону.

стояніе по фарватеру рѣкъ, а не по почтовому тракту. Для опредѣленія разстоянія по фарватеру судоходныхъ рѣкъ Западной Сибири я пользовался недавно изданною картою И. П. Игнатовымъ.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что тюменскіе жители хотѣли снять съ иконы серебряную ризу, заведенную ими, но начальство сдѣлать имъ этого не позволило.*).

Теперь икона находится въ селѣ Покровскомъ, хотя и съ оговоркою: „Если благодать Божія со временемъ озаритъ свѣтомъ христіанской вѣры татаръ селеній Тарханскаго, Карбанскаго и Боровскаго, тогда эта икона, какъ неотъемлемая собственность Тарханской часовни, по устроеніи тамъ приходской церкви, можетъ быть перенесена изъ Покровской церк. въ Тарханскую**).

До сихъ поръ „свѣтъ христіанской вѣры“ не озаряетъ татарскихъ селеній, да и православно-миссіонерской дѣятельности въ нихъ не существуетъ.

Между Тюменью и Тобольскомъ находится одна пароходная станція—д. Артамонова, 233 версты отъ Тюмени. Это русская, невзрачная деревенька, въ ненастную пору довольно грязная, стоитъ на лѣвомъ берегу р. Тобола. Въ ней около ста домовъ, волостное правленіе и часовня.

Немного далѣе, внизъ по Тоболу, на правомъ берегу рѣки, стоитъ деревня Іевлева, въ которой, въ продолженіи навигаціоннаго времени, существуетъ телеграфная станція.

---

*) Указъ консисторіи 20 Августа 1849 г.

**) Тоб. губ. вѣд. 1859 г. № 4.

ИРТЫШЪ.

Тобольскъ и его окрестности.

Отъ Тобольска до устья Иртыша.

Тобольскъ и его окрестности.

Устье р. Тобола.—Тобольскъ. — Знаменскій монастырь.—Памятникъ Ермаку. — Углицкій колоколъ.—Торговля и промыслы.—Чиновники, жиды и поляки.—Квартиры.—Окрестности.—Ивановскій монастырь. — Кучумово городище.—С. Преображенское.—Абалакскій монастырь.

Тоболъ впадаетъ въ рѣку Иртышъ между Мѣдянскими юртами и Тобольскомъ. Прежнее устье было какъ разъ противъ города, но искуственно отведено, гораздо позднѣе основанія Тобольска, потому, что своимъ напоромъ сильно подмывало правый берегъ Иртыша, на которомъ стоитъ Тобольскъ.

Городъ этотъ основанъ въ 1587 году письменнымъ головою Даниломъ Чулковымъ, и вскорѣ сталъ называться столицею Сибирскаго Царства, оставаясь

около двухъ съ половиною вѣковъ центромъ управленія Сибири. Онъ служилъ резиденціею воеводамъ, губернаторамъ, намѣстникамъ и генералъ-губернаторамъ до 1824 года, когда управленіе генералъ-губернатора было переведено въ Омскъ.

Тобольскъ, съ начала своего основанія, видѣлъ много замѣчательныхъ лицъ, надъ которыми будущій историкъ Сибири остановится съ большимъ интересомъ.

Со времени своего основанія, Тобольскъ принадлежалъ къ Тюменскому воеводству, но въ 1590 году туда прибылъ особый воевода князь Кольцовъ-Масальскій.

До 1708 года Сибирь управлялась воеводами и въ сто двадцатилѣтній періодъ водворялись и крѣпли порядки Допетровской Руси, росла колонизація, малопо-малу распространялось христіанство.

Посылаемые изъ Москвы воеводы чувствовали себя здѣсь на просторѣ, дѣйствовали внѣ всякаго контроля, однимъ словомъ дѣлали что хотѣли.

Какъ начальники того времени не отличались ни скромностью, ни безкорыстіемъ, такъ и общество этого темнаго періода не оказывало благоустройства.

Но темное время миновало и сразу выдвинулись двѣ замѣчательныя личности.

Въ началѣ XVIII-го вѣка воеводъ замѣнили губернаторы. Однимъ изъ первыхъ губернаторовъ былъ князь Гагаринъ, оставившій вѣковые памятники своего управленія.

Въ тоже время митрополитомъ въ Тобольскѣ былъ Ѳилофей Лещинскій, извѣстный распростанитель христіанства между инородцами, личность образованная.

Для Сибирскаго общества настали новые дни.

Въ Тобольскѣ явилась Латинская школа и даже театръ.

Тогда общественному движенію много помогли военно-плѣнные Шведы, сосланные въ Тобольскъ. Съ ихъ помощью князь Гагаринъ отвелъ устье Тобола и построилъ кремль.

Князь Гагаринъ явился для Сибири энергическимъ и предпріимчивымъ правителемъ, и для Тобольска онъ сдѣлалъ много. Онъ стремился расширить предѣлы на Югѣ и на Востокѣ, но увы! — духъ Допетровской руси надолго остался еще въ Сибири.—Предпріимчивый губернаторъ кончилъ висѣлицей въ Петербургѣ за злоупотребленія въ Тобольскѣ и притѣсненіе народа. Разсказываютъ, что онъ хотѣлъ отдѣлиться отъ Россіи и основать независимое Сибирское Царство. Предположеніе это подтверждаютъ устройствомъ имъ кремля, представляющаго нѣчто вродѣ цитадели... Привожу такое мнѣніе по своей характерности, но по всей вѣроятности, дѣло было гораздо проще.

Современный Гагарину дѣятель, не менѣе энергичный на своемъ поприщѣ просвѣтителя, митрополитъ Ѳилофей Лещинскій, умеръ схимникомъ въ Тюменскомъ монастырѣ, гдѣ у дверей церкви находится его скромная, забытая гробница.

Новая реформа въ управленіи произошла въ 1782 году, когда въ Сибири было открыто два намѣстничества Тобольское и Иркутское.

Съ 1822 года Тобольскъ сдѣлался мѣстопребываніемъ генералъ-губернатора Западной Сибири. Генералъ-губернаторы жили здѣсь до 1837 года, хотя управленіе Западною Сибирью было переведено въ Омскъ еще съ 1824 г.

Въ настоящее время Тобольскъ — губернскій городъ. Онъ находится подъ 58° 11′ 53″ с. ш. и 37° 54′ 3″ в. д. (Пулк.), расположенъ на двухъ террасахъ праваго берега Иртыша.

Около двухъ десятковъ церквей, характерный кремль на горѣ и зданія присутственныхъ мѣстъ придаютъ городу довольно красивый видъ съиздали, но вблизи, въ особенности подгорная часть, не представляетъ ничего привлекательнаго.—Низменный берегъ пересѣченъ множествомъ тинистыхъ рѣчекъ, надъ которыми безтолково разбиты кривыя улицы, обстроенныя разношерстными каменными и деревянными зданіями. Мѣстность болотистая, нездоровая, часто заливаемая водою Иртыша. Тифъ, лихорадки, чахотка и даже черная оспа здѣсь явленія обыкновенныя между бѣднымъ недостаточнымъ классомъ населенія, не имѣющимъ ни теплой одежды, ни сухихъ квартиръ. А между тѣмъ въ подгорной части города обитаютъ бѣдные чиновники, ремесленники, рабочіе съ пристаней и т. п. Къ сожалѣнію, тутъ же сгруппированы всѣ учебныя

заведенія города: женская и мужская гимназіи, семинарія и уѣздное училище.... Въ томъ году, когда я былъ въ Тобольскѣ, въ пансіонѣ мужской гимназіи дѣти болѣли черной оспой и немудрено: зданіе гимназіи стоитъ надъ грязной вонючей и засоренной рѣчкой, въ которой, въ Маѣ мѣсяцѣ, я видѣлъ не растаявшій ледъ. Вѣяло сыростью и міазмами.

Духовная семинарія помѣщается при Знаменскомъ монастырѣ, на берегу рѣки. Мѣстность около монастыря ежегодно покрывается водою и никогда не просыхаетъ какъ слѣдуетъ. Монастырь этотъ имѣетъ древнее происхожденіе относительно Сибирской хронологіи. Онъ основанъ вскорѣ послѣ основанія Тобольска, хотя и не на нынѣшнемъ мѣстѣ, а за рѣкой, потомъ въ XVII вѣкѣ перенесенъ на гору; спустя нѣсколько лѣтъ въ подгорную часть, гдѣ часто подвергался пожарамъ, почему самыя стариннѣйшія постройки въ немъ относятся къ XVIII вѣку.

Кафедральный соборъ, присутственныя мѣста, архіерейской домъ и памятникъ Ермаку находятся на горѣ, куда ведутъ два подъема: одинъ для экипажей, другой для пѣшеходовъ лѣстницею въ девятьсотъ ступеней.

Эта лѣстница проходитъ подъ аркой шведской постройки, соединяющей сооруженія кремля съ домомъ, въ которомъ жили прежде губернаторы и намѣстники, а теперь помѣщаются губернскія присутственныя мѣста.

Подъемъ для экипажей на гору идетъ по широкому ущелью между двумя холмами, на одномъ изъ которыхъ слѣва возвышаются стѣны и башни, построенныя шведами въ началѣ минувшаго вѣка, а на другомъ направо разведенъ небольшой садикъ и поставленъ монументъ завоевателю Сибири. Это обелискъ сѣраго мрамора съ надписью: „Ермаку, покорителю Сибири“ и означеніемъ года покоренія (1581) и года смерти (1584) завоевателя. *).

Садикъ, въ которомъ поставленъ памятникъ, не большой и очевидно мало пользуется заботами города. Въ прежнее время о немъ заботились болѣе, что доказывается руиной когда-то существовавшей здѣсь аранжереи. Кругомъ памятника прежде разводился цвѣтникъ, но нынѣ густо растетъ одна крапива.

Я уже сказалъ, что по другую сторону взвоза, на противоположномъ холмѣ находятся шведскія постройки. Онѣ въ настоящее время заняты помѣщеніемъ архіепископа и архивами. Здѣсь же очень древняя церковь Никольская, основанная въ 1602 г., а немного далѣе кафедральный соборъ.

Около архіерейскаго дома поставлена небольшая колокольня, на которой въ числѣ другихъ колоколовъ замѣчателенъ оригинальный историческій памятникъ — ссыльный колоколъ. На немъ высѣчена надпись: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія 1593 года присланъ изъ

*) Памятникъ Ермаку воздвигнутъ въ 1839 году.

города Углича въ Сибирь въ градъ Тобольскъ къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ часобитной; вѣсу въ немъ 19 пудъ 20 ф.".

Ухо у колокола отсѣчено. Поверхность сѣраго цвѣта, вѣроятно отъ древности. Это будто-бы тотъ самый колоколъ, въ который 15 Мая 1591 года ударилъ въ набатъ Углицкій священникъ Ѳедотъ Огурцовъ, увидѣвъ убійство малютки—царевича.

Приведенная надпись позднѣйшаго происхожденія. Ее относятъ ко времени Тобольскаго архіепископа Варлаама, въ концѣ прошлаго вѣка.

Тобольскъ городъ не промышленный и не торговый. Все его богатство находится въ рыбной и пушной торговлѣ на сѣверѣ губерніи, чѣмъ пользуются не многіе изъ мѣстнаго купечества. Такъ здѣсь есть нѣсколько фирмъ пароходовладѣльцевъ, суда которыхъ исключительно заняты промыслами на низу Оби и въ Обской губѣ.

Заводская промышленность выражается однимъ винокуреннымъ заводомъ и однимъ пивоваренным. На первомъ изъ нихъ производство простирается на сумму 150 т. р., а на второмъ около 3 т. р.

Нужно замѣтить, что заводская промышленность въ Тобольскѣ существовала давно. Еще при губерна-

торѣ Гагаринѣ былъ оружейный заводъ. Потомъ не далеко отъ Тобольска была устроена писчебумажная фабрика, производившая въ 1852 году 4112 стопъ бумаги, на 8781 р. Нынѣ этихъ заводовъ нѣтъ.

Наиболѣе же видное изъ мелкихъ ремеслъ—скорняжное, которымъ занимаются женщины. Выдѣланные мѣха, преимущественно бѣличьи, сбываются на Ирбитской и Ишимской ярмаркахъ.

Для содѣйствія торговлѣ и промышленности въ Тобольскѣ учрежденъ общественный банкъ, съ основнымъ капиталомъ въ 10 т. р. Но онъ, къ сожалѣнію, плохо двигаетъ промышленность.

Однимъ словомъ, городъ не имѣетъ ни промышленнаго, ни торговаго характера. Онъ болѣе чиновничій, канцелярскій. На каждомъ шагу, вы встрѣтите кокарду надъ блѣднымъ истомленнымъ лицемъ, да также попадаются часто жиды. Ихъ въ Тобольскѣ много. Они промышляютъ здѣсь ростовщичествомъ, поживаясь на счетъ мелкаго чиновничества, находящагося въ поголовной зависимости отъ своихъ іерусалимскихъ благодѣтелей.

Затѣмъ въ Тобольскѣ вы найдете, болѣе чѣмъ въ другихъ городахъ, поляковъ. Ихъ сослано было сюда до полуторыхъ тысячъ человѣкъ и осталось здѣсь по доброй волѣ третья часть этого количества. Они содержатъ здѣсь гостинницы, кабаки, мелочныя лавочки и занимаются городскимъ извозчичествомъ.

Коренные обыватели города мѣщане, живутъ очень бѣдно, перебиваясь мелкой торговлей и доходами съ квартиръ,

которыя хотя и дешевы но по истиннѣ ужасны. Я говорю о небольшихъ квартирахъ. Въ нижней части города я уже сказалъ, что обитаетъ бѣдность—рабочіе и мелкіе чиновники. Дома стоятъ на болотѣ и въ это-то болото въ рѣдкомъ домѣ не вырыто еще двухъ аршинной ямы для дешевой квартиры, отъ полтинника до трехъ рублей въ мѣсяцъ. Стѣны внутри погребовъ—квартиръ, гдѣ нерѣдко обитаютъ большія семейства, постоянно зелены отъ плѣсени, полъ весною покрывается водой и во все лѣто не просыхаетъ; сырость, насѣкомыя всевозможныхъ родовъ!...

Впрочемъ и подышать чистымъ воздухомъ въ Тобольскѣ есть гдѣ. Покрайней мѣрѣ не нужно далеко удаляться отъ города. Нагорная часть его имѣетъ красивыя окрестности, куда мнѣ случилось отправиться въ самое живое для Тобольска время—приноса чудотворной иконы Божіей Матери изъ Абалакскаго монастыря.

Селеніе Абалакъ находится въ 25 верстахъ отъ Тобольска по почтовому тракту въ г. Омскъ, но для сокращенія дороги я выѣхалъ изъ подгорной части города ущельемъ въ горѣ праваго берега Иртыша. Эта дорога идетъ около 6 верстъ между высокими холмами. Частые крутые повороты оставляютъ путешественника заключеннымъ въ зеленыхъ стѣнахъ, кой гдѣ поросшихъ елями и соснами. Въ осеннее время съ холмовъ стекаетъ вода, а потому дно ущелья изрыто потоками. Дорога по нему извивается узкой полосой по карнизамъ рытвинъ и

овраговъ. Въ ночное время ѣздить здѣсь небезопасно, да и для большихъ экипажей проѣздъ по этой дорогѣ невозможенъ.

Чрезъ нѣсколько верстъ дорога поднимается въ гору и соединяется съ почтовымъ трактомъ около монастырской деревни Жуковой. Немного далѣе видны кресты Ивановскаго женскаго монастыря, построеннаго въ котловинѣ между двухъ горъ, надъ небольшой рѣчкой. Мѣстоположеніе монастыря очень красивое. Его постройки, окруженныя низенькой каменной стѣной тонутъ въ зелени сосноваго и березоваго лѣса. Надъ рѣчкой, около монастыря ютится группа крестьянскихъ домовъ, прежде принадлежавшихъ къ монастырскому имуществу. Чрезъ рѣчку перекинутъ деревянный мостъ, почти у самаго подъема на другую густо поросшую лѣсомъ гору. Вправо, по ущелью видна луговая низменность, которую широкой извилистой полосой перерѣзываетъ Иртышъ...

Я зашелъ въ монастырскую ограду. Старинныхъ построекъ немного; каменная церковь и нѣсколько такихъ же строеній для житья. На ряду съ ними видны новыя постройки, чистенькіе, деревянные домики и амбары. Дворъ чисто выметенъ. Въ концѣ двора устроенъ колодезь. Заднія ворота ограды вели въ монастырскій паркъ, расположенный по склону горы... Я прошелъ туда.

Въ паркѣ находится павильонъ, построенный извѣстными декабристами. Здѣсь жили лѣтомъ два или три семейства ихъ. Бѣседка съ широкой террасой на-

ходится надъ обрывомъ оврага, заросшаго кустарникомъ черемухи и тальника, между которымъ блеститъ бойкая рѣчка. Справа и слѣва горы покрыты вѣчно зелеными соснами и густымъ березникомъ, а впереди сливается съ горизонтомъ лугъ съ прихотливыми извилинами Иртыша.

Внутри павильонъ былъ раздѣленъ корридоромъ съ 4-мя небольшими комнатками. Теперь, настоятельница монастыря перестраиваетъ бѣседку. Перегородки сломаны, полъ разбирается, широкая терраса замѣняется маленькимъ балкончикомъ.

Ивановскій монастырь основанъ во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія и долгое время былъ мужскимъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ сталъ обителью монахинь, сразу поднявшихъ упавшее хозяйство стариннаго и относительно богатаго монастыря. Нынѣ при монастырѣ находятся пашни, огороды, литье восковыхъ свѣчъ и т. п. Кромѣ того, при монастырѣ учрежденъ пріютъ для сиротъ—дѣвицъ духовнаго званія. Здѣсь они получаютъ образованіе до совершеннолѣтія и потомъ выдаются замужъ за семинаристовъ, кончившихъ курсъ въ Тобольской семинаріи.

Изъ Ивановскаго монастыря я отправился на поиски Кучумова городища, историческаго Искера.

Іюльскій день былъ хорошъ, ясенъ. Подъ вѣтвями громадныхъ сосенъ, елей и пихтъ, обрамлявшихъ дорогу, вѣяло прохладой. Смолистый запахъ деревьевъ живилъ и укрѣплялъ организмъ.

По дорогѣ тянулись вереницы разряженныхъ богомольцевъ—горожанъ, шедшихъ встрѣтить икону Абалакской Божіей Матери.

Кое гдѣ плелись татарскія лошаденки въ жалкой упряжи. Татары также принимали участіе въ движеніи богомольцевъ. За незначительную плату, уставшій богомолецъ могъ нанять татарскую телѣгу.

Но гдѣ Искеръ?

Я зналъ что онъ находится по правую сторону дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, но на которой верстѣ слѣдовало свернуть съ пути—было неизвѣстно. Мой возница—полякъ, всезнающій при выѣздѣ изъ города, теперь только бормоталъ:

— Аль-бо на восемьнадцатомъ верстѣ, аль-бо дальше....

Ѣдутъ три татарина.

— Эй, князья, гдѣ вашъ царь Кучумъ жилъ?

— Какой Кучумъ?

— Развѣ не знаете своего царя Кучума?

— Нѣтъ, онъ не при насъ былъ.... Кучумъ? А, а! слышалъ. Кучумъ былъ.

— Да, гдѣ же онъ жилъ?

— Гдѣ жилъ—не знаемъ. Татары поѣхали далѣе.

Свернули наугадъ на семнадцатой верстѣ въ сторону. Въ одной русской деревенькѣ намъ сказали, что Кучумово городище находится за деревней Алемасовой.

Доѣхали до этой деревни. Здѣсь намъ предложили свои услуги около десятка чичероне—деревенскихъ ребятъ.

Наконецъ городище было отыскано. Мы подъѣхали къ крутому берегу Иртыша и остановились на мѣстѣ прежняго татарскаго кладбища. Впрочемъ, никакихъ внѣшнихъ признаковъ могилъ незамѣтно, но за нѣсколько времени до моего посѣщенія этой мѣстности одинъ ученый, посланный академіей наукъ, дѣлалъ здѣсь раскопки, и отправилъ въ Петербургъ два старыхъ скелета. Кладбище расположено на берегу, возвышавшемся надъ уровнемъ рѣки саженъ на 30, и поросшимъ мелкимъ березовымъ кустарникомъ. Чтобы достичь Искера, гдѣ были прежде татарскія укрѣпленія, нужно спуститься въ глубокое ущелье и взобраться на утесъ въ 35 саженъ.

Ребятишки, какъ дикія козы, карабкались туда, разсыпавшись по узенькимъ тропинкамъ, протоптаннымъ любопытными и кладоискателями. Въ ущельѣ было тихо и душно, какъ въ мѣстѣ защищенномъ отъ вѣтра въ жаркій Іюльскій день. Надъ головами высилась тяжелой массой громадная скала. Вотъ, вотъ мелькнетъ бритая голова татарина, потомъ другая, третья, и на нашу храбрую дружину понесется туча смертоносныхъ стрѣлъ... Нѣтъ! все тихо. Татаръ не видать, только комаровъ довольно. Герои Искера спятъ непробуднымъ сномъ и если выходятъ изъ своихъ могилъ, то не для борьбы съ пришельцами, а для пополненія разныхъ музеевъ и антропологическихъ изслѣдованій.

Вотъ, шестилѣтній пузанъ, Никита, добрался уже до самаго верха грозной крѣпости и преспокойно

кушаетъ обильно-растущую на древнемъ валу клубнику.

Искеръ занималъ прибрежную скалу, высотою 35 саженъ надъ водой. Съ одной стороны подножіе горы омываетъ Иртышъ, а съ остальныхъ рѣчка Сибирка, текущая въ глубинѣ ущелій. При такихъ условіяхъ, татарское укрѣпленіе могло считаться въ свое время неприступнымъ.

Не доходя до верхней площади скалы, я встрѣтилъ признаки вала. Лѣтъ двадцать назадъ такихъ валовъ было три и замѣтенъ былъ ровъ глубиною въ два аршина. Но время сглаживаетъ и горы. Валы и рвы сравнялись, все поросло травой, да и самая скала съ годами исчезаетъ. Ее изъ года въ годъ страшно сокрушаетъ Иртышъ, подмывая высокій берегъ.

Скала Искера, или какъ ее называютъ Алфеевская гора господствуетъ надъ всей окружной мѣстностью. Съ трехъ сторонъ она окружена поросшими сѣверной растительностью холмами, съ четвертой стелется зеленый лугъ лѣваго берега Иртыша, изрѣзанный блестящими полосами маленькихъ притоковъ и озеръ. Желтой коймой тянется вдаль правый берегъ рѣки; надъ этой коймой тонетъ въ зелени бѣлая церковь села Преображенскаго, а далѣ en face къ Искеру, видѣнъ Абалакскій монастырь. По луговой сторонѣ кой-гдѣ расбросаны черненькія татарскія деревеньки, надъ кровлями которыхъ, въ каждой деревнѣ, сіяетъ на солнцѣ жестяной полумѣсяцъ.

Подходя къ берегу Иртыша невольно останавли-

ваешся за нѣсколько шаговъ отъ обрыва. Подъ нимъ гулубоко, глубоко стелется Иртышъ. Въ обвалившемся берегѣ торчали на большомъ пространствѣ бѣлыя кости и разный мусоръ. Перевѣсившись надъ обрывомъ, я съ помощью дорожнаго ножа, досталъ нѣсколько костей. Всѣ они были скотскія—лошадиныя.

Въ ущельѣ Искера еще въ недавнее время существовалъ колодезь, но нынѣ совершенно засоренъ. Между окрестными крестьянами есть повѣрье, что на днѣ колодца зарытъ татарами кладъ, но такъ какъ онъ заклятъ, то крестьяне и не пытаются разрывать колодезь, боясь бѣды. На самомъ же Искерѣ и по обрыву, они въ свободное время, по праздникамъ **ищутся**. Находятъ, по словамъ ребятишекъ, брусья да желѣзки, но ни того ни другаго достать мнѣ не удалось, потому, что изъ ближайшихъ деревень всѣ старшіе ушли въ Абалакъ къ выносу иконы.

Мой спутникъ установилъ фотографическій аппаратъ, а ребятишки натащили молока и ягодъ.... И такъ мирно заключили мы обзоръ исторической мѣстности, возсѣдая на гребнѣ первокласснаго татарскаго укрѣпленія.

Спустя полчаса мы были въ селѣ Преображенскомъ; оно отъ Искера въ верстахъ двухъ—трехъ на правомъ же берегу Иртыша. Тамъ мы застали ярмарку.

Икону еще не принесли изъ Абалака. Въ ожидани приноса ея около церкви торговцы устроивали

столы для незатѣйливыхъ товаровъ, жаровни для печенія „пышекъ“, устанавливали кадочки съ квасомъ, разжигали самовары.

Спутникъ мой приготовилъ камеръ-обскуру и тотчасъ же былъ окруженъ пестрой толпой ярмарочнаго люда. Въ толпѣ немало было татаръ. Одни предполагали въ невидѣнномъ инструментѣ раекъ, а другіе шарманку, нанимая показать или съиграть.

— Эта штука я знаю! — рѣшилъ бывалый татаринъ, — тутъ вся показываютъ: Москва, султанъ съ трубка. Въ Ишимѣ видѣлъ.... въ Ирбить видѣлъ.... полтора копѣйка платилъ....

Всѣ предположенія и догадки сводились къ тому, что мы комедіанты. Ждали только когда мы затрубимъ въ трубу или ударимъ въ бубенъ. Впрочемъ, до приноса иконы, по мнѣнію окружающихъ, это было неудобно.

Наконецъ изъ Абалака принесли икону. Толпа отхлынула къ церкви. Татары посторонившись, всѣ поснимали шапки.

Икона здѣсь должна была переночевать; на слѣдующій день ее перенесутъ въ Ивановскій монастырь, а потомъ уже въ Тобольскъ.

На площадѣ пошла бойкая торговля; въ церкви священники непрерывно служили молебенъ за молебномъ по желанію богомольцевъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ объ Абалакской иконѣ Божіей Матери.

Она была написана въ 1637 г. дьякономъ Тобольскаго кафедральнаго собора Матвѣемъ. Предъ тѣмъ въ Абалакскомъ погостѣ, вслѣдствіе видѣнія нѣкоей Марьи, строилась новая церковь во имя знаменія Пресвятыя Богородицы. Тогда одному больному крестьянину посовѣтовалъ какой-то нищій для избавленія отъ болѣзни, написать въ эту церковь храмовый образъ. Крестьянинъ заказалъ писать образъ соборному дьякону и вскорѣ потомъ выздоровѣлъ. Что и было первымъ чудомъ иконы. Послѣ ряда чудесъ, установился обычай ежегоднаго перенесенія иконы на короткое время въ Тобольскъ. Это началось съ 1665 г. когда по случаю безпрерывныхъ дождей, угрожавшихъ урожаю, икону изъ Абалака принесли въ Тобольскъ, именно 8 Іюля—число отъ котораго не отступили и понынѣ.

Потолкавшись среди богомольцевъ въ с. Преображенскомъ, мы къ вечеру побывали въ Абалакѣ. Это небольшое невзрачное село, замѣчательное только своимъ монастыремъ, возвышающимся на крутомъ берегу Иртыша, en face къ рѣкѣ. Поздно ночью возвращались мы изъ Абалака въ Тобольскъ. Дорога вся была очень оживленна. Часто намъ встрѣчались пѣшіе и конные татары, возвращавшіеся въ свои юрты съ работъ на плотахъ, или ѣхали тобольскіе богомольцы, а по обѣимъ сторонамъ дороги пылали костры, расположившихся на ночлегѣ крестьянъ, ѣхавшихъ ко дню приноса въ городъ иконы для продажи холста и другихъ мѣстныхъ издѣлій.

Отъ Тобольска до устья Иртыша.

Пароходная пристань.—Иртышъ.—Береговыя селенія русскихъ, татаръ и остяковъ.—День на пароходѣ.—Демьянская пристань.—Село Демьянское.—Пожарище.—Первый остякъ.—Рыболовъ-арендаторъ.—Рыболовы-рабочіе.-- Хлѣбопашество.—Огородничество.—Пища.—Хозяйство.—Положеніе русской женщины на Иртышѣ.—Повинности населенія.—Пути сообщенія.—Звѣропромышленность.—Лѣсные пожары.—Сборъ орѣховъ.—Рыбопромышленность.—Остяки.—Село Самарово.—Устье Иртыша.

Въ раннее лѣтнее утро я простился съ Тобольскомъ и отправился на сѣверъ. Городъ еще спалъ. Пароходъ пришелъ часа въ четыре. На пристани на-

чалось обычное движенie. Прибывшie пассажиры спѣшили посмотрѣть достопримѣчательности города; отъѣзжающie тащили свой багажъ. Торговки копченой рыбой и калачами зазывали покупателей, извозчики предлагали услуги показать „ссыльный колоколъ“, памятникъ Ермаку... Здѣсь извозчики, какъ чичероне замѣчательный народъ. Небывалый въ Тобольскѣ человѣкъ рискуетъ высмотрѣть, независимо своей воли, всѣ закоулки города, по которымъ будетъ возить извозчикъ, яко-бы по прямой дорогѣ къ памятнику Ермаку, а въ сущности изъ желанiя навести лишнiй часъ и получить бóльшую плату. Наконецъ, показавши достопримѣчательности, извозчикъ предложитъ запастись видами мѣстной фотографiи и—снова начинается катанie по длиннымъ, кривымъ улицамъ, по безчисленнымъ ходульнымъ мостамъ и невыносимой мостовой. У васъ уже является боязнь опоздать къ третьему свистку, но такъ остаться въ Тобольскѣ едвали кому случалось: свистки слышны во всѣхъ частяхъ города, да и извозчикъ не злоупотребитъ вашимъ довѣрiемъ — во время привезетъ на пристань....

Первый свистокъ... второй....

— Спроси по каютамъ, всѣ-ли собрались? распоряжается капитанъ парохода.

— Всѣ.

Третiй свистокъ. Сходни убраны. Пароходъ медленно сталъ отходить отъ пристани. На какой-то изъ городскихъ церквей заблаговѣсти къ ранней обѣдни.

Загудѣли въ другихъ церквахъ колокола. Пароходу дали полный ходъ и величественно поплылъ отъ насъ древнiй сибирскiй городъ, какъ извѣстно болѣе красивый снаружи. Вскорѣ, за поворотомъ онъ изчезъ изъ вида, заслоненный берегомъ Иртыша.

Ширина Иртыша около Тобольска достигаетъ 300 саженъ; глубина у лѣваго берега до 6 саж., а у праваго отъ 7 до $10^1/_2$ саж. Иртышъ вытекаетъ изъ оз. Норъ-Зайсанъ и есть продолженie Чернаго Иртыша, берущаго начало въ предѣлахъ Китая, проходитъ Семипалатинскую область, вступаетъ въ Тобольскую губернiю около Омска и идетъ до своего впаденiя въ р. Обь, по направленiю къ Сѣверу, немного отклоняясь на Востокъ. Названie рѣки—Иртышъ—татарское, его переводятъ словомъ „землерой“, и дѣйствительно, Иртышъ на большомъ пространствѣ не имѣетъ ни бродовъ, ни мелей. Берега его круты и достигаютъ въ иныхъ мѣстахъ до 200 футовъ высоты. Они состоятъ изъ песковъ глинъ и песковъ, въ которыхъ попадаются прѣсноводныя раковины верхней, третичной формацiи*). Дно рѣки песчаное. Иртышъ отступаетъ вправо, срывая постепенно правый берегъ и намывая лѣвый. Это, впрочемъ, входитъ въ рядъ естественныхъ явленiй отклоненiй рѣкъ вслѣдствie обращенiя земли.

Иртышъ у Тобольска вскрывается 19 Апрѣля—13 Мая, а замерзаетъ 22 Октября — 14 Ноября.

*) Списокъ населенныхъ мѣстъ Р. И.

Среднимъ числомъ онъ остается свободнымъ отъ льда 189 дней въ году.

Слѣдующая за Тобольской, пароходная пристань находится у села Демьянскаго, до котораго по водѣ 251 верста. Береговое населеніе не густо и состоитъ изъ русскихъ и татаръ, а ближе къ Демьянску попадаются остяцкія деревни. Русское населеніе преобладаетъ; но какъ села, такъ и деревни рѣдко достигаютъ ста дворовъ. Есть деревни по одному, по два, по три двора. Изъ селъ до Демьянскаго богатѣйшимъ считается Юровское, въ 226 верстахъ отъ Тобольска, а изъ деревень—Филатова (65 верстъ отъ Тобольска). Богатство этой полосы составляетъ рыбная торговля, но рыболовство здѣсь еще не имѣетъ тѣхъ многостороннихъ способовъ, какіе встрѣчаются далѣе къ сѣверу, къ устью Иртыша и по Оби. Главная ловля рыбы производится въ Октябрѣ и Ноябрѣ **самоловами**. Самоловъ есть ничто иное, какъ простой желѣзный крючекъ на длинной бичевкѣ. Этимъ снарядомъ добываютъ на значительной глубинѣ осетровъ и стерлядей. Рыболовствомъ занимаются русскіе, татары и остяки. Хлѣбопашество довольно скудно и поддерживается только русскимъ населеніемъ; татары почти имъ незанимаются, а остяки вовсе не сѣютъ хлѣба.

Татарскія деревни, которыя можно отличить по минаретамъ, бѣдны и малы; изъ нихъ Иштаманскія юрты самыя большія имѣютъ дворовъ до сорока. Минареты обвѣтшали, покосились, крыши просвѣчиваютъ...

Еще печальнѣе остяцкія селенія. Они начинаются Березовскими юртами. На пути до села Демьянскаго, наибольшими юртами по числу дворовъ считаются Варлымовы (214 верстъ отъ Тобольска). Въ нихъ до 10 дворовъ и десятка три жителей обоего пола. Съ внѣшней стороны остяцкія юрты ничѣмъ не отличаются отъ бѣднѣйшихъ русскихъ деревенекъ, похожихъ скорѣе на полевыя избы. Въ нихъ живутъ **обрусѣлые** остяки, т. е. принявшіе давно христіанское вѣроисповѣданіе и вступающіе въ браки съ русскими женщинами. Объ остякахъ я буду говорить ниже, а теперь обращаюсь къ нашему пароходному плаванію.

Минуя Тобольскъ, пассажиры жаждутъ скорѣе ознакомиться съ картинами сѣверной природы. Начинается шатаніе по палубѣ, разсматриваніе береговъ, минаретовъ, деревенекъ: одинъ минаретъ съ поржавѣлой жестяной луной, съ развалившейся крышей—другой такой же; одна деревня изъ трехъ—четырехъ дворовъ, маленькая мизерная; другая такая же... Направо тянется крутой берегъ, глина и глина; налѣво низменность залитая водою, тальникъ, песокъ; кой-гдѣ пробивается зелень... Все начинаетъ надоѣдать и даже перестаетъ интересовать растительность праваго берега: сосны, ели и пихты, нависшія надъ крутизной. Къ тому же поднявшійся вѣтеръ сбиваетъ съ ногъ. Пассажиры прячутся въ каюты, гдѣ идетъ **внутренняя** жизнь на пароходѣ.

— 12-ть часовъ. Закусить пора.

— Не сходить-ли въ буфетъ?...

— Закусимъ, да и въ вистикъ... Вы играете?

— По неволѣ будешь играть: семь — восемь дней на обскомъ пароходѣ выучать. Погодите, не то еще увидите на Оби: тамъ пустыня.

— А каковы мѣста?

— Что-жъ? „Не столь отдаленныя“...

И достается „не столь отдаленнымъ“ мѣстамъ отъ путешественниковъ, въ первый разъ ѣдущихъ въ Сибирь. А большинство пассажировъ обскаго парохода, слѣдующаго изъ Тюмени въ Томскъ, состоитъ именно изъ такихъ лицъ. Ѣдутъ служить, искать счастья, наживы, съ непремѣннымъ желаніемъ вернуться въ Европу. Пустынные берега Иртыша и Оби пугаютъ. Холодно, сыро, безлюдно. Неуже-ли вездѣ такъ? А что будетъ тамъ, въ „столь отдаленныхъ“?... Въ особенности непріятно чувствуется пассажиру въ третьемъ классѣ, подъ заморскимъ пледомъ или подъ ватной шинелью. Сильно продуваетъ... Ну, въ обратный путь погрѣется. О пледѣ тогда и помину не будетъ.

Въ срединѣ лѣта обскіе пароходы наиболѣе оживлены. Тогда ѣдетъ много сибирскихъ купцовъ на Нижегородскую ярмарку. Въ обыкновенное время, коренные жители Сибири на пароходахъ встрѣчаются рѣдко. Вообще здѣсь передвиженіе принадлежитъ наѣзжему народу изъ Европейской Россіи. Только и слышны въ каждомъ углу разговоры о прогонахъ, порціонахъ, „по распутицѣ“...

Пароходный день идетъ, или вѣрнѣе, убивается. Пассажиры давно забыли о берегахъ и погрузились въ расчеты тузовъ и анеровъ, пока свистокъ не оторветъ ихъ отъ глубокомысленныхъ занятій.

Свистокъ.

— Что такое?— Станція?

— Нѣтъ грузка дровъ.

Пассажиры и тому рады. Пароходъ пристаетъ къ берегу, на которомъ сложены дрова. Вдали видна небольшая деревня, откуда, завидя пароходъ, бѣгутъ ребятишки и бабы съ яицами и молокомъ. Берегъ въ минуту оживляется.

Чрезъ полчаса снова тѣже тузы и анеры, порціоны и „по распутицѣ“.

Начало свѣтать, когда нашъ пароходъ подошелъ къ Демьянской пристани. Село Демьянское съ воды почти не видать. Оно заслоняется гребнемъ крутаго берега. Видны двѣ—три крыши и колокольня каменной церкви. Пристань не имѣетъ ни какого устройства. Пароходы пристаютъ къ отлогости, выдающейся отъ горы ввидѣ террасы позднѣйшаго образованія. Здѣсь гора, на которой стоитъ село Демьянское дѣлаетъ крутой поворотъ отъ Иртыша, оставляя низменность, возвышенную надъ водой отъ 3 до 5 метровъ. Площадка предъ пристанью завалена сосновыми дровами пяти четвертей длины. Такія дрова идутъ на пароходы и продаются отъ 1 руб. 50 коп. до 2 р. за квадратную сажень.

Не смотря на раннюю пору, когда подходилъ къ

пристани нашъ пароходъ, съ горы появились демьянскіе крестьяне, кто для носки дровъ, кто для продажи продуктовъ, а кто просто поглазѣть. Изъ толпы крестьянъ выдѣлилось нѣсколько черкесовъ въ своихъ оригинальныхъ кафтанахъ, обшитыхъ позументомъ. Послѣ я узналъ, что эти черкесы сосланы сюда за какія-то грѣхи въ своемъ отечествѣ. Ихъ живетъ въ селѣ Демьянскомъ человѣкъ двѣнадцать. Все молодые люди. По отзывамъ жителей, они очень скромны, хотя ни чѣмъ не занимаются, имѣя возможность существовать на деньги, выдаваемыя правительствомъ. Водку изъ нихъ пьетъ только одинъ, но того товарищи не признаютъ за черкеса, а говорятъ, что онъ татаринъ.

Я остался въ селѣ Демьянскомъ. Нужно было позаботиться о квартирѣ.

Первый крестьянинъ, къ которому я обратился съ вопросомъ „о горенкѣ и самоварчикѣ": отвѣчалъ: все это было, да сгорѣло.

— Какъ сгорѣло?

— Посѣтилъ Богъ пожаромъ на этой недѣлѣ. Вся середка что ни на есть хорошіе дома выгорѣли.—Вотъ у дяди Василья домъ уцѣлѣлъ...

Дядя Василій былъ тутъ-же. Онъ не отказалъ.

Я посмотрѣлъ на крутую гору, входъ на которую, къ деревнѣ, вился узкой тропинкой.

— А какъ-же, дядя, чемоданъ-то втащимъ?

— Сбѣгаю за телѣгой. Тутъ у насъ дорога есть по оврагу.

Вскорѣ дядя Василій явился съ довольно страннымъ экипажемъ. Это было нѣчто вродѣ большой тачки, на двухъ колесахъ, но безъ боковыхъ стѣнокъ, такъ что все положенное на телѣгу необходимо привязывать веревкой. Такая телѣга называется **одеръ**. Обыкновенныхъ телѣгъ здѣсь вовсе нѣтъ.

Сложили вещи и отправились въ село.

Взобравшись на гору по узкой, крутой и глинистой дорогѣ, я увидѣлъ село Демьянское. Сначала потянулись какія-то изгороди.

— Огороды? спрашиваю.

— Пашни.

— Да что такъ близко къ селу?

— У насъ мѣсто **поднародное**: земли мало, ну и тѣснимся.

За огородами открылась обширная площадь недавняго пожарища. Средина села, гдѣ были, по словамъ крестьянъ, „что ни на есть хорошіе дома"—выгорѣла. Вездѣ торчали печныя трубы, да валялись обгорѣлыя бревна. Впрочемъ уцѣлѣла, по количеству домовъ, половина села и церковь. Оставшіеся дома не велики и преимущественно **пятистѣнные**, т. е. состоящіе изъ избы и горницы, раздѣленныхъ сѣнями. Постройки не новыя, тѣсныя; улицы неправильныя, а въ иныхъ мѣстахъ ихъ вовсе нѣтъ: каждый дворъ самъ по себѣ.

На пожарищѣ горевали погорѣльцы. Голосили бабы и ребята, роясь въ угляхъ своихъ пепелищъ.

Каждое найденное желѣзко, обгорѣлый ухватъ наводили ихъ на воспоминаніе о бывшемъ житьѣ-бытьѣ, и вызывали потокъ причитаній, хватающихъ за душу. Только мужики, собравшіеся въ кучку не плакали и не стонали. Они разсуждали.

— Засѣдатель до землемѣра строиться не велѣлъ, пояснилъ мой провожатый. — Теперь по **планту** будетъ стоять деревня, съ прямыми улицами.

— И гдѣ тутъ кабакъ будетъ? слышится изъ толпы.

— Да по планту-то тамъ, на углу...

— Развѣ и кабакъ сгорѣлъ? спрашиваю я.

— Сгорѣлъ, будь онъ не ладенъ! Да что ему! — цѣловальникъ бочку перекатилъ въ другой домъ и вывѣску повѣсилъ... Вино тамъ...

Дѣйствительно, не подалеку отъ пожарища, надъ одной избой торчала зеленая елка демьянскаго феникса.

Изъ подъ елки шелъ на встрѣчу намъ пьяный мужикъ, по обличью, не русскій, не высокаго роста, черноволосый, безбородый, съ узкими, загноившимися глазами. Онъ пошатывался и ругался.

— Вишь, остяцкая морда, какъ дорвался до кабака, такъ и нализался, ругнулъ его Василій.

Это былъ первый остякъ, котораго я видѣлъ на Иртышѣ.

— Здѣшній, Демьянскій?

— Нѣтъ, изъ за Иртыша. Деревня есть ихняя, да онъ одинъ во всей деревнѣ и остался.

— Гдѣ же другіе?

— Мрутъ.

Миновавъ чуть не все село, мы добрались до двора дяди Василья. Его домъ былъ, какъ и у другихъ—пятистѣнный. Въ избѣ помѣщалась его семья, а мнѣ предложили занять горницу, гдѣ уже былъ какой-то проѣзжій. Онъ оказался обскимъ рыболовомъ, пріѣхавшимъ въ село Демьянское нанимать рабочихъ. За самоваромъ мы разговорились.

— Кто къ вамъ нанимается на промыслы? спросилъ я.

— Больше ссыльные. Остяки также нанимаются.

— Хорошій народъ—ссыльные?

— Какой хорошій! Съ ними просто мука: пьянствуютъ, убѣгаютъ. Если-бы не начальство, то и способу не было-бы.

— А сколько вы платите рабочимъ?

— Всяко, и 16 и 20 рублей, и дороже. Это за весь ловъ. Нанимаемъ въ Маѣ, а уходятъ съ работы числа десятаго Октября... Да вотъ, посмотрите: одинъ сюда идетъ; хоть этотъ не ссыльный, да тоже...

Рыболовъ махнулъ рукой.

Въ комнату вошелъ молодой, но туповатый и заморенный парень, въ изорванномъ зипунишкѣ и босый. Молча поклонился и сѣлъ.

— Зачѣмъ пришелъ? я сейчасъ васъ отправлять буду, сказалъ рыболовъ.

— Н-но... протянулъ парень.

— Не нокай, а иди. Не до вечера съ вами прохлаждаться.

— Ишшо **лопатину** *) надо выкупить.

— Ну и выкупай.

— Денегъ, вишь, надо.

— Я и то тебѣ три цѣлковыхъ передавалъ.

— Н-но...

Рабочій сидитъ.

— Иди, говорятъ тебѣ! гонитъ рыболовъ.

— Хошь тридцать копѣекъ...

— На полштофа?

— Пошто! Лопотина у цѣловальника.

— Эхъ! вы!—народъ! и рыболовъ полѣзъ въ мошну.

Проводивши парня, рыболовъ ушелъ снаряжать рабочихъ. Вскорѣ еще явился рабочій безъ шапки, въ рубахѣ, портахъ и стоптанныхъ опоркахъ на ногахъ. Онъ былъ изрядно выпивши.

— Позвольте узнать вашу милость, обратился онъ ко мнѣ,—какъ васъ называть—величать: купецъ вы, или баринъ?

— Не купецъ и не баринъ. А ты кто?

— А мы наняты рыболовить.

— Здѣшній?

— Никакъ нѣтъ... по несчастью. Сами когда-то осетровъ ловили. У насъ и пѣсня такая есть. Если угодно споемъ... Дайте, ваша милость, рюмочку во-

*) Одежда: зипунъ или т. п.

дочки. Хоша я выпилъ, да мало. За тѣмъ и къ хозяину пришелъ.

— Кажись, довольно.

Но рабочій присталъ. Я далъ ему водки, за что онъ сейчасъ же отблагодарилъ меня, предложивъ яйцо, которое досталъ изъ за рубахи.

— Ваше почтенье, сдѣлай милость, уважъ: съѣшь на здоровье.

Возвратился рыболовъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь? накинулся онъ на рабочаго.— Пошелъ на берегъ! сейчасъ отправлять буду.

— Я къ вамъ. У меня дѣло есть! подбоченившись заявилъ тотъ.

— Знаю какое дѣло. Маршъ!

— Нѣтъ, не маршъ, а мнѣ тридцать копѣекъ пожалуйте.

— Видно не напился. Проваливай!

— А ежели проваливай, такъ и провалю. Меня только ты и видѣлъ!

— Это дудки! Порку хочешь? Сейчасъ въ волость сведу.

Рабочій, направившійся къ дверемъ, оппулся и перемѣнилъ тонъ.

— Ну, сдѣл-милость, дай хоть на шкаликъ.

Рыболовъ смилостивился.

Пришелъ пожилой мужикъ, трезвый. Остановился у дверей и началъ вздыхать.

— Садись.

— Не до сидѣнья. Къ тебѣ Егоръ Иванычъ съ докукой.

— Что опять?

— Мнѣ, вишь-ты, денегъ-бы...

— Много ихъ у меня...

— Будь милостивецъ! Зароблю*).

— Какой ты работникъ!

— Не я, ребята заробятъ... у меня, слава Богу...

— Не дамъ. За тобой и такъ есть.

— Будь другъ, дай!.. На лѣто со всей семьей прiѣду къ тебѣ робить...

Долго упрашивалъ мужикъ и долго ломался рыбопромышленникъ.

Пришли сказать, что лодка для рабочихъ готова.

— Худа шибко, стара лодка, да и погода поднимается. Кабы чего не случилось.

— Ничего. 17 человѣкъ сдержитъ.

— Никиту не можемъ вызвать изъ кабака. Буянитъ.

— Связать его... эка фря!

Навалили гурьбой рабочiе. Ругаются, не хотятъ плыть въ худой лодкѣ. Пришлось хозяину еще раскошеливаться. Повелъ ихъ снова въ кабакъ, а оттуда на рѣку.

Подвечеръ рабочiе уплыли. Уѣхалъ и промышленникъ въ сосѣднее село набирать другую партiю рабочихъ.

---

*) Заработаю.

Село Демьянское возникло изъ ямщицкаго поселенiя въ первой половинѣ XVII-го вѣка, когда, въ избѣжанiе отягощенiя инородцевъ подводами, при сообщенiи между Тобольскомъ, Сургутомъ и Березовомъ, правительство выселило сюда изъ за Урала ямщиковъ. Нынѣшнее мѣсто села далеко отодвинулось отъ прежняго, которое въ настоящее время чуть-ли не по ту сторону Иртыша. Правый берегъ съ каждымъ годомъ обрываетъ, и на памяти стариковъ, Демьянская церковь уже третья, а мѣсто первыхъ церквей давно въ водѣ. Вообще, отъ Тобольска населенiе праваго берега Иртыша страдаетъ отъ его постепеннаго отклоненiя, а противоположный, низменный берегъ ежегодно заливается водою. Жители всегда терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, а нерѣдко и въ сѣнѣ, не смотря на свои необъятные луга.

Хлѣбопашество, чѣмъ ниже по Иртышу, тѣмъ становится слабѣе и ограниченнѣе. Пахотныхъ земель очень мало: болота да гари. Почва глинистая и требуетъ удобренiя. Въ обществахъ земля дѣлится на **паи**. Пай содержитъ въ себѣ 5000 квадр. саженъ. Такихъ паевъ въ Демьянскомъ обществѣ двѣнадцать и приходится на каждую тяглую душу саженъ по сту квадратныхъ. Способы обработки земли даже не достигли и той степени, въ какой они являются въ южныхъ округахъ Тобольской губернiи, хотя и тамъ не ахти какiя усовершенствованiя. Тамъ, напримѣръ, единственное нововведенiе въ орудiяхъ хлѣбопашества, от-

личающее современныхъ земледѣльцевъ—крестьянъ отъ доисторическихъ, — соха-колесянка, а здѣсь и этого нѣтъ: пашутъ сохою-рогалюхою.

Изъ хлѣбовъ около Демьянскаго сѣютъ рожь, ячмень и, въ незначительномъ количествѣ, ярицу. Пшеницу вовсе не сѣютъ. Овесъ родится относительно хорошо. Но снятаго хлѣба не достаетъ жителямъ. Они покупаютъ его съ весны у барочниковъ, приблизительно по такимъ цѣнамъ; муку пшеничную 70 к. — 80 к. за пудъ; ржаную 35 к. — 50 к. за пудъ; овесъ 30 коп. за пудовку.

Около Демьянскаго сѣютъ ленъ; изъ него крестьянки ткутъ для собственнаго употребленія грубый холстъ.

Изъ огородныхъ овощей родится болѣе рѣпа, но крестьяне вовсе не обращаютъ вниманія на огородничество, которое могло-бы служить значительнымъ подспорьемъ для питанія, тѣмъ болѣе, что пища жителей этихъ мѣстъ не разнообразна и необильна. Во все время года, главные предметы стола мѣстнаго крестьянина составляютъ ячменный хлѣбъ и ячменные щи. Хлѣбъ печется по большей части ввидѣ лепешекъ, а щи приготовляются такъ: ячменныя зерна варятся въ водѣ и подбиваются въ постные дни мукой, а въ молочные—смѣтаной. Картофельная или рѣпная каша служитъ вторымъ блюдомъ. Зимою ѣдятъ мелкую рыбу; иногда заячье мясо. Зайцевъ называютъ „польскими барашками“. Мясо ихъ продается по 25 копѣекъ за пудъ. Зайца варятъ безъ всякихъ приправъ, кромѣ, разумѣется, соли. Соль

покупаютъ по восьмидесяти копѣекъ за пудъ.

Въ осеннее время, къ столу прибавляется лакомство: пареная капуста. Она можетъ родиться, но сѣютъ ее мало, по нѣскольку вилковъ. Снявши съ корня, капусту кладутъ въ корчагу и парятъ, а потомъ съѣдаютъ всей семьей заразъ.

Обиліемъ дичи жители пользуются умѣренно по дороговизнѣ пороха. Дичь ловятъ пленками и только для собственнаго употребленія.

Переходя отъ пищи къ хозяйству крестьянина на Иртышѣ, встрѣчаемъ также мало утѣшительнаго. Мнѣ разсказывали, что одинъ начальникъ объяснилъ проѣзжей особѣ причину худыхъ построекъ въ селѣ Демьянскомъ—лѣнью жителей. Это невѣрно: крестьяне просто не имѣютъ ни времени, ни средствъ улучшить свое хозяйство. Земля, на которой они выбиваются изъ силъ, ихъ не прокармливаетъ въ продолженіи года, а рыбопромышленность не вознаграждаетъ соотвѣтствующимъ заработкомъ. Рѣкою, могущею обезпечить благосостояніе жителей, они владѣютъ номинально. Между тѣмъ, на этой рѣкѣ они являются безустанными работниками въ пользу единичныхъ личностей, скупающихъ у крестьянъ рыболовные пески.

Кромѣ пашни, посвящая ловлѣ рыбы и зиму и лѣто, у мужчинъ нѣтъ времени наблюдать за своими дворами, попеченіе о которыхъ возложено безусловно на женщинъ... Женщинѣ здѣсь живется очень тяжело. Она непомѣрно обременена трудомъ и не пользуется

даже добрыми семейными отношеніями, что видно изъ постоянныхъ несогласій, раздоровъ и дракъ въ семействахъ. Нерѣдко мужъ бросаетъ свою жену съ кучею ребятъ, живетъ съ другою женщиною, требуя, между тѣмъ, повиновенія отъ брошенной жены, при встрѣчахъ придирается къ ней, бьетъ ее. Положеніе русской женщины, вышедшей замужъ за остяка, увѣрялъ меня одинъ почтенный священникъ, давно живущій на Иртышѣ, гораздо лучше.

Вотъ что несетъ Демьянская или Самаровская женщина*). — Кромѣ обыкновеннаго хозяйства, т. е. стряпни, ухода за ребятами и домашнимъ скотомъ, она весною боронитъ, ткетъ холстъ; лѣтомъ чиститъ ленъ и сплавляетъ съ мужчинами лѣсъ. Когда поспѣетъ сѣно, женщина работаетъ на сѣнокосѣ. Хлѣбъ жнутъ только однѣ женщины. Къ зимѣ онѣ заготовляютъ мужчинамъ платье, рукавицы, чулки, самоловы; зимою молотятъ, обдѣлываютъ куделю, мнутъ, прядутъ, ѣздятъ за дровами и за сѣномъ. Мужчинъ въ это время нѣтъ дома; они находятся на рыбной ловлѣ, и во всю зиму пріѣзжаютъ домой къ Николину дню, дня на два, пображничать.

Несогласія въ крестьянскихъ семействахъ относятся къ неравенству браковъ по лѣтамъ. Жена всегда старше мужа лѣтъ на пять и болѣе.

Выходя замужъ, дѣвушка неимѣетъ приданаго отъ

*) С. Самарово ниже села Демьянскаго на 256 в.

родителей, а несетъ за собою только то, что сама заработала. Съ 15-ти лѣтъ она нанимается **на сторону**, въ работницы, а по мѣстному выраженію въ **пострадки**, обыкновенно на два періода: или съ Рождества на годъ, или съ Пасхи до Филиппова заговенья (14 Ноября). За весь срокъ она получаетъ отъ 5 до 10 рублей, работая все, что велятъ хозяева — наниматели. Въ страду работницѣ выдаютъ, сверхъ платы: чарки, 1/2 фун. овечьей шерсти и 1 фунтъ мыла. Изъ такихъ рессурсовъ работница-дѣвушка, многолѣтнимъ тяжелымъ трудомъ, экономитъ себѣ приданое, и выходитъ замужъ, имѣя далеко за двадцать лѣтъ...

Податей и повинностей здѣшніе крестьяне выплачиваютъ въ годъ до шести рублей съ души. Кромѣ того, платятъ на содержаніе волостнаго правленія по 60 к., на содержаніе церкви по 20 к., на исправленіе дорогъ по 1 руб. и на наемъ **понедѣльщика** (2 недѣли въ году) 1 р. Понедѣльщиками называются люди, которые исполняютъ земскую и почтовую гоньбу во время лѣта, правильнѣе, лодочники, потому, что, чрезъ двѣ-три станціи отъ Тобольска, внизъ по Иртышу, лѣтомъ существуетъ одно сообщеніе—водное. Для проѣздовъ земскихъ чиновъ употребляются крытыя лодки — **каюки**, не всегда удобныя для плаванія. Напримѣръ, противъ большаго вѣтра каюкъ не можетъ плыть: его парусить. Также онъ медленно движется и противъ воды. Обвалы крутыхъ береговъ Иртыша бы-

ваютъ очень опасны для пловцовъ въ небольшихъ лодкахъ и каюкахъ. Масса берега, въ нѣсколько саженъ*), рушась въ воду, производитъ страшное волненіе по рѣкѣ версты на двѣ, при чемъ нерѣдко волны или опрокидываютъ лодки или выбрасываютъ ихъ на отлогій берегъ и мели.

Въ „понедѣльшики“ нанимаются молодые ребята, лѣтъ 15-ти—18-ти и женщины. Работа понедѣльшиковъ трудная, потому, что станціи одна отъ другой верстъ до 30 и болѣе.

Оригиналенъ перевозъ чрезъ Иртышъ домашняго скота. Лѣтомъ скотъ пасется на луговой сторонѣ, а такъ какъ у крестьянъ нѣтъ ни большихъ лодокъ, ни паромовъ, то они перевозятъ лошадей и коровъ съ одного берега на другой въ обыкновенныхъ „неводникахъ“ (лодка саженъ четырехъ). Иногда двѣ лодки связываются вмѣстѣ. Въ нихъ ставятъ скотъ не связанный и плывутъ. Лошади при переправѣ смирнѣе коровъ. Коровы же брыкаются и наваливаютъ лодку. Впрочемъ, вывалиться изъ лодки здѣсь не составляетъ происшествія.

— Лонись, разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ, корова совсѣмъ было потопила насъ. Выпала изъ лодки, а была привязана. Едва успѣли отсѣчь веревку... Вѣдь, не утонула: мы плывемъ и она за нами. Такъ и добралась до берега...

*) Саженъ до двадцати.

Прежде существованіе крестьянъ поддерживалось съ бо̀льшимъ достаткомъ, чѣмъ нынѣ, звѣроловствомъ и рыбопромышленностью. Теперь первый изъ этихъ промысловъ въ селѣ Демьянскомъ почти не существуетъ, а второй доведенъ для массы до minimum'а заработка. Звѣропромышленность пала вслѣдствіе истребленія урмановъ пожарами. — „Звѣрь, какъ говорятъ, ушелъ далѣе“, что уже давно замѣчено на большомъ пространствѣ по Сѣверу Сибири.

Лѣсные пожары нанесли также значительный вредъ и сбору кедровыхъ орѣховъ: кедры выгорѣли.

Пожары эти объясняются двумя причинами: первая, подлежащая сомнѣнію, заключается въ самовозгораніи лѣса отъ тренія между вѣковыми деревьями; вторая, — совершенно вѣроятная,—въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ самихъ звѣропромышленниковъ. Такъ недавніе большіе пожары мѣстными жителями единогласно приписываются небрежности рабочихъ одного Самаровскаго торговца, оставившихъ въ урманѣ разведенный огонь.

Конечно, звѣрь еще остался, но съ каждымъ годомъ уловъ его, по словамъ промышленниковъ, ослабѣваетъ. Въ уцѣлѣвшихъ урманахъ водятся медвѣди, лоси, олени, бѣлки, горностаи, зайцы, песцы, выдры и волки. Цѣны на звѣриныя шкуры въ полной зависимости отъ Тобольскихъ и мѣстныхъ скупщиковъ, ведущихъ свои дѣла съ русскими и инородцами на сбытѣ хлѣба, соли и другихъ предметовъ потребленія, при

неизбѣжномъ кредитѣ и широкой кабалѣ.

Орѣхи родятся годами. Въ селѣ Самаровѣ, въ урожайный годъ, одно семейство набираетъ ихъ пудовъ 20. (Въ селѣ 170 дворовъ).

Утверждаютъ, что одинъ астраханскій купецъ ловитъ рыбы болѣе, чѣмъ всѣ промышленники Сѣвера Тобольской губерніи. Это, допустимъ преувеличено, но дѣйствительно то, что какъ на Иртышѣ, такъ и на Оби, улучшенія и развитія рыболовнаго промысла незамѣтно, и получаютъ отъ него нѣкоторую выгоду одни скупщики и кулаки, а не населеніе. Послѣднѣе представляетъ собою работника — рыболова, а не хозяина рѣчныхъ богатствъ, изъ которыхъ оно даже для своей пищи пользуется только мелкой, негодной для вывоза, рыбой. Между тѣмъ, рыболовные пески составляютъ прямое достояніе жителей. Неимѣя средствъ для полнаго рыболовнаго обзаведенія, они отдаютъ ихъ въ аренду богатымъ людямъ за самую ничтожную цѣну, а въ придачу, идутъ въ кабалу и сами. По Иртышу **высшая** арендная плата за песокъ **рѣдко** достигаетъ 100 р.—150 рублей. При этомъ встрѣчаются весьма прискорбные факты. Такъ въ Самаровской волости всѣ пять песковъ няходятся во владѣніи одного лица — виноторговца. У него на пескахъ рыболовятъ **рабочіе** за опредѣленную плату 15 р.—20 руб. въ лѣто, а жители хотя и несчитаются рабочими, т. е. не получаютъ наемной платы, добытую ими рыбу сдаютъ ему же за получаемый въ долгъ хлѣбъ, обувь, платье и водку.

Объ артеляхъ, единственномъ спасеніи отъ эксплоатаціи гнилымъ товаромъ и водкою, крестьяне не помышляютъ; тѣмъ менѣе остяки и самоѣды.

Впрочемъ, работники—рыболовы сбываютъ свою добычу по „настоящей“ цѣнѣ, если не принять во вниманіе того, что и скупщики продаютъ рыболовамъ гнилой ситецъ, чай—ваньку и т. п., налагая самый безцеремонный процентъ. Послѣднѣе обстоятельство не нужно забывать читая нижеслѣдующія цифры цѣнъ на рыбу въ низовьяхъ Иртыша:

Осетры 4 р. —4 р. 50 к. за пудъ мѣрные*).
„ 3 „ не мѣрные.
Стерлядь 4 р.—4 р. 50 к. за пудъ мѣрная.
Налимы отъ 1 р. 50 к.
Щуки 40 к.—1 р.
Язи 1 р.
Окуни 1 р.—1 р. 20 к.
Чебаки 60 к., мѣрные**).
Ерши 20 к. за пудъ.

Ерши, какъ мелкая рыба, не вывозятся, а употребляется мѣстными жителями въ пищу.

Кромѣ этихъ рыбъ, въ Иртышѣ попадаются муксуны (salmo lavareto affinis***) и сырки (salmo vimba), но ихъ ловятъ мало.

*) Осетръ мѣрный—5-ти четвертей отъ глазъ до хвоста.

**) Чебакъ мѣрный—болѣе 1/4 аршина.

***) Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ сказано, что эта рыба въ Иртышъ не входитъ—неправда.

Рыбу солятъ на мѣстѣ, а изъ осенняго улова отправляютъ не соленой для сбыта въ Тобольскѣ, Ирбитѣ (ярмарка въ Февралѣ) и Ишимѣ (ярмарка въ Декабрѣ).

Провозъ рыбы съ устья Иртыша до Тобольска въ зимнее время стоитъ 35 к. — 50 к. съ пуда; до Ирбита 60 к.—70 к.

Теперь перейду къ рыболовнымъ снарядамъ и стоимости ихъ.

Главный снарядъ, употребляемый на пескахъ — неводъ. Большой **неводъ**, со всѣми принадлежностями ловли, стоитъ до 1000 рублей, а малый, крестьянскій, обходится рублей во сто. Отдѣльно отъ арендаторовъ крестьяне и остяки ловятъ рыбу **самоловами**. Этотъ снарядъ очень простъ: желѣзный крючекъ на бичевкѣ, отпускаемый въ воду, преимущественно зимою, безъ наживы (приманки), т. е. голый. Кромѣ самолововъ, добываютъ рыбу **мордами** (плетеная изъ ивняка, конусообразная коробка), **чердаками** и **саипами**. Чердакъ и саипъ — небольшія сѣти, цѣною въ 2 р. Чердаками ловятъ рыбу, когда таетъ ледъ и она идетъ по водѣ.

При рыболовствѣ употребляются лодки отъ $1^1/_2$ до 8-ми саженей. Изъ нихъ **завозная** или **неводникъ** самая большая, гребей до 8, цѣнится въ 40 р.—50 руб., **городовушка**, саженъ 5—6-ти, 12 р.—20 р.; **переметка** и **неводничекъ**, менѣе городовушки, 8 р.—10 р.; **обласокъ**, **осиновка** или **однодеревка**, небольшая, выдолбленная изъ одного дерева, лодка, цѣнится отъ 80 копѣекъ до 2 рублей*).

Самоловы, сѣти, морды и лодки крестьяне дѣлаютъ сами. Мѣра лодокъ у нихъ считается на **рушныя** (ручныя) сажени, раскинутыми руками, отъ послѣдней конечности одной руки до противоположной.

Остяки, обитающіе по берегамъ Иртыша, всѣ обращены въ христіанство, и можно сказать, обрусѣли, на половину забыли родной языкъ и пріобрѣли всѣ дурныя привычки русскаго населенія. Наиболѣе они предаются пьянству. Въ религіозномъ отношеніи подчиняются требованіямъ церковныхъ обрядовъ: крещенію, похоронамъ, но при чисто внѣшнихъ представленіяхъ о таинствахъ и первобытномъ суевѣріи. Живутъ они небольшими деревнями, въ такихъ же избахъ, какъ и русскія. Остяцкая изба бѣдна, да и русская не богата. Какъ русскіе, такъ и остяки употребляютъ на строенія лѣсъ сосновый, лиственичный и еловый. Прежде употребляли кедръ, но нынѣ это запрещено.

*) Остяки, во время своихъ переходовъ между многочисленными притоками большихъ рѣкъ обской системы, носятъ съ собою маленькія лодки, въ которыхъ и переплываютъ встрѣчающіяся на пути рѣчки.

Одеждой здѣшніе остяки не отличаются отъ русскихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе носятъ зимою **гусь** и **малицу** — одежды изъ оленьихъ шкуръ, вверхъ шерстью. Лѣтомъ носятъ по верхъ рубахи **верхницу**, нѣчто вродѣ блузы, холщевая рубаха до колѣнъ.

Земледѣліемъ и скотоводствомъ остяки не занимаются. Въ русскомъ же хозяйствѣ скотъ мелкій и въ небольшомъ количествѣ. Лошадь здѣсь стоитъ 15 р.—30 руб.; корова 5 р.—10 руб.; овца 1 руб. Свиней мало по дороговизнѣ корма. По той же причинѣ не держатъ и домашнюю птицу.

Какъ извѣстно, остяки есть одна изъ тѣхъ расъ, которыя въ ученомъ мірѣ называются **не культурными**, обреченными судьбою на вымираніе. И дѣйствительно, остяки исчезаютъ цѣлыми деревнями. По берегамъ Иртыша много мѣстъ, гдѣ были остяцкія деревни, а теперь остались одни пустыри. Другія деревни инородцевъ наслѣдованы русскими. Есть деревни, въ которыхъ находится по одной душѣ мужескаго или женскаго пола.

Въ Демьянскомъ приходѣ, въ началѣ нашего вѣка, считалось 158 остяковъ мужескаго пола; нынѣ всего до шестидесяти душъ. Особенно замѣтна въ инородческихъ семействахъ неживучесть дѣтей, и только, когда остякъ женится на русской женщинѣ, дѣтей бываетъ и больше и менѣе они гибнутъ въ младенчествѣ.

Отъ Демьянскаго до устья Иртыша три села, а

именно: Романово, Рѣполово и Самарово. Около послѣдняго — пароходная пристань. Село расположено на отложьи праваго берега рѣки, и при своемъ основаніи, также какъ и Демьянское, было ямщицкимъ поселеніемъ. Нынѣ въ немъ до 170 домовъ и до семи сотъ душъ обоего пола. Населеніе исключительно русское. Мѣсто, занимаемое селомъ очень тѣсное; разселиваться негдѣ, ибо подъ крутизной старой береговой террасы идетъ узкая полоса земли, изрѣзанная родниками, низменная и почти вся затопляемая весенними разливами. Тѣснота и безпорядочность построекъ поразительная. Жители, сознавая неудобства и опастность расположенія своего села, гдѣ нѣтъ ни дворовъ, ни улицъ, рѣшились на крайнюю мѣру: прибѣгнуть къ жеребьевкѣ пустыхъ мѣстъ за селомъ, куда и выселиться изъ тѣсной кучи строеній. Однако, новыя мѣста оказались до того неудобными, что на нихъ „собаки тонутъ". Къ сожалѣнію, эти мѣста случайно выпали на долю наибѣднѣйшихъ домохозяевъ, не имѣющихъ матеріальной возможности ни укрѣпить болотистой почвы, ни перенести на нее своихъ домишекъ, которые къ тому же земская полиція поправлять не дозволяетъ, желая тѣмъ побудить къ скорѣйшему выселенію.

Въ Самаровѣ живетъ нѣсколько довольно зажиточныхъ торговцевъ, арендаторовъ рыболовныхъ песковъ и скупщиковъ*) рыбы и звѣря. Это все почти недавніе

*) Они, какъ домохозяева, не были привлечены къ жеребьевкѣ мѣстъ, гдѣ „собаки тонутъ".

пришельцы, имѣвшіе или имѣющіе въ программѣ своихъ промысловъ виноторговлю.

Жители с. Самаровскаго не занимаются хлѣбопашествомъ, которое совершенно прекращается еще около с. Рѣполовскаго, за 150 верстъ отъ с. Демьянскаго.

Въ с. Самаровѣ одна каменная церковь, почтовое отдѣленіе и аптека.

Пароходная пристань ниже села версты на $1^1/_2$. Здѣсь берегъ укрѣпленъ срубомъ и выстроенъ домикъ для помѣщенія лицъ, ожидающихъ парохода.

Отъ Самарова до устья Иртыша 23 версты. Пароходы, идущіе въ Томскъ и обратно почти никогда не заходятъ въ устье, а пользуются протокомъ „Неулевка" изъ Иртыша въ Обь, на 12 верстѣ ниже Самарова.

Войдя въ Неулевку, возвышенность праваго берега Иртыша постепенно исчезаетъ и обращается въ низменность, покрытую множествомъ протоковъ и рѣчекъ, весною сливающихся въ сплошную, необъятную для взора, массу воды. Притокъ Неулевка отъ Иртыша до Оби идетъ на разстояніи 74 верстъ, и впадаетъ въ Обь около дер. Зенковой, на 66 верстѣ выше устья Иртыша. Неулевка не широкая, но извилистая. По берегамъ ее я насчиталъ всего 5 небольшихъ русскихъ деревень. Здѣсь жизнь и природа принимаетъ уже другой характеръ—сѣверной пустыни, непроходимыхъ тундръ, лѣсовъ и безлюдья. Это Сургутскій край, одинъ изъ громаднѣйшихъ округовъ Тобольской губерніи, къ которому я перехожу въ слѣдующей главѣ.

ОБЬ.

Сургутскій край.

Нарымскій край.

Сургутскій край.

Рѣка Объ.—Притоки Оби.—Урманы.—Остяки.—Ихъ наружность, одежда, жилища и пища.—Миссіонерство между инородцами.—Музыкальные инструменты остяковъ. — Остяцкое капище.—Священные камни.—Шаманы лекаря и колдуны.—Сургутскій округъ.—Число жителей остяцкаго населенія.—Географическое распредѣленіе остяцкихъ волостей въ связи съ промышленностію.—Число юртъ.—Оленеводство.—Собаки.—Скотоводство. — Хлѣбопашество. — Продовольствіе инородцевъ.—Запасные магазины хлѣба.—Управленіе остяковъ, подати и повинности.—Русское населеніе.— Число домовъ и жителей.—Скотоводство.—Управленіе, подати и повинности.—Городъ Сургутъ. — Загаръ. — Число домовъ и жителей въ Сургутѣ.—Составъ населенія.—Русскія учебныя заведенія и инородческія школы. — Больница.—Уличная жизнь въ Сургутѣ.—Остяцкая женщина.— Ярмарки.—Цѣны на звѣриныя шкуры и рыбу. — Русскіе

и остяки въ торговлѣ.—Два слова о русской колонизаціи въ Сургутскомъ краѣ.

Рѣка Обь образуется изъ сліянія рѣкъ Біи и Катуни, на югѣ Томской губерніи. Она сначала течетъ по направленію къ сѣверо-западу и, вступивъ въ предѣлы Тобольской губерніи подъ 59° с. ш., по впаденіи рѣки Ваха, уклоняется на западъ до устья Иртыша; потомъ постепенно отступаетъ къ сѣверу, она достигаетъ Обской губы. Длина Оби въ Тобольской губерніи опредѣляется въ двѣ тысячи верстъ, а путешественнику изъ Тюмени въ Томскъ приводится проплыть по ней 1200 верстъ, изъ которыхъ до 700 верстъ въ Сургутскомъ краѣ. Здѣсь нормальная ширина рѣки имѣетъ отъ 1-й до 2-хъ верстъ, и при множествѣ рукавовъ, протоковъ и впадающихъ рѣкъ поражаетъ обиліемъ воды, въ особенности въ половодье, когда въ иныхъ мѣстахъ затопляются даже возвышенности между рѣкой и ея рукавами.

Въ Обь впадаетъ много довольно большихъ рѣкъ, не считая Иртыша. Въ Сургутскомъ краѣ болѣе замѣчательныя изъ нихъ: Вахъ, Пимъ, Ляминъ-соръ и Юганъ, вытекающія изъ тундръ и урмановъ, гдѣ не была еще нога русскаго промышленника. Напримѣръ, рѣка Ляминъ-соръ, по неизвѣстности своего начала, дала поводъ къ разсказамъ о томъ, что верховья ея сообщаются съ Обскою губою. Устье Лямина-сора (165

верстъ выше впаденія Иртыша въ Обь) сливается съ устьемъ другой рѣки Пимъ, отстоящимъ на двадцать пять верстъ выше и представляется безграничнымъ заливомъ.

Берега притоковъ Оби покрыты густымъ, непроходимымъ лѣсомъ, только кой-гдѣ проложены тропинки звѣролововъ — туземцевъ, самоѣдовъ и остяковъ. Громадные кедры, сосны, лиственницы, поваленные бурею въ рѣки, надъ которыми они высились въ продолженіи вѣковъ, образовали сплошные наносы или **ломы**, что дѣлаютъ рѣки не судоходными. На рѣкѣ Пимѣ одинъ ломъ, въ 10 верстахъ отъ устья, образуетъ нѣчто вродѣ помоста болѣе двухъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти помосты или ломы, покрывшись также наносною землею, дали отростки новаго лѣса **на водѣ**. Впрочемъ, на большихъ рѣкахъ, чѣмъ Пимъ, наносы не существуютъ. Такъ по Ваху и Югану населеніе сообщается на гребныхъ судахъ въ продолженіи цѣлаго лѣта безпрепятственно. Пароходы же въ притокахъ Оби Сургутскаго края, на сколько извѣстно, не ходили, кромѣ одного, принадлежащаго г. Тюфину, дѣлавшаго попытку проникнуть въ Ляминъ-соръ.

Густыя лѣсныя трущобы, гдѣ вѣковыя деревья сплетаясь своими вѣтвями, хмѣлемъ и вьющимися растеніями, не пропускаютъ ни струи воздуха, ни луча солнца, называются **урманами**. Они доставляютъ краю главный промыселъ и богатство. Послѣднее,

впрочемъ, выпало въ удѣлъ не промышленнику—оборванному, грязному, изнуренному трудомъ и болѣзнями, остяку, а торговцу—скупщику. Пробираясь шагъ за шагомъ между колючихъ растеній урмана, перелѣзая чрезъ гиганты—кедры и сосны, опрокинутые бурей, въ тьмѣ, духотѣ и смрадѣ болотъ, звѣроловъ ищетъ бѣлку, лисицу, медвѣдя, оленя, лося и—трудно и дорого обходится звѣролову его промыселъ! То онъ заблудится въ безграничной лѣсной трущобѣ, то его задеретъ медвѣдь, то затопчетъ и забьетъ чудовище сѣвера—лось....

Нѣтъ опаснѣе звѣринаго промысла въ урманѣ и нѣтъ печальнѣе положенія звѣролова—остяка. Но что такое остякъ? *)

Предъ вами не высокаго роста, неуклюжая, сонная фигура оборигена, съ плоскимъ лицемъ, съ узенькими загноившемися глазами отъ дыма своего шалаша и болѣзней; выраженіе грязно-желтаго лица тупое, окаймленное нечесанными длинными прядями черныхъ волосъ. Это остякъ. Зимой онъ одѣвается въ оленьи шкуры, шитыя оленьями жилами**), лѣтомъ въ рубахѣ

*) Слово остякъ—татарское—угитякъ, т. е. дикій.

**) Зимняя одежда остяка — малица, парка и гусь. Малица есть длинная рубаха; надѣвается шерстью къ тѣлу. Парка такая же одежда, но носится шерстью наружу. Въ сильный морозъ остякъ надѣваетъ поверхъ парки гусь—тоже изъ оленьихъ шкуръ, съ пришитою шапкою. Обувь зимой состоитъ изъ такихъ же сапоговъ, или вѣрнѣе чулковъ. Одежда остяковъ описана въ учебникахъ, хотя она не всегда такъ тепла, какъ о ней разсказываютъ и не всегда такъ изукрашена, какъ видно на картинкахъ и на выставкахъ.

и портахъ изъ грубаго крапивнаго холста, а иногда изъ налимьей или осетровой кожи. Живутъ остяки деревнями, строенія которыхъ русскіе люди называютъ безразлично отъ татарскихъ **юртами**. Но у татаръ юрты строятся также какъ обыкновенные деревенскіе дома, съ измѣненіемъ только во внутренней обстановкѣ (каминъ или чувалъ, нары), а у остяковъ, если юрта и срублена изъ бревенъ, то скорѣе есть подобіе не дома, а нашей русской бани, „по черному“, безъ пола, безъ печи. Чаще же юрты остяковъ просто землянки, т. е. вырытая въ землѣ яма, защищенная сверху берестяною, покрытою землею, крышею. Въ такихъ юртахъ остяки живутъ зимою, а лѣтомъ они, отходя отъ зимовищъ къ болѣе удобнымъ для промысловъ мѣстамъ, строятъ передвижныя жилища изъ тонкаго лѣса и бересты конусообразно и вродѣ навѣса, подъ 45°. Въ послѣднемъ случаѣ юрта повертывается по погодѣ своей защищенной стороной противъ вѣтра, что легко исполняютъ находящіеся постоянно при юртѣ женщины и дѣти. Обстановка въ такой юртѣ весьма несложная и не показываетъ ни достатка, ни удобствъ хозяйственныхъ приспособленій. Обыкновенно, въ углу юрты сваливается весь домашній скарбъ, какой нибудь разломанный сундучишко, двѣ-три берестянныхъ коробки собственнаго издѣлія и куча тряпья, до котораго нельзя

дотронуться, чтобы не получить десятокъ отборныхъ, но непріятныхъ насѣкомыхъ.

Передъ юртой разводится огонь, гдѣ жители приготовляютъ себѣ пищу. Еще у Нестора приводится легенда объ югорцахъ, которыхъ Александръ Македонскій загналъ въ „полуночныя страны, ихъ же нечистоту видѣлъ: ядоху скверну всяку“... Современный остякъ неразборчивъ въ пищѣ: онъ ѣстъ рыбу, мясо лося, оленя, крысы и т. п. при самомъ не хитромъ приготовленіи, часто безъ соли, по дороговизнѣ ея, а если и солитъ, то очень мало. Одно изъ гастрономическихъ блюдъ остяка **уракъ**, растертый въ порошокъ сушеный язь. Это кушанье приготовляется просто: кипятятъ воду и всыпаютъ въ нее тертую рыбу. Если есть соль, то немного солятъ. Единственную приправу изъ зелени я видѣлъ дикорастущую траву, называемую „черемша“, употребляемую вмѣсто лука.

Хлѣбъ для остяка почти такая же рѣдкость, какъ и соль. Изъ муки они варятъ похлѣбку, приправляя кровью и внутренностями животныхъ, а также рыбьимъ жиромъ. Печеніе хлѣба заключается въ томъ, что тѣсто, приготовленное какъ клейстеръ, насаживается на нарочно для этого выстроганную лопатку и жарится надъ огнемъ. Воткнутая въ землю, наклонно надъ огнемъ, лопатка поварачивается къ огню то той, то другой стороной, пока тѣсто совершенно не пропечется.

Остяки особенно любятъ сырую рыбу, сырое мясо оленя и теплую кровь животныхъ. Но разумѣется,

лакомиться мясомъ оленя не всегда и не каждому удается. Имъ чаще питаются звѣроловы и жители отдаленныхъ отъ береговъ Оби закоулковъ, гдѣ болѣе встрѣчаются дикіе олени и въ лучшемъ состояніи находится оленеводство. Когда рѣжутъ оленя, въ остяцкихъ юртахъ торжественное событіе. Группа остяковъ окружаетъ только что зарѣзанное животное, и лишь его освободятъ отъ верхнихъ покрововъ, какъ остяки, живо работая острыми ножами, глотаютъ кусокъ за кускомъ теплое сырое мясо, мокая его въ кровь или запивая ею.

Но вотъ еще одно лакомство. Его даютъ во время сбора кедровыхъ орѣховъ — **бѣлки**. Въ то время внутренности бѣлки—кишки наполнены ихъ любимой пищей орѣхами. Эти кишки вынимаются и ѣдятся остяками съ величайшимъ наслажденіемъ, ибо представляютъ какую-то орѣховую колбасу.

Остяки Сургутскаго края, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ мало доступныхъ поселеній, находящіеся въ соприкосновеніи съ русскимъ населеніемъ и русскими властями, считаются христіанами. Миссіонерская дѣятельность нашего духовенства на сѣверѣ Тобольской губерніи идетъ уже около двухъ столѣтій, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ не достигла желанныхъ результатовъ. Причина неуспѣха миссіонерства заключается главнымъ образомъ въ обособленіи умственнаго развитія этихъ инородцевъ, неподвижностью нравственнаго и матеріальнаго прогресса. Чѣмъ теснѣе дѣлается сближеніе

остяка съ русскимъ тѣмъ очевиднѣе онъ теряетъ свою бытовую самостоятельность и вымираетъ, не получая отъ пришельцевъ ничего, кромѣ кабалы, нищеты, порока и болѣзни. Мысль остяка не движется далѣе какого-то тупаго пассивнаго отношенія къ пришельцамъ и ихъ эксплоатаціи и рабскаго суевѣрія во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ.

Остяки вообще скрытны; на откровенность ихъ нельзя вызвать, да и не съумѣть даже при желаніи остяка быть откровеннымъ, все же по той причинѣ умственной неподвижности.

Культура остяка не пошла далѣе фетишизма, да и то весьма сбивчиваго, неопредѣленнаго, что доказывается массою разнообразныхъ идоловъ, часто безъ исторіи и сказаній, какъ бы случайныхъ. Писменности остяки не имѣютъ. Но тѣмъ не менѣе, несправедливо думать, что остяки не способны цивилизоваться и представляютъ собою расу вымирающую, не культурную. Современное положеніе ихъ дѣйствительно таково: они исчезаютъ съ лица земли, но уничтоженіе ихъ могло бы если не неостановиться, то замедлиться внесеніемъ въ ихъ бытъ болѣе правильной системы развитія и что важнѣе всего лучшихъ условій матеріальнаго благосостоянія. Когда остякъ случайно пользовался благопріятными обстоятельствами въ своемъ развитіи, онъ доказывалъ не дюжинную воспріимчивость. Укажемъ на два примѣра. Въ 1876 году на съѣздѣ оріенталистовъ въ Петербургѣ былъ березовскій остякъ грамотный и толко-

вый, не хуже русскаго, а нѣсколько лѣтъ назадъ въ Тобольской гимназіи обучался остяцкій мальчикъ и по успѣхамъ считался въ ряду лучшихъ учениковъ *).

Великое дѣло миссіонера заключается очищеніемъ души отъ первороднаго грѣха и затѣмъ прибавляетъ въ жизнь инородца нѣсколько таинственныхъ и непонятныхъ обрядовъ, усвоить внутренній смыслъ которыхъ остякъ не имѣетъ средствъ ни въ языкѣ, ни въ сношеніяхъ съ русскимъ населеніемъ. Остякъ проводитъ жизнь на рѣкѣ, въ глуши урмана, въ безпредѣльныхъ тундрахъ сѣвера для того, чтобы показаться съ дорогою добычею на торжекъ въ русское селеніе, получить за добычу грошъ и тутъ же пропить его, вдобавокъ задолжавшись на слѣдующій уловъ за кусокъ гнилой рвани или пудъ муки, перемѣшанной на половину съ землей...

Остякъ неповоротливъ, безпеченъ, лѣнивъ, говорятъ этнографы. Такимъ онъ кажется съ перваго взгляда. При ограниченной суммѣ некультурныхъ потребностей, это естественно. Къ тому же природа довершаетъ свое дѣло. Но не нужно забывать и того, что въ былые годы остяки оленеводы считали свой скотъ тысячами штукъ, да и теперь нерѣдко на мѣстныхъ ярмаркахъ можно встрѣтить остяка съ нѣсколькими сотнями мѣлкаго звѣря: бѣлки, бурундука и т. п. Шкура медвѣдя или лося стоитъ не дюжинной изворот-

*) Этотъ мальчикъ умеръ не окончивъ курса.

ливости. Рыбная ловля на обширной Оби во время бури, когда волны вздымаются сажени на три, въ маленькой лодочкѣ—обласкѣ—также бросаетъ иной свѣтъ на приведенное положеніе.

Остякъ работникъ сѣвера. Здѣсь все достается его руками и доставилось бы больше и лучше, но въ этомъ виноватъ не остякъ.

При ничтожномъ заработкѣ, обманахъ скупщиковъ и хозяевъ и при другихъ самыхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которомъ пріобрѣли господство пьянство и сифилисъ, остяки сохранили качества первобытныхъ народовъ добросердечность и честность. Убійствъ между ними почти не случается, а если и бываютъ, то не изъ корыстныхъ видовъ; воровство считается важнымъ преступленіемъ и несвойственно этому народу.

При всей своей наружной тупости и ограниченности потребностей, остякъ проявляетъ наклонности къ поэзіи, имѣетъ музыкальные инструменты (конечно своеобразные), и въ немногихъ издѣліяхъ бытовыхъ принадлежностей тщится создать рисунокъ, красивый узоръ.

Музыкальныхъ инструментовъ мнѣ извѣстно два: **домбра** и **лебедь**. Первый вродѣ гуслей со струнами изъ оленьихъ жилъ, второй на подобіе арфы. Домбра употребляется для гаданій, и кажется, имѣетъ суевѣрно-религіозное значеніе; лебедя, къ сожалѣнію, я не видалъ и говорю о немъ на основаніи показаній

LX списка населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. На домбрѣ гадаютъ слѣдующимъ образомъ; одинъ остякъ играетъ на инструментѣ и поетъ (напѣвъ заунывный, похожій, на причитанье), другой бросаетъ небольшую лопатку*), подклеенную съ одной стороны тонкой оленьей шкурой. Куда повернется лопатка, по ея направленію опредѣляется счастье или несчестье въ загаданномъ предпріятіи или судьбѣ человѣка.

Въ каждой остяцкой юртѣ можно найти берестяную коробку издѣлія туземцевъ. На коробкѣ вырѣзанъ рисунокъ, какой нибудь прихотливый узоръ, но не изображеніе; оружіе остяка лукъ, мѣшокъ для него изъ оленьей шкуры, колчанъ для стрѣлъ также покрываются узорами. Но встрѣтить попытку сдѣлать на упомянутыхъ вещахъ изображеніе человѣка или животнаго мнѣ нигдѣ не приводилось. Быть можетъ такія изображенія неприсущи домашней обстановкѣ, а составляютъ принадлежность вѣрованій народа. Я не буду повторять того, что извѣстно объ остякѣ, какъ объ язычникѣ. По преданіямъ, у остяковъ было много идоловъ изъ дерева, мѣди и даже золота. Металлическіе идолы исчезли. Но осталось много деревянныхъ, грубо обтесанныхъ болвановъ, какіе иногда удается пріобрѣтать путешественникамъ. Впрочемъ, доступъ въ остяцкіе капища весьма затруднителенъ. Рѣдко,

*) По объясненію мѣстныхъ жителей села Тымскаго эта-то лопатка и называется „лебедемъ“, но она ничуть не похожа на арфу.

русскому промышленнику удается проникнуть въ укромный уголокъ гдѣ стоитъ идолъ. Остяки стараются удалить ихъ какъ можно далѣе отъ любопытства не только русской власти, но и простаго русскаго промышленника. Въ былое время для тѣхъ и другихъ было завѣтной мечтой найти идола, около которыхъ, какъ извѣстно, остяки скапливаютъ цѣнныя жертвоприношенія дорогой пушниной и даже деньгами. Случается и нынѣ промышленнику набресть на капище. Вотъ разсказъ, записанный мною на берегахъ Оби.

— Нынѣ я ѣздилъ верстъ за шестьсотъ отсюда за покупкой звѣря, разсказывалъ мнѣ одинъ торговецъ.— Со мною былъ одинъ остякъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ и говоритъ мнѣ: тутъ есть нашъ шайтанъ (идолъ). Мнѣ захотѣлось посмотрѣть; сталъ я упрашивать своего проводника и кое какъ упросилъ. Повелъ онъ меня лѣсомъ по узенькой тропинкѣ. Самъ идетъ впередъ не скоро и все отаптывается, ступаетъ твердо.

— Иди, говоритъ мнѣ, да не виляй, а то **часка** (счастья) не будетъ...

Пришли мы къ срубу. У дверей стоитъ деревянная кукла, наряженная по женски.

— Кто это?

— Это оспенна свояченица.

Залѣзли въ срубъ. Около стѣнъ поставлено еще три болвана.

— Говори имъ: здравствуй! велѣлъ мнѣ остякъ.

— Скажи имъ: русской пришолъ, чтобы часка ему было много бѣлка достать.

Болваны были обвѣшаны разнымъ тряпьемъ, но подробно я ихъ немогъ разсмотрѣть: въ срубѣ не было оконъ. Передъ шайтанами стоялъ мѣдный чайникъ и небольшой крашеный ящикъ. Въ нихъ лежали мѣдныя деньги, почти всѣ позеленѣвшія, это приклады.

Потомъ остякъ показалъ мнѣ нѣсколько кредитокъ, завернутыхъ въ тряпку, вынувъ ихъ изъ платья одного идола.

Разсказываютъ, что въ крайности инородцы одолжаются у своего шайтана, берутъ отъ кумира на порохъ или свинецъ деньги, а потомъ возвращаютъ аккуратно, и вѣроятно, съ процентами.

— Еще показалъ мнѣ остякъ, разсказывалъ торговецъ,—двѣ кольчуги изъ мелкихъ желѣзныхъ колечекъ, перержавѣвшихъ во многихъ мѣстахъ. У обоихъ кольчугъ на груди были большія отверстія.—Это говоритъ остякъ, богатырскіе кольчуги; давно у насъ жили два богатыря. — А диры отчего? — Стрѣла была...

Къ сожалѣнію, очевидецъ не поинтересовался болѣе подробными преданіями о кольчугахъ.

Послѣ стало извѣстно моему разскащику, что остяки, провѣдавъ о его посѣщеніи ихъ капища, перевезли идоловъ на другое мѣсто, опасаясь втораго посѣщенія русскими, что въ рѣдкихъ случаяхъ не кончается расхищеніемъ богатствъ кумировъ.

Кромѣ обыкновенныхъ идоловъ изображающихъ человѣческое подобіе у остяковъ есть предметы поклоненія другихъ формъ, какъ напримѣръ, камни. Я знаю три священныхъ камня, къ которымъ даже и русское населеніе относится съ суевѣрными представленіями. Два камня находятся въ предѣлахъ Сургутскаго края, около границы Томской губерніи. Третій около села Каргасокскаго, въ Нарымскомъ краѣ. О каргасокскомъ камнѣ разсказываютъ, что однажды русскіе хотѣли увезти его въ Нарымъ, положили въ лодку и поплыли по Оби. Камень проломилъ лодку и **ушелъ** на прежнее мѣсто.

Скептицизмъ русскаго простонародья, скорѣе подтверждающій не положительное отрицаніе, а суевѣрныя представленія, вылился въ разсказѣ одного моего Тымскаго знакомаго.

— Все это обманъ, **надо быть**, разсказывалъ онъ. Молодой я много надъ шаманами, да надъ шайтанами чудилъ. Возьму, изломаю бубенъ у шамана... Вотъ, говорятъ, тебѣ достанется! А ничего... Про тѣ два камня говорили, что куда бы ихъ не унесли, они вернутся на старое мѣсто. Дай, думаю, испытаю. Взялъ я одинъ камень, который поменьше и отнесъ его версты за полторы въ скрытное мѣсто, привязалъ его крѣпко на-крѣпко веревкой между двухъ березъ. Дня черезъ три справился: камень тутъ, не ушелъ. Я отвязалъ его и забросилъ еще далѣе въ чащу, чтобы не нашли. Черезъ годъ мнѣ привелось быть въ тѣхъ мѣстахъ. Мой камень, какъ былъ, такъ и лежитъ въ чащѣ...

Суевѣрнѣе русскіе относятся къ шаманамъ, признавая въ нихъ знахарей и колдуновъ. Случается, что даже духовные особы обращаются къ нимъ за медицинской помощью. Меня серьозно увѣряли въ чудодѣйствіи шамановъ. Они угадываютъ, что происходитъ въ домѣ отсутствующаго, выходятъ изъ замкнутаго сундука, вылѣзаютъ изъ сѣтей, опутанные ими какъ угодно. Мой знакомый — скептикъ, разсказъ котораго приведенъ выше, самъ видѣлъ какъ шаманъ развязался, когда ему связали крѣпко руки назадъ. Впрочемъ развязывался онъ въ темнотѣ. Это что-то очень похожее на пресловутыхъ спиритовъ...

Для борьбы съ суевѣріемъ и идолопоклонствомъ по Оби и притокамъ этой рѣки разсѣяно нѣсколько церквей, стоящихъ одиноко среди дебрей и болотъ. Но желанныхъ результатовъ пока нѣтъ.

До прихода русскихъ, остяки управлялись родовыми князьями, изъ которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ въ Березовскомъ краѣ только 2 рода, безъ всякой политической самостоятельности. Около Сургута также жили князья Бардокъ и Барсъ, но роды ихъ исчезли. Но мѣста, гдѣ они жили почитаются остяками священными.

Нынѣ Сургутскій край (округъ Тобольской губерніи) обнимаетъ огромную площадь на сѣверо-востокѣ губерніи, по рѣкѣ Оби, пограничную двумъ губерніямъ: Енисейской и Томской. Сургутскій округъ раздѣляется на 12-ть инородческихъ волостей, центромъ которыхъ находится уѣздный городъ Сургутъ, на 257

верстѣ отъ села Самарова. Инородческія волости управляются старшинами, избираемыми изъ среды инородцевъ же. Каждый старшина избирается на трехлѣтіе*).

Остяки считаются по ревизіи, произведенной въ 1828 году. Каждый остякъ мужескаго пола до 16-ти лѣтъ платитъ половину ясака, а съ 16-ти полный ясакъ.

Слѣдующая таблица покажетъ численность остяцкаго населенія**).

Волости:	1828 г.	1858 г.	1875		
	м. п.		м. п.	ж. п.	всего.
1. Салымская	131	168	165	158	323
2. Подгородно-Юганская	153	188	226	191	417
3. Больше-Юганская	264	302	391	319	710
4. Мало-Юганская	137	155	191	165	356
5. Селіярская	46	61	38	49	87
6. Пимская	68	78	156	136	292
7. Тремъ-Юганская	176	174	202	192	394
8. Аганская	48	52	83	63	146
9. Ваховская	322	316	396	392	788
10. Лумпокольская	437	440	620	569	1189
11. Салтыковская	200	195	397	335	732
12. Пирчинская	162	201	262	218	480

*) Старшины получаютъ жалованье отъ общества.

**) Цифровыя данныя за послѣднее время мною получены

Слѣдовательно, остяцкое населеніе мужескаго пола въ Сургутскомъ краѣ, по свѣдѣніямъ 1828 года 2144 ч.; 1858 г.—2330 (болѣе на 186 человѣкъ); 1875 г.—3127 (болѣе противъ 1858 года на 793 ч., а противъ ревизіи 1828 г. на 983 ч.). Женскаго пола въ 1875 году 2787 ч.

Для перехода къ другимъ цифрамъ коснусь расположенія инородческихъ волостей въ связи съ промышленностью населенія.

Салымская волость расположена по рѣкѣ Салыму, по лѣвую сторону Оби, къ устью Иртыша. Жители этой волости, по причинѣ близкаго сосѣдства съ русскимъ населеніемъ, почти обрусѣли*). Имѣютъ зимнія и лѣтнія юрты**). Промышляютъ рыбнымъ промысломъ и отчасти звѣринымъ. Лучше жили до лѣсныхъ пожаровъ, истребившихъ урманы. Въ уцѣлѣвшихъ лѣсахъ добываютъ оленей, лисицъ, бѣлокъ, горностаевъ и зайцевъ; изрѣдка попадается лось и песецъ.

Подгородно-Юганская волость занимаетъ юго-западную часть округа по рѣкѣ Югану. Рыбопромышленность и тотъ же упадокъ звѣроловства, по объяс-

при содѣйствіи П. Ф. Боярскаго, которому считаю умѣстнымъ выразить глубокую благодарность.

*) Выраженіе **почти обрусѣли** или просто **обрусѣли** нужно понимать въ смыслѣ принятія остяками крещенія, русской одежды и нѣкоторыхъ привычекъ—не болѣе.

**) Выше я говорилъ о различіи юртъ.

ненной причинѣ, какъ и въ Салымской волости.

Больше-Юганская и **Мало-Юганская** волости по рр. мал. и бол. Югану, вытекающихъ изъ болотъ Тарскаго округа. Большой Юганъ извилистъ, но можетъ быть судоходнымъ, если его очистить отъ карчъ и наноснаго лѣса. И здѣсь также лѣсные пожары истребили много богатствъ, но инородцы исключительно промышляютъ звѣря. Для обезпеченія своего продовольствія, они въ первыхъ числахъ Іюня выѣзжаютъ на Обь для ловли рыбы. Запасшись ею, въ Августѣ возвращаются въ свои мѣста. При уходѣ остяки останавливаются въ с. Югансномъ, куда съѣзжаются русскіе торговцы для обмѣна своего товара на звѣриныя шкуры.

Селіярская волость занимаютъ мѣсто по рѣкѣ Оби въ западной части округа, смѣжна съ Самаровской волостью. Условія промысловъ тождественны съ Салымской волостью.

Пимская волость, въ сѣверо-западной части округа. Получила свое названіе отъ рѣки Пима, по которой она расположена. Обитатели ея находятся въ лучшихъ условіяхъ относительно промысловъ: здѣсь ловятся черно-бурыя лисицы, горностаи, бѣлки и даже соболь. Изъ рыбъ наиболѣе ловятся окуни и щуки.

Ловятъ ихъ преимущественно мордами на рѣкѣ Пимѣ и въ озерахъ, которыхъ въ этой волости много. Остяки избытокъ рыбъ отъ продовольствія сбываютъ

скупщикамъ на мѣстѣ въ зимнее время. Жители Пимской волости собираютъ еще въ урожайный годъ до 1000 пудовъ брусники.

Тремъ-Юганская волость по прибрежью Оби, въ 50-ти верстахъ выше города Сургута и по рѣчкѣ Тремъ-Югану. Тремъ-Юганскіе остяки находятся въ однихъ условіяхъ съ Пимскими за исключеніемъ тѣхъ, которые живутъ на берегу Оби. „Близость города, говорится въ одной оффиціальной бумагѣ, даетъ имъ возможность часто посѣщать его и пропивать все, даже необходимое въ домашнемъ быту“...

Аганская волость по р. Оби и правому притоку ея р. Агану. Обскіе жители кромѣ рыбопромышленности ничего не имѣютъ; живутъ бѣдно. Аганскіе промышляютъ звѣря, занимаются сборами брусники и кедровыхъ орѣховъ.

Ваховская волость. Двѣ трети населенія этой волости живутъ по берегамъ Оби, а остальные по р. Ваху. Здѣсь также лѣсные пожары ослабили звѣропромышленность. Она осталась въ небольшихъ размѣрахъ. Затѣмъ существуетъ рыбный промыселъ и сборъ кедровыхъ орѣховъ. По одному изъ притоковъ Ваха, Куль-Югану прежде водились бобры, но теперь ихъ нѣтъ. По р. Ваху будто-бы есть золото, почему въ 1874 году была даже попытка развѣдать золотоносныя розсыпи. Въ Вахъ для этого былъ посланъ пароходъ, но не имѣлъ ни какого успѣха по неспеціальности развѣдчиковъ. По Ваху и его притоку Куль-Югану ино-

родцы подходятъ къ верховьямъ р. Пуръ, впадающей въ Тазовскую губу и утверждаютъ, что водное лодочное сообщеніе съ послѣдней можетъ существовать.

Лумпокольская волость по р. Оби и Ваху, условія одинаковыя съ предъидущей.

Салтыковская волость. Въ ней одна треть населенія живетъ по р. Оби, а двѣ трети по рѣкамъ Ваху и Куль-Югану, въ сѣверо-восточной сторонѣ округа. Населеніе занимается рыбной и звѣриной ловлей и сборомъ кедровыхъ орѣховъ. Оно находится „въ полудикомъ состояніи“ по оффиціальной аттестаціи.

Пирчинская волость граничитъ съ Нарымскимъ краемъ. Жители занимаются преимущественно промысломъ рыбы: осетровъ, стерлядей и налимовъ, сбывая ихъ въ Нарымъ.

Изъ всѣхъ волостей, только въ четырехъ находятся подобія русскихъ построекъ—**дома**, а именно: въ Салымской 16-ть домовъ; въ Селіярской 7 дом.; въ Ваховской 15 д. и Пирчинской 44 д.

Юртъ по волостямъ насчитывается:

1. Салымская	43.
2. Подгородно-Юганская	42.
3. Больше-Юганская	78.
4. Мало-Юганская	45.
5. Селіярская	13.
6. Пимская	69.
7. Тремъ-Юганская	87.
8. Аганская	20.

9. Ваховская	94.
10. Лумпокольская	92,
12. Салтыковская	81.
12. Пирчинская	47.
Всего	711.

Оленеводство въ Сургутскомъ краѣ стоитъ въ настоящее время въ такомъ положеніи.

Оленей въ волостяхъ:

Салымской	нѣтъ.
Подгородно-Юганской	18.
Больше-Юганской	141.
Мало-Юганской	28.
Селіярской	нѣтъ.
Пимской	501.
Тремъ-Юганской	568.
Аганской	234.
Ваховской	нѣтъ.
Лумпокольской	90.
Салтыковской	250.
Пирчинской	нѣтъ.

Въ четырехъ волостяхъ оленеводства нѣтъ. Въ остальныхъ восьми оно составляетъ цифру „1830“. На каждую юрту тѣхъ волостей, въ которыхъ есть олени (514-ть юртъ) приходится по три оленя безъ дробей.

Припомнимъ то время, когда у остяковъ прошла-

го столѣтія считались олени тысячами. Оленеводство, какъ питаніе и способы передвиженія у остяковъ очевидно упадаетъ. Посмотримъ теперь цифры о собакахъ, также имѣющихъ важное значеніе по сродству съ оленями въ вопросѣ о передвиженіи инородцевъ и по самобытной помощи человѣку въ звѣроловствѣ.

Собакъ къ 1875-му году въ Сургутскомъ краѣ было:

Волости:	
1. Салымская	198.
2. Подгородно-Юганская	156.
3. Больше-Юганская	307.
4. Мало-Юганская	125.
5. Селіярская	33.
6. Пимская	74.
7. Тремъ-Юганская	202.
8. Аганская	60.
9. Ваховская	479.
10. Лумпокольская	307.
11. Салтыковская	210.
12. Пирчинская	268.
Всего	. 2419.

На каждую юрту приходится по три собаки (безъ дробей).

Кромѣ оленей и собакъ остяки Сургутскаго края имѣютъ и другой скотъ, а именно:

	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.
1. Салымская	129	15	9
2. Подгородно-Юганская	87	—	—
3. Больше-Юганская	17	—	—
4. Мало-Юганская	1	3	—
5. Селіярская	71	46	7
6. Пимская	11	—	—
7. Тремъ-Юганская	45	—	—
8. Аганская	16	—	—
9. Ваховская	319	—	—
10. Лумпокольская	160	—	—
11. Салтыковская	66	—	—
12. Пирчинская	242	87	—
Итого	1170	151	16

Скотоводство въ Сургутскомъ краѣ, при обиліи луговъ, казалось бы могло развиться въ большихъ размѣрахъ, но оно поставлено въ неблагопріятныя условія, кромѣ отдаленности рынковъ (Тобольскаго и Томскаго), громадными и продолжительными разливами рѣкъ. Вода на лугахъ стоитъ до половины Августа. Потомъ вскорѣ наступаютъ холода, и трава не можетъ дать достаточнаго роста. При безсѣнницѣ и суровости зимы, продолжающейся до 8 мѣсяцевъ, скотъ гибнетъ въ значительномъ количествѣ.

Хлѣбопашествомъ ни инородцы, ни русское население этого края не занимаются, кромѣ одного священника въ селѣ Юганскомъ. Уже многолѣтняя практика Юганскаго священника о. Тверитина доказала возможность хлѣбопашества подъ 61° с. ш. Въ поощреніе развитія земледѣлія, священнику о. Тверитину отведено правительствомъ въ потомственное владѣніе 15 десятинъ пахотной земли. Въ селѣ Юганскомъ есть его мукомольная мельница.

Для продовольствія населенія ржаная мука доставляется сплавомъ по Оби, преимущественно изъ Томской губерніи. Въ 1875 году муку продавали въ Сургутѣ отъ 45 до 60 к. за пудъ.

Но кромѣ вольнаго подвоза хлѣба, для инородцевъ устроены хлѣбные магазины отъ казны, въ которые хлѣбъ заготовляется начальствомъ на капиталъ, ассигнованный въ 1768 г., въ количествѣ 50 т. р. Капиталъ этотъ именуется „инородческимъ хлѣбнымъ запаснымъ капиталомъ". Онъ въ настояще время возросъ до 260 т. руб. Приращеніе образуется отъ наложенія 6% на стоимость заготовленнаго хлѣба. Разцѣнка хлѣба на 1876-й годъ была утверждена по $83^3/_4$ копѣйки. Хлѣбъ изъ магазиновъ остяки берутъ ежемѣсячно, въ долгъ и расплачиваются рухлядью, которая принимается отъ нихъ по цѣнамъ, установленнымъ торговцами.

Кромѣ хлѣба и соли, остяки берутъ изъ запасныхъ магазиновъ порохъ, свинецъ и дробь,

выходя на промыселъ звѣря два раза въ годъ*).

Соль изъ казенныхъ магазиновъ выдается по 1 р. $14^1/_4$ к. за пудъ; порохъ $86^3/_4$ коп. за фунтъ; дробь $14^1/_4$ копѣекъ за фунтъ; свинецъ 18 коп. за фунтъ.

Изъ частныхъ базарныхъ цѣнъ въ Сургутѣ, приводимъ слѣдующія: мука пшеничная 70—75 коп. за пудъ; ржаная 50 коп. за пудъ; горохъ 1 р. 20 к. за пудъ; просо 1 р. 40 к. за пудъ.

Хлѣбъ изъ магазиновъ выдаютъ вольнонаемные вахтера изъ мѣстныхъ отставныхъ казаковъ. При Сургутскомъ же магазинѣ находится смотритель, получающій жалованье 120 руб. въ годъ. Онъ кромѣ продажи хлѣба инородцамъ завѣдуетъ выдачей провіанта казачьей командѣ, а также продажею остякамъ пороха, дроби и свинца, заготовленныхъ на тотъ же хлѣбный капиталъ.

Вахтера получаютъ по 80 р. въ годъ.

Въ Сургутскомъ краѣ девять хлѣбныхъ магазиновъ. Въ нихъ къ 1-му Января 1876 года состояло запасовъ хлѣба 44.700 п. 14 фун. на лицо, и въ долгахъ 8890 п. 19 ф. (въ томъ числѣ 1627 пуд. 37 фун. отпущено въ провіантъ казакамъ и 1957 п. $11^1/_4$ ф. растрачено вахтерами).

Для обезпеченія русскаго населенія—крестьянъ и

*) Въ первый разъ съ 7 Января по 10-е Мая; во второй съ 1-го Ноября по 25 Декабря.

мѣщанъ также имѣется запасъ (къ 1 Января 1876 года 7500 пуд. 15 фун. ржаной муки, заготовленной въ 1868 г.). Этотъ хлѣбъ былъ купленъ по такой дорогой цѣнѣ, что его невозможно продавать, а выдаютъ желающимъ только заимообразно, за проценты 3 ф. на пудъ, отчего составился процентный капиталъ муки 2630 п. 7 ф.

Возвращаюсь къ остякамъ. Они управляются старшинами, выбранными изъ своей среды на трехлѣтіе. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ бываетъ по два и по три старшины, получающихъ жалованье по 24 р. въ годъ каждый*).

Старшина есть посредникъ между населеніемъ и Сургутскимъ начальствомъ, которому доставляется ясакъ и прочіе сборы.

Ясакъ и другіе сборы по рубрикамъ распредѣлены по инородческимъ волостямъ слѣдующимъ образомъ.

Въ Салымской волости (жителей 165 м. п.).

Ясакъ	81 р.
Повинности: губернская	1 р. 62 к.
волостная	35 р. 64 к.
Земско-обывательская гоньба	175 р. 92$^{1}/_{4}$ к.
Содержаніе церкви	55 р.
На дрова для караульн. при хлѣбномъ магазинѣ	6 р.
Итого	355 р. 18$^{1}/_{4}$ к.

*) Жалованье старшинамъ идетъ изъ волостныхъ повинностей.

Въ Подгородно-Юганской волости (ж. 226 ч. м. п.)

Ясакъ	75 р. 20 к.
Повинности: губернская	1 р. 88 к.
волостная	41 р. 36 к.
Земско-обыват. гоньба	223 р. 59$^{1}/_{2}$ к.
Содержаніе церкви	45 р.
Караулъ хлѣб. магазина	2 р. 40 к.
Итого	389 р. 43$^{1}/_{2}$ к.

Въ Больше-Юганской волости (жит. 391 ч. м. п.).

Ясакъ	136 р.
Повинности: губернская	2 р. 72 к.
волостная	59 р. 84 к.
Земско-обыват. гоньба	340 р. 50 к.
Содержаніе церкви	72 р. 6 к.
Караулъ хлѣб. магазина	6 р. 50 к.
Итого	617 р. 62 к.

Въ Мало-Юганской волости (жителей 191 ч. м. п.).

Ясакъ	52 р. 28$^{1}/_{2}$ к.
Повинности: губернская	1 р. 22 к.
волостная	26 р. 84 к.
Земско-обыват. гоньба	163 р. 44 к.
Содержаніе церкви	30 р.
Караулъ хлѣб. магазина	2 р. 63$^{1}/_{2}$ к.
Итого	276 р. 42 к.

Въ Селіярской волости (жителей 38 ч. м. п.)

Ясакъ	18 р.
Повинности: губернская	36 к.
волостная	7 р. 92 к.

Земско-обыват. гоньба 37 р. $45^1/_2$ к.
Содержаніе церкви 17 р. 98 к.
Караулъ хлѣб. магазина 2 р.
Итого 83 р. $71^1/_2$ к.

Въ Пимской волости (жит. 156 ч. м. п.).
Ясакъ 67 р.
Повинности: губернская 1 р. 34 к.
волостная 29 р. 48 к.
Земско-обыват. гоньба 140 р. 74 к.
Содержаніе церкви 25 р. $12^1/_2$ к.
Итого 263 р. $68^1/_2$ к.

Въ Тремъ-Юганской волости (жителей 202 ч. м.п.).
Ясакъ 92 р.
Повинности: губернская 1 р. 84 к.
волостная 40 р. 48 к.
Земско-обыват. гоньба 229 р. 27 к.
Караулъ и дрова для хлѣб. магазина 15 р.
Итого 378 р. 59 к.

Въ Аганской волости (жителей 83 ч. м. п.)
Ясакъ 84 р.
Повинности: губернская 42 к.
волостная 9 р. 24 к.
Земско-обыват. гоньба 77 р. 18 к.
Содержаніе церкви 10 р.
Караулъ и дрова для хлѣб. магазина 4 р.
Итого 184 р. 84 к.

Въ Ваховской волости (ж. 396 ч. м. п.)
Ясакъ 174 р. $86^1/_4$ к.
Повинности: губернская 4 р. 8 к.
волостная 89 р. 76 к.
Земско-обыват. гоньба 83 р. 99 к.
Содержаніе церкви 90 р. 59 к.
Караулъ и дрова для хлѣб. магазина 25 р.
Итого 468 р. $28^1/_4$ к.

Въ Лумпокольской волости (жит. 620 ч. м. п.).
Ясакъ 232 р. $28^1/_2$ к.
Повинности: губернская 5 р. 42 к.
волостная 45 р. $6^1/_2$ к.
Земско-обыват. гоньба 341 р. $63^1/_2$ к.
Содержаніе церкви 177 р. $64^1/_2$ к.
Караулъ и дрова для хлѣб. магазина 99 р.
Итого 901 р. 5 к.

Въ Салтыковской волости (жителей 397 ч. м. п.).
Ясакъ 140 р.
Повинности: губернская 2 р. 80 к.
волостная 61 р. 60 к.
Земско-обыват. гоньба 98 р. 20 к.
Караулъ и дрова для хлѣб. магазина 32 р.
Итого 334 р. 60 к.

Въ Пирчинской волости (жителей 262 ч. м. п.)
Ясакъ 95 р. 20 к.

Повинности: губернская 2 р. 38 к.
волостная 52 р. 36 к.
Земско-обыват. гоньба 261 р. 5. к.
Содержаніе церкви 93 р.
Караулъ и дрова для
хлѣб. магазина 9 р.
Итого 512 р. 99 к.

Всего въ двѣнадцати волостяхъ уплачивается инородцами.
Ясачнаго сбора 1247 р. $83^1/_4$ к.
Повинностей: губернской 26 р. 8 к.
волостной 499 р. 58 к.
На земско-обыват. гоньбу 2172 р. $97^3/_4$ к.
На содержаніе церквей 616 р. 40 к.
На наемъ караульныхъ и
дрова для карауленъ
хлѣбныхъ магазиновъ 203 р. $53^1/_2$ к,
Итого 4766 р. $41^1/_2$ к.

Какъ видно выше, кромѣ ясака, наибольшіе сборы съ остяковъ падаютъ на земско-обывательскую гоньбу и содержаніе церквей. Впрочемъ отъ послѣдняго сбора избавлены двѣ волости: Тремъ-Юганская и Салтыковская, неимѣющіе церквей въ своемъ районѣ.

Всѣ налоги остяками уплачиваются очень исправно, до копѣйки, тогда какъ за русскимъ населеніемъ округа считается недоимка, хотя и незначительная.

Русскіе крестьяне, кромѣ Сургута *), живутъ въ пяти селахъ и трехъ деревняхъ, а именно:

	Дворовъ.	Жителей.		
		м. п.	ж. п.	всего.
Въ с. Юганскомъ	12	36	28	64
— с. Локосовскомъ	10	25	36	61
— с. Нижне-Лумпокольск.	12	31	30	61
Верхне-Лумпокольскомъ	3	12	13	25
Ларьятскомъ	7	17	11	28
Въ д. Пилюшиной	9	35	37	72
Тундринской	21	61	70	131
Кунинской	16	43	64	107
Итого. . .	90	260	289	549

Во всѣхъ селахъ по одной церкви и хлѣбному магазину, а въ д. Тундринской питейный домъ.

Жители занимаются рыбною ловлей; заготовляютъ дрова для пароходовъ, а нѣкоторые по тракту отъ Сургута, содержатъ обывательскую гоньбу, хлѣба не

*) О Сургутѣ будетъ ниже.

сѣютъ. Скотоводство для домашности имѣютъ въ такомъ размѣрѣ:

	Лошадей.	Рог. скота	Овецъ.	Свиней.	Собакъ.
С. Юганское	48	39	15	—	15
Локосовское	32	37	18	11	—
Н. Лумпокольское	26	33	19	—	4
В. Лумпокольское	11	22	10	—	3
Ларьятское	10	12	6	—	20
Д. Пилюшина	51	44	21	10	9
Тундринская	98	120	29	21	18
Кунинская	163	81	68	30	29
Итого. . .	439	388	186	72	98

Оленей держатъ только въ двухъ селахъ: Юганскомъ—8 и Ларьятскомъ—10.

Всѣ крестьяне, живущіе въ Сургутскомъ округѣ, составляютъ одно общество, управляемое старостою и двумя кандидатами. Староста получаетъ жалованья 40 р. въ годъ, а кандидаты по 20 р. Крестьяне обложены подушной податью и другими сборами. Всѣхъ платежей причитается съ нихъ въ годъ 855 рублей

$17^1/_4$ коп.*), изъ этого числа къ 1 Января 1876 года было взыскано 791 руб. $69^1/_4$ коп., а 63 р. 48 к. остались въ недоимкѣ.

Натуральной повинности, кромѣ отбыванія подводной гоньбы, ниже Сургута, крестьяне не несутъ. Мостовъ и перевозовъ нѣтъ. Сообщеніе лѣтомъ водою; для этого у каждаго домохозяина свои лодки.

Городъ Сургутъ стоитъ не на самой Оби, а на рѣчкѣ Бардоковкѣ, впадающей въ Обь справа. Пароходная пристань — Бѣлый Яръ — находится ниже Сургута на девять верстъ. Она непредставляетъ ничего особеннаго; просто крутой глинистый берегъ, на которомъ построено нѣсколько анбаровъ для продажи разныхъ продуктовъ проѣзжающимъ и сарай для бойки скота для продовольствія арестантовъ, препровождаемыхъ въ Томскъ.

Лѣтомъ добраться до Сургута единственный способъ—въ лодкѣ. Впрочемъ, и къ самому Сургуту, въ началѣ весны подходятъ пароходы для выгрузки соли и хлѣба. Тогда р. Бардоковка поднимается высоко, покрываетъ широко берегъ между Сургутомъ и Обью, и самый городъ оказывается какъ-бы на берегу Оби.

*) Съ 368 д. муж. пола; изъ нихъ 108 живутъ въ Сургутѣ.

Къ концу же лѣта Бардоковка почти высыхаетъ, отчего судовщикамъ за выгрузку соли и хлѣба съ берега Оби въ Сургутъ приводится платить 30—40 р. съ тысячи пудовъ.

Основаніе Сургута относится къ 1595 году, когда онъ былъ „срубленъ съ башнями“. Почему его построили не на Оби, а вдали отъ берега неизвѣстно, но по мнѣнію мѣстныхъ жителей потому будто, что обская вода зимою негодна для пищи; тогда вода **задыхается**, бываетъ **загаръ***).

*) Это явленіе интересно и очень важно въсвязи съ рыбопромышленностью. Загаръ или замираніе воды продолжается нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ: Декабрь, Январь и Февралъ. Почти отъ того мѣста, гдѣ Обь входитъ въ Тобольскую губернію, до Обской губы, вода въ р. Оби дѣлается не прозрачная, не вкусная, постоявъ въ посудинѣ оставляетъ красный осадокъ; вредна для употребленія въ пищу. Полоса загара идетъ во всю ширину Оби, но по соединеніи съ Иртышемъ лѣвая половина Оби свободна отъ загара, внизъ по теченію верстъ на двѣсти. Нѣкоторыя, впадающія въ Обь рѣки также имѣютъ загаръ, какъ напримѣръ Вахъ. Въ Иртышѣ загара небываетъ; небываетъ его и въ маленькихъ рѣчкахъ, куда стремится рыба изъ мертвой воды. При-обскіе жители объясняютъ загаръ впаденіемъ въ р. Обь множества рѣкъ, вытекающихъ изъ тундръ и болотъ.

Рыба въ области загара и въ періодъ его не можетъ водиться. Она стремится въ маленькія, свободныя отъ загара рѣчки и къ береговымъ ключамъ, скопляясь въ тѣсныхъ мѣстахъ въ громадномъ количествѣ. Этимъ отлично пользуются промышленники, извлекая массу рыбы самыми простыми способами. Напримѣръ, рыбу, скопившуюся около ключей, они выбрасываютъ на ледъ лопатами. Въ многихъ мѣстахъ по недостатку не пораженной загаромъ воды, рыба, не имѣя возможности пробраться къ другому живому источнику гибнетъ (дохнетъ) въ несмѣтномъ числѣ.

По остяцкимъ преданіямъ около Сургута въ прежнее время жилъ князь Бардокъ, именемъ котораго названа рѣка, гдѣ стоитъ Сургутъ. Но Бардокъ жилъ не на этой рѣкѣ, а при впаденіи въ Обь Тремъ-Югана, въ тринадцати верстахъ отъ Сургута; судя по признакамъ древняго остяцкаго городка, называемаго **Бардоковымъ**.

Болѣе 250 л. существованія русскаго города Сургута, туго и незначительно подвинули ростъ русскаго разселенія въ районѣ, центромъ котораго онъ былъ и находится въ настоящее время. Мы уже видѣли села и деревни Сургутскаго округа, числомъ до восьми, съ шестью стами душъ обоего пола. Самый Сургутъ дополняетъ эту колонизацію слѣдующимъ образомъ.—Въ немъ:

обывательскихъ домовъ, казачьихъ	121.
мѣщанскихъ	21.
крестьянскихъ	25.
Итого	167.

Дома все деревянные, съ самымъ ничтожнымъ процентомъ новыхъ построекъ.

Затѣмъ, казенныя общественныя и промышленныя зданія:

Камення церковь	1.
Хлѣбный магазинъ	1.

Остяки разыскивая мѣста, свободныя отъ загара и слѣдовательно рыболовныя, ставятъ въ ледъ заостренные таловые колья. Гдѣ колъ посинѣетъ тамъ нѣтъ загара; остался бѣлымъ — тамъ загаръ.

Соляной магазинъ	1.
Пороховой погребъ	1.
Денежная кладовая	1.
Караулокъ	2.
Общественныхъ домовъ	5.
Лавокъ	4.
Кузницъ	3.
Винный скадъ	1.
Питейныхъ домовъ	3.
Итого	23.

Жителей въ Сургутѣ:

	м. п.	ж. п.	всего.
Мѣщанъ	45	75	120
Казаковъ	329	439	768
Крестьянъ	108	104	212
Разночинцевъ	28	16	44

Итого 1144.

Жители занимаются рыбной ловлей, куплей и продажей рыбы и звѣря, мелочной торговлей и доставкой дровъ для пароходовъ. Въ 1875 году ими было взято торговыхъ документовъ 121, со включенiемъ нѣсколькихъ иногородныхъ купцовъ.

Скотоводство въ Сургутѣ:

	у казаковъ.	у мѣщанъ.	у крестьянъ.
Лошадей	239	35	60
Рагатаго скота	206	40	50
Оленей	—	5	—
Овецъ	27	10	10
Свиней	—	8	—
Собакъ	—	10	17
Итого	472	108	137

Огородничество здѣсь скудное и на него вообще обращается мало вниманiя. Однако родится иногда хорошо картофель, рѣпа, морковь, рѣдька, лукъ, свекла, капуста, и огурцы.

Жители этого маленькаго и вполнѣ захолустнаго городка, какъ видно выше, большею частiю состоятъ изъ казаковъ, исполняющихъ тѣже обязанности, что и мѣстныя военныя команды другихъ городовъ. Крестьяне составляютъ одно общество съ живущими по деревнямъ въ Сургутскомъ округѣ. Мѣщане же платятъ подворный налогъ, составляющiй вмѣстѣ съ другими сборами 131 рубль $12^1/_2$ коп. въ годъ. Податныя сословiя Сургутскаго края отъ воинской повинности избавлены.

Изъ казенныхъ учрежденiй въ Сургутѣ находятся окружное полицейское управленiе (въ составѣ исправника и секретаря; ни полицейскихъ надзирателей, ни участковыхъ засѣдателей — нѣтъ), почтовое отдѣ-

ленiе, двѣ начальныхъ школы: мужская и женская и больница.

Почта приходитъ въ Сургутъ всего два раза въ мѣсяцъ и то не особенно исправно. Лѣтомъ она идетъ отъ Тобольска въ обыкновенныхъ земскихъ лодкахъ. Если хорошая погода, то она приходитъ въ Сургутъ на 13-й—14-й день послѣ отхода изъ Тобольска. Что странно, такъ это предпочтенiе почтоваго вѣдомства доисторическаго способа перевозки почты—пароходному сообщенiю. Въ Томской губернiи, г. Нарымъ, находясь въ такихъ же условiяхъ, какъ и Сургутъ, получаетъ лѣтомъ почту еженедѣльно со срочными пароходами; для Сургута же почему-то этого не заведено.

Въ двухъ Сургутскихъ училищахъ обучалось въ 1875 году 47 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ изъ русскаго населенiя. Остяки въ эти училища не привлекаются, но для нихъ предположены и **разрѣшены** особыя инородческiя училища въ селахъ Юганскомъ и Ларьятскомъ. Къ сожалѣнiю, „по неассигнованiю Тобольской казенной палатой **собранной уже съ инородцевъ суммы** на содержанiе мальчиковъ въ учебное время года, учащихся въ нихъ ни кого нѣтъ*)". Къ улучшенiю училищной части для русскаго населенiя, у мѣстныхъ жителей будто-бы нѣтъ средствъ, что впрочемъ и вѣроятно, ибо край хотя и богатый,

*) Изъ оффицiальной бумаги.

но богатства его сосредоточиваются въ рукахъ единичныхъ личностей.

Къ обученiю остякокъ относятся очень скептически и увѣряютъ, что изъ этой попытки толку не будетъ ни какого. Первая причина: у остяковъ мальчики съ раннихъ лѣтъ уже работники, а лишиться лишнихъ рукъ при остяцкой бѣдности для нихъ само собою не выгодно. Другая причина также не маловажная и заключается въ безусловномъ отчужденiи остяковъ отъ сообщничества съ русскими, или вѣрнѣе въ той тупой боязни, при которой остякъ, посѣщая городъ прикидывается незнающимъ русскаго языка, хотя часто знаетъ его весьма порядочно. Боязнь и недовѣрiе къ русскимъ отчасти мѣшаютъ и сохраненiю здоровья остяка. Я говорю отчасти—потому что медицинская часть на сѣверѣ Тобольской губ. сама по себѣ находится въ самомъ ограниченномъ состоянiи. Напримѣръ, на всю громадную сѣверную площадь, состоящую изъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ, имѣется только одинъ врачъ, живущiй въ Березовѣ, за тысячу верстъ отъ Сургута, гдѣ подъ его вѣдѣнiемъ состоитъ больница.

Сургутской больницей завѣдуетъ лекарскiй помощникъ. Болѣе половины его пацiентовъ всегда бываетъ сифилистическихъ. Такъ въ 1875 году въ городской больницѣ изъ 50 больныхъ (въ продолженiи года) было 26 сифилитиковъ*).

*) Изъ нихъ умеръ одинъ Выздоровѣло 25 (?). Другихъ бо-

Остяки всѣми мѣрами стараются уклониться отъ леченія русскихъ врачей, и залучаютъ больныхъ въ больницу только послѣ медицинскаго, можно сказать, насильственнаго осмотра, въ ихъ юртахъ. А между тѣмъ смертность между остяками поразительная. Такъ въ 1876 году, въ юртахъ расположенныхъ по рѣкѣ Ваху умерло отъ оспы 300 человѣкъ, а годомъ ранѣе, въ Парабельской волости, Нарымскаго края, погибло отъ этой же эпидемической болѣзни восемьсотъ остяковъ.

Собственно, о Сургутѣ, какъ о городѣ, сказать болѣе почти нечего. Нравы его населенія нетронутся, мирные, т. е. въ немъ нѣтъ воровства и другихъ преступленій, присущихъ поселеніямъ бойкихъ мѣстъ трактовыхъ дорогъ. Нерѣдко, въ Сургутъ съѣзжаются остяки цѣлыми семействами то по своимъ общественнымъ дѣламъ, то съ цѣлью сбыть добычу и пображничать. Нѣкоторые остяки, посѣщая городъ принаряживаются. Мужчины въ черныхъ или сѣрыхъ кафтанахъ дешеваго сукна, женщины одѣваются ярче. На нихъ то красный, то синій кафтанъ, иногда опушеный звѣриной шкурой или обложенный полосой позумента. На головы молодыхъ остячекъ накинуты шали, играющія у нихъ роль почти такую же какъ у татаръ — черда. При встрѣчѣ родственника, остячка закрываетъ лицо.

лѣзней 24 ч. Выздоровѣло 22; умерло 2.

Женщина въ семьѣ остяка несетъ тяжелое ярмо труда и рабства. Впрочемъ, мнѣ приводилось видѣть и нѣжныя, идиллическія отношенія супруговъ. Однажды на дворѣ моей квартиры расположилась группа остяковъ. Обращалъ на себя вниманіе старый остякъ съ длинными посѣдѣвшими прядями волосъ, съ сморщеннымъ, но добрымъ лицемъ, хлопотавшій около молодой остячки, которая горько плакала.

Я спросилъ о чемъ она плачетъ?

— Это она сынка вспомнила; еще въ прошломъ годѣ умеръ. Остякъ мужъ ласково утѣшалъ ее, подчивалъ водкой. Водки въ бутылкѣ было не много, со шкаликъ. Когда водка выпивалась, мужъ бралъ свою жену за руку и велъ со двора въ кабакъ, съ широкой улыбкой поминутно заглядывая въ лицо спутницы и напѣвая, вѣроятно припѣвъ какой-то пѣсни:

усе, усе, усе, усе!...

Въ кабакѣ покупался шкаликъ водки и тѣмъ же порядкомъ нѣжная чета возвращалась на прежнее мѣсто...

Остячки любятъ своихъ дѣтей, хотя уходъ за ними самый первобытный. Когда родится мальчикъ, то мать посвящаетъ его звѣроловству или рыболовству. Она беретъ свой послѣдъ и зашиваетъ его въ берестянный кузовокъ, куда кладетъ также сухихъ листьевъ и платокъ. Кузовокъ этотъ она вѣситъ въ первомъ случаѣ въ лѣсъ на дерево, а во второмъ надъ рѣкой для того, чтобы родившемуся

покровительствовалъ лѣсной или водяной боги....

И такъ уличная жизнь Сургута разнообразится толпой остяковъ, да и не всегда. Большею частью на улицахъ мертво и пустынно, а улицы широкія, прямыя, покрытыя лѣтомъ зеленымъ ковромъ, потому что по нимъ въ экипажахъ не ѣздятъ. Но какъ, должно быть, жутко человѣку на этихъ улицахъ въ зимнюю пору. Низенькіе дома не заслоняютъ отъ вѣтра; вьюга разгуливаетъ со страшной силой; вездѣ сугробы снѣга... Лѣтомъ, особенно съ весны, предъ вашими глазами безпредѣльное море воды, утомляющее взоръ и наводящее щемящую скуку, а зимою такая же необъятная, снѣговая пелена, да вдобавокъ морозъ, захватывающій духъ!...

Въ Сургутскомъ округѣ учреждено три ярмарки или съѣзда остяковъ и торговцевъ для мѣны товаровъ; въ тоже время остяками уплачивается и ясакъ. Одна изъ ярмарокъ бываетъ въ Сургутѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ; одна въ селѣ Ларьятскомъ въ Маѣ, и одна въ селѣ Юганскомъ въ Іюнѣ. Оборотъ ярмарокъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ превышаетъ 3 т. рублей. Но торговля остяковъ не ограничивается этими тремя ярмарками. Русскіе торговцы и скупщики ѣздятъ по остяцкимъ становищамъ въ разное время года, вымѣнивая и покупая звѣриныя шкуры и рыбу. Также остяки непосредственно доставляютъ свою добычу тѣмъ торговцамъ, у которыхъ кредитуются, или вѣрнѣе находятся въ неоплатномъ долгу.

Цѣны на пушнину и рыбу колеблются не столько отъ требованія большихъ или главныхъ рынковъ, сколько отъ условій мѣстнаго торга. Но я считаю не лишнимъ привести ихъ.

Звѣриныя шкуры:	
Соболя (мало)	5 р. 15 р.
Лисицы:	
Чернобурой	20 р. 30 р.
Черночеревой	12 р. 15 р.
Сиводушки	7 р. 8 р.
Бѣлодушки	4 р. 4 р. 50 к.
Медвѣдя	6 р. 15 р.
Россамахи	4 р. 5 р.
Песца	1 р. „ 50 к.
Оленя весенняго	1 р. 20 к.
осенняго	1 р. 50 к. 2 р.
Выдра	4 р. 8 р.
Колонка	1 р. 1 р. 10 к.
Горностая	15 к. 18 к.
Бѣлки съ хвостомъ	16 к. 18 к.
безъ хвоста	15 к. 16 к.
Бурундука	2 к.
Рыба:	
Осетры	3 р. 3 р. 50 к. за пудъ.
Язи	50 к. 75 к.
Щуки	50 к. 60 к.
Нельмы	3 р.
Моксунъ	2 р. 50 к. 3 р.

Ерши	80 к.	1 р.
Караси	50 к.	80 к.

Налимовъ мало. По р. Ваху извѣстны еще двѣ рыбы: мохтикъ, величиною $^1/_4$ аршина, похожа на язя и очень вкусная, и сорока похожая на карася, немного уже его, длиною 5—7 вершковъ.

Остяки сбываютъ рыбу торговцамъ не соленую и только по особому заказу дѣлаютъ **поземы** изъ нельмы, сырка, язя и стерляди.

Къ торговлѣ звѣриными шкурами и рыбою у остяковъ прибавляется еще промыселъ, хотя и не такъ значительный. Это шейки **гагаръ**, которыя идутъ на мѣха въ мѣстномъ употребленіи. Мѣхъ составляется очень красивый и относительно дорогой. Каждая шейка продается отъ 5 до 10 к.

Ярмарки въ двухъ названныхъ селахъ происходятъ подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, не дозволяющаго русскимъ торговцамъ при мѣнѣ или торгѣ спаивать остяковъ виномъ. Къ сожалѣнію, это запрещеніе рѣдко достигаетъ цѣли. Остяка и такъ нетрудно обмануть, а пьянаго положительно обираютъ. Дорогой звѣрь тогда идетъ за безцѣнокъ. Еще большимъ обманамъ въ торговлѣ, остяки подвергаются въ своихъ становищахъ, по которымъ разъѣзжаютъ скупщики, находящіеся тогда совершенно внѣ всякаго надзора начальства. Остякъ и не пьяный сбивается въ счетѣ денегъ, въ особенности онъ не даетъ толку въ переводѣ „ассигнацій“ на серебро. Вотъ, поэтому поводу, откровенный

разсказъ одного торговца.

— Поѣхалъ я зимою на низъ*) по одному спѣшному дѣлу. Попадается на пути остякъ съ отличной чернобурой лисицей; рублей 50 стоитъ. Торговаться съ остякомъ не было время, а знаю за мной выѣхали Н—скіе покупатели. Спросилъ остяка, гдѣ онъ живетъ, и пообѣщалъ заѣхать въ его юрты. Пятдесятъ рублей, говорю, дамъ; только жди... Дня черезъ два завернулъ за лисицей. Торгаши уже тамъ. Лисица по рукамъ ходитъ. — Купили? —Нѣтъ, остякъ 50 р. проситъ, а мы 30 выдавали. Взялъ я лисицу, посмотрѣлъ, повертѣлъ да и говорю: плоха и 12 р. жаль дать, а не то что тридцать... А самъ положилъ шкуру на колѣно и провелъ по ней рукой, чтобы показать торговцамъ: купимъ по поламъ! Вижу смѣкнули. Отдаю звѣря остяку и говорю: продавай имъ, а мнѣ не надо. Торговцы тоже отперлись отъ выдаванной цѣны. Начали снова торговаться. Предложили 20 р. с. Остякъ не соглашается. —Ну, говорю я, даю рѣшительную цѣну, 55 руб. ассигнаціями! Подумалъ остякъ и по рукамъ. Совсѣмъ дуракъ: по его счету 55 р. ассигнаціямя больше 20 цѣлковыхъ.

Приведенный разсказъ характеренъ еще въ томъ отношеніи, что разсказанное обстоятельство не представляется предосудительнымъ нашимъ торговцамъ на сѣверѣ. Рядъ всевозможныхъ болѣе грубыхъ обмановъ служитъ

---

*) Внизъ по рѣкѣ.

къ наживѣ и обогащенію русскихъ купцовъ и ложится всею тяжестью не только на звѣролова — остяка, но и на экономическія условія русскихъ поселеній по берегамъ Оби и притокамъ этой рѣки. Русскіе крестьяне въ Сургутскомъ округѣ разселяются медленно и живутъ на новыхъ мѣстахъ не богато. Изъ значительныхъ богатствъ края имъ перепадаетъ немного. Впрочемъ, это явленіе нѣсколько измѣняется въ Нарымскомъ краѣ, или Тогоурскомъ отдѣленіи Томской губерніи, гдѣ русскіе поселенцы сравнительно съ Сургутскими или Самаровскими, зажиточнѣе, гдѣ богатства края въ нѣкоторой степени распредѣляются въ массѣ мѣстнаго русскаго населенія, а не исключительно стекаются въ руки единичныхъ торговыхъ монополистовъ.

Нарымскій край.

Село Тымское. — Тунгузская женщина. — Самоѣды. — Инородческое населеніе въ Нарымскомъ краѣ. — Инородцы-рабочіе. — „Дубинушка". — Нарымъ. — Рѣка Кеть. — Обско-Енисейскій водораздѣлъ. — Д. Колпашева. — Село Тогуръ. — Ревизія Нарымскаго края въ старое время. — Обскіе пираты и бродяги. — Подати и повинности. — Училище. — Свадьбы. — Хлѣбопашество. — Скотоводство. — Извозъ. — Рыбопромышленность. — Каменный уголь. — Звѣропромышленность. — Торговля. — Окончаніе.

Проплывши вверхъ по теченію Оби 452 версты отъ Сургутской пристани, путешественникъ достигаетъ границы Томской губерніи, и еще чрезъ шестьдесятъ верстъ русскаго поселенія Тогоурскаго отдѣленія этой губерніи — села Тымскаго.

Тымское стоитъ на правомъ берегу Оби. Въ

немъ всего до десятка домовъ и старая, деревянная церковь. Въ этомъ мѣстѣ однообразный берегъ рѣки нѣсколько возвышенъ и покрытъ сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ, обхватившимъ полукругомъ маленькое село. Изъ вѣчно-зеленаго лѣса выползаетъ не широкая рѣчка и вливается въ Обь. Почти у устья этой рѣчки, справа, не хитро устроена пароходная пристань; берегъ обложенъ стѣною дровъ, за которыми, саженъ за сто, начинаются постройки. Улицъ въ селѣ нѣтъ; каждый домъ и каждый дворъ самъ по себѣ, какъ вообще принято селиться въ этомъ краѣ. Изъ за домовъ выглядываетъ сѣринькая колокольня, а далѣе густое кольцо сосенъ и кедровъ.

Когда я вышелъ на берегъ, мнѣ прежде всего бросилась въ глаза одинокая инородческая юрта, пріютившись не вдалекѣ отъ домовъ. Это былъ простой берестяный шалашъ, около котораго сидѣли самоѣдскія женщины и дѣти по наружности почти ни чѣмъ не отличающіеся отъ остячекъ. Въ сторонѣ отъ нихъ сидѣла женщина—не самоѣдка и не остячка, да и не русская. Широкое смуглое лицо, сплюснутый носъ, черные жесткіе волосы показывали человѣка иного племени. По плоскимъ щекамъ этой женщины, отъ висковъ до угла рта шла татуировка изъ синеватыхъ точекъ по мелкимъ наколамъ. Эта женщина была тунгузска. Сюда она попала случайно, потому, что Тунгусы не живутъ на Оби, а обитаютъ въ долинѣ Енисея. Сюда они заходятъ за звѣровымъ промысломъ. Весной 1876

года какой-то тунгусъ забрелъ въ Тымское со своей женой. Оставилъ ее здѣсь, а самъ ушелъ въ лѣсные дебри и урманы. Заблудился тамъ или погибъ подъ лапами медвѣдя — неизвѣстно, только за женой онъ не возвращался. Бѣдная дикарка, незная ни русскаго ни самоѣдскаго языка, осталась безъ крова, безъ пищи, если-бы послѣднюю съ ней не раздѣлила самоѣдская семья. Тунгузска тупо относится къ своему положенію и благодѣтелямъ—кормильцамъ, такимъ же дикарямъ. Ни чувства благодарности съ одной стороны, ни сознательнаго опредѣленія участія съ другой, въ этой группѣ дикарей не уловить, не замѣтить, потому, что оба явленія у нихъ слишкомъ первобытны, бѣдны мыслью, языкомъ и природой...

Выше, въ Сургутскомъ краѣ, я говорилъ объ **остякахъ**, но оставивъ районъ Тобольской губерніи, путешественникъ встрѣчаетъ не остяковъ, а **самоѣдовъ** *). Правда и въ Томской губерніи есть остяки по р. Васъ-Югану, притоку Оби съ лѣвой стороны. Область же самоѣдовъ занимаетъ долину Оби отъ рѣки Тыма до южной границы Тогоурскаго отдѣленія, или Нарымскаго края (287 верстъ отъ Томска) и даже ближе къ Томску, гдѣ самоѣды смѣшиваются съ татарами.

Остяки Нарымскаго края, Васъ-Юганскіе гово-

*) Остяки принадлежатъ къ Финскому племени, а самоѣды составляютъ переходъ отъ Финскаго къ Турко-Монгольскому.

рять однимъ языкомъ съ Сургутскими остяками. Но у остяковъ нѣсколько нарѣчій. Напримѣръ, Сургутскіе остяки не понимаютъ Обдорскихъ. Языкъ остяковъ не имѣетъ сходства съ самоѣдскимъ, у котораго также не одно нарѣчіе. Считаю не обременительнымъ для читателей привести нѣсколько параллельныхъ словъ остяцкаго и самоѣдскаго языковъ въ Нарымскомъ краѣ.

	Остяцк.	Самоѣдск.
Обь	Ась.	Колта.
Человѣкъ	Кассэ.	Коупъ.
Рѣка	ёгонъ.	кы.
Болото	куй.	няръ.
Лебедь	кутомъ.	чинга.
Гусь	лонтъ.	твега.
Утка	васихъ.	няпъ.
1	эй.	о куръ.
2	каткенъ.	шидэ.
3	колымъ.	нагуръ.
4	нихе.	тета.
5	ветъ.	сомбалахъ.
6	кутъ.	мухтутъ.
7	явитъ.	сэлчи.
8	нилахъ.	шижалькётъ.
9	эпрѣёнкъ.	окуръ-чанкётъ.
10	чемуёнкъ.	кётъ.

Самоѣды ведутъ такую же жизнь, какъ и остяки; живутъ въ такихъ же убогихъ помѣщеніяхъ: землянкахъ и берестяныхъ шалашахъ (рѣдко въ срубленныхъ изъ лѣса избахъ*); на открытомъ воздухѣ приготовляютъ пищу, которая у нихъ состоитъ изъ однихъ продуктовъ съ остяцкими. Къ довершенію всего та же бѣдность, тѣ же болѣзни и пороки, пріобрѣтенные отъ русскихъ.

Самоѣды занимаются звѣровымъ промысломъ и рыболовствомъ. Характеръ промысловъ заставляетъ ихъ постоянно мѣнять мѣсто. Но сборы не долги. У каждаго самоѣда есть нарта и нѣсколько собакъ**). Зимою собаки тащатъ нарту, куда складывается весь домашній скарбъ самоѣда. Самъ онъ идетъ за нартой. Въ зимнюю пору охотясь на звѣря, самоѣдъ по нѣскольку мѣсяцевъ проводитъ въ лѣсахъ и снѣговыхъ сугробахъ. Для ночлега онъ разводитъ на снѣгу костеръ, подъ которымъ протаиваетъ снѣгъ и нагрѣвается земля. Самоѣдъ отгребаетъ въ сторону головни и угли и ложится на нагрѣтое мѣсто для того чтобы провести ночь.

Въ урманахъ и по притокамъ Оби самоѣды и остяки промышляютъ самостоятельно; добываютъ звѣря, рыбу, орѣхи и выносятъ добычу для сбыта въ русскія поселенія. Ближе къ Оби значительная часть самоѣ-

*) У сосѣдей самоѣдовъ — тунгусовъ есть зимнія юрты, построенныя изъ жердей, конусообразно, и покрытыя звѣриными шкурами. Русскіе называютъ такія юрты раздужными. У самоѣдовъ и остяковъ ихъ нѣтъ.

**) Лошадей самоѣды держатъ немногіе, зажиточные и обрусѣвшіе, по берегу Оби, для гоньбы и извоза.

довъ — прямые работники русскихъ на ихъ рыболовныхъ пескахъ, рубкѣ дровъ, домашнемъ хозяйствѣ и т. п.

Русскіе въ Нарымскомъ краѣ разсѣлились по берегамъ Оби и по нѣкоторымъ притокамъ этой рѣки, а именно: по рѣкамъ Кети, Парабели и Чигарѣ. На Оби четыре русскихъ села и десять деревень, въ которыхъ до четырехъ сотъ дворовъ; на Кети два села и двадцать восемь деревень (до четырехъ сотъ дворовъ); на Парабели два села четырнадцать деревень (до двухъ сутъ дворовъ); на Чигарѣ 3 деревни (около 100 дворовъ). По такому значительному притоку, какъ Васъ-Юганъ нѣтъ ни одного русскаго поселенія*).

Инородцы же, кромѣ названныхъ рѣкъ, засѣляютъ слѣдующіе притоки Оби: Тымъ, Васъ-Юганъ и Чай, приблизительно въ такомъ видѣ:

Обь	32	селенія	до	350	юртъ.
Кеть	26	селеній	до	130	—
Тымъ	12	—	до	70	—
Васъ-Юганъ	36	—	до	250	—**)
Парабель	5	—	до	50	—
Чай	2	селенія	до	10	—

*) За исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, о числѣ населенія Нарымскаго края я пріобрѣлъ нѣсколько устарѣлыя свѣдѣнія, почему и не собщаю точныхъ цифръ, но увѣренъ въ приблизительности ихъ.

**) Въ 1-мъ селеніи—Васъ-Юганскомъ—православная церковь.

Самое сѣверное русское поселеніе въ Нарымскомъ краѣ — село Тымское. Оно построено на землѣ, принадлежащей самоѣдамъ и населено торгующими нарымскими мѣщанами и крестьянами русскихъ волостей края*). Всѣ тымскіе жители занимаются покупкою произведеній края: рыбы, звѣриныхъ шкуръ и орѣховъ, сбывая эти товары въ Нарымъ и Томскъ. Впрочемъ, кромѣ торговли, подряжаются поставлять дрова на пароходы. Въ дроворубы у поставщиковъ нанимаются преимущественно самоѣды и частію ссыльные, приходящіе сюда изъ другихъ округовъ Томской губерніи**). Ссыльныхъ не особенно здѣсь жалуютъ и предпочитаютъ нанимать въ рабочіе инородцевъ, благодаря ихъ безотвѣтности и дешевизнѣ. Но нельзя сказать, чтобы наниматели были особенно довольны инородцами—работниками. Между ними очень часто случаются побѣги отъ нанимателей, что, однако-же, объясняется весьма просто. Обыкновенно рабочій — инородецъ отработываетъ свой долгъ или долгъ своей семьи. Имѣя смутное понятіе въ расчетахъ за забранный товаръ и продовольствіе, а также при неопредѣленности заработной платы, самоѣдъ почти всегда находится въ кабалѣ у нанимателя, безъ малѣйшей надежды выбиться изъ этой кабалы. Работаетъ годъ, другой — за все получаетъ только самую скудную

*) Кетской и Парабельской.

**) Въ Нарымскій край не ссылаютъ.

пищу, да кусокъ гнилаго ситца на рубаху, а долгъ такъ и остается „самъ по себѣ". Естественно, у рабочаго является желаніе сбѣжать отъ закабалившаго его нанимателя, и пристроиться на работу въ другомъ мѣстѣ по выгоднѣе.

Замѣчательно, что самоѣды даже не вѣрятъ въ возможность отработать свой долгъ. Въ одномъ селѣ Нарымскаго края, при мнѣ сбѣжалъ отъ нанимателя молодой парень, которому оставалось одною недѣлею работы закончить расчеты въ хозяиномъ.

Побѣги ке всегда освобождаютъ работника отъ расплаты. Ихъ отыскиваютъ и снова принуждаютъ работать и при этомъ довольно часто наниматели ставятъ на прежнемъ заработкѣ бѣжавшаго крестъ.

Кромѣ того безъ самосуда за побѣгъ съ работы дѣло необходится. Я записалъ въ Нарымѣ слѣдующій разсказъ торговца.

— Задолжалъ мнѣ одинъ остякъ—Сенька. Я взялъ его дрова рубить. Поработалъ онъ въ артели дня два, да и тягу. А рабочихъ у меня въ ту пору было мало; думаю одному спусти остальные разбѣгутся. Отправился розыскивать Сеньку, прослышавъ, что онъ нанялся къ другому хозяину, верстъ за 50. Нашелъ.—Хоть убей, говоритъ, не буду у тебя работать! — убѣгу!... Привезъ его къ себѣ. Прошло дня два—онъ снова убѣжалъ. Теперь ужъ скрываться началъ въ своихъ юртахъ. Поѣхалъ я туда ночью. Узналъ, которая Сенькина юрта. Вхожу, а его уже нѣтъ: удралъ. Я кинулся по слѣду

(дѣло зимой было) и догналъ его версты за двѣ отъ юрты. — Теперь, молъ, голубчикъ, шалишь?... Привязалъ я его веревкой къ оглоблѣ, а лошадь пустилъ рысью... да такъ, верстъ двадцать, вплоть до дому и тѣшилъ его. А дома, въ артели еще закатили ему прибавку. Съ тѣхъ поръ не бѣгалъ. — Сенька, будешъ бѣгать? спросишь. Только головой мотаетъ... А то, любятъ больными притворяться. — Ой, ой! шайтанъ залезъ!... Смотришь, смотришь, да веревкой и вздуешь. Шайтана какъ не бывало!...

Незавидно положеніе инородца рабочаго и не даромъ онъ выучился „стонать" по русски.

Разъ, въ началѣ весны, шелъ я лѣсомъ около села Тымскаго. День былъ не холодный, да и не жаркій. Въ кедровомъ лѣсу, отдававшимъ смолистымъ запахомъ, дышалось легко, здорово. Бичь жаркихъ дней болотистаго сѣвера—комары—еще не показывался. Но въ лѣсу начиналась уже жизнь. Почти изъ подъ ногъ у меня выскочилъ маленькій, полосатый звѣрокъ, отбѣжалъ шаговъ тридцать и присѣлъ. Глазки сверкали испугомъ и любопытствомъ.

— Что за звѣрь?

— Бурундукъ.

Звѣрокъ шмыгнулъ еще далѣе, стрѣлой пронесся по громадной, поваленной на землю соснѣ и еще быстрѣе исчезъ въ зеленыхъ вѣтвяхъ стройнаго и высокаго кедра. Я подошелъ къ берегу не широкой рѣки, пробивавшейся между растительностью. Слышу, по рѣчкѣ доносит-

ся пѣсня.

— Что это? самоѣды поютъ?

— Они, отвѣчаетъ мой спутникъ, мѣстный житель.—Это они паузокъ съ дровами тянутъ.

— Это самоѣдская пѣсня! И они стонутъ также, какъ на Волгѣ стонутъ наши бурлаки! Нѣтъ, это не самоѣдская пѣсня.... Это самоѣдъ „стонетъ по русски!“....

Охъ, дубинушка ухни!...

— Откуда же они выучились русской пѣснѣ?

— Отъ поселенцевъ (ссыльныхъ).

Охъ, зеленая, подерни!....

На рѣчкѣ показался самоѣдъ, плывшій на обласкѣ. Онъ разматывалъ бичевку. Подплывши къ одному пню, онъ укрѣпилъ около него бичевку и скрылся обратно, туда, откуда неслась пѣсня. Другой конецъ бичевы былъ прикрѣпленъ къ нагруженному дровами паузку*), вскорѣ показавшемуся среди проросшей тальникомъ рѣчки. Человѣкъ двѣнадцать самоѣдовъ тянули съ паузка бичеву; два ихъ товарища вертѣлись въ обласкѣ около судна, освобождая бичеву, задѣвавшую за карчи и тальникъ. Натыкаясь на карчи, судно останавливалось, пѣсня обрывалась...

---

*) Паузокъ—простое судно, безъ палубы, когда употребляется для перевозки дровъ. Среднимъ числомъ вмѣщаетъ 80 саженъ дровъ пяти четвертей.

Въ центрѣ Нарымскаго края находится небольшой заштатный городокъ Нарымъ, до котораго отъ села Тымскаго сто десять верстъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу Кети, въ двухъ верстахъ отъ берега Оби, на болотистой и нездоровой мѣстности. Пассажирскіе пароходы останавливаются не доходя устья Кети у небольшаго островка, на которомъ построена гостинница. Въ Нарымѣ до 300 домовъ и немного болѣе тысячи русскихъ жителей. Инородцевъ въ Нарымѣ не живетъ. Каменныхъ домовъ, кромѣ церквей и одного казеннаго зданія, гдѣ помѣщается расходное отдѣленіе, нѣтъ. Жители состоятъ изъ мѣщанъ и казаковъ, занимающихся рыболовствомъ и торговлей. Купцовъ всего четверо, въ рукахъ которыхъ главнымъ образомъ находится торговля всего Нарымскаго края. Здѣшніе купцы торгуютъ съ Томскомъ и Ирбитью, сбывая туда туземныя произведенія, скупаемые въ краѣ, какъ непосредственно, такъ чрезъ коммисіонеровъ, напримѣръ, Тымскихъ жителей или приказчиковъ, разъѣзжающихъ для мѣны товаровъ по самымъ отдаленнымъ остяцкимъ становищамъ.

Рѣка Кеть выходитъ изъ Енисейской губерніи и впадаетъ въ Обь тремя устьями, изъ которыхъ верхнее — около деревни Колпашевой *), а нижнее у Нарыма. Эта рѣка сначала была судоходною для не-

---

*) Пароходная пристань, сто двадцать девять верстъ выше Нарыма.

большихъ судовъ, но въ 1865 году выдана привилегія для пароходнаго плаванія по ней. Вскорѣ послѣ этого возникли блестящія предположенія о соединеніи посредствомъ Кети и притоковъ Енисея Обско-Енисейскаго водораздѣла, для изслѣдованія чего въ 1873 году была отправлена экспедиція г-на Фунтусова, со стороны Енисея, въ притокъ этой рѣки Большой Касъ и изъ него въ Малый Касъ, верховья котораго почти сходятся съ верховьями рѣки Озерной, впадающей въ Кеть.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1875 году произведены были изысканія г.г. Сиденснеромъ и Мошковымъ. Изыскатели опредѣлили длину волока въ 3 версты 400 саженъ, и по исчисленіи расходовъ на прорытіе канала, расширеніе фарватера рѣкъ и освобожденіе ихъ отъ карчъ, нашли что предпріятіе соединенія Оби съ Енисеемъ для пароходнаго плаванія обойдется не дороже одного милліона рублей.

Ранѣе существовало также предположеніе соединить Обь съ Енисеемъ правымъ притокомъ Оби—Чулымомъ*), приближающимся своимъ верховьемъ къ рѣкѣ Енисею, но послѣдніе изыскатели отдаютъ преимущество Кети. Путь судоходства предполагается направить верхнимъ устьемъ Кети у деревни Колпашевой и села Тогоурскаго.

---

*) Устье Чулыма 100 верстъ выше Колпашевой. По Чулыму ходятъ пароходы до Ачинска.

Деревня Колпашева — послѣдняя пароходная пристань на пути къ Томску. Деревня расположена на возвышенномъ правомъ берегу Оби. Войдя въ деревню, вы поражаетесь наружнымъ достаткомъ жителей. Лачугъ, особенно обильныхъ въ Тобольской губерніи, здѣсь почти нѣтъ. Дома срублены изъ хорошаго толстаго лѣса, нерѣдко въ четыре и даже шесть комнатъ. Около домовъ большіе анбары. Жаль только, что всѣ строенія расположены безпорядочно. Между ними идутъ и вкривь и вкось улицы, или вѣрнѣе, проходы. Заборы весьма рѣдки. На берегу Оби стоитъ небольшая, красивая часовня. Всѣ жители Колпашевой русскіе, православнаго исповѣданія. Ихъ считается мужескаго пола 316 человѣкъ, а женскаго 298. Типъ крестьянъ довольно чистый, лицо осмысленное какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Деревня Колпашева принадлежитъ къ Тогоурской волости и приходу. Село Тогоурское, отъ котораго весь Нарымскій край получилъ названіе Тогоурскаго отдѣленія, находится въ 8 верстахъ отъ Колпашевой на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Кети. Селеніе Тогоурское, или какъ его называютъ мѣстные жители, Тогуръ, благодаря болотистой почвѣ, непроходимо грязное, но достатокъ жителей одинаковъ съ Колпашевскими. Въ немъ девяносто домовъ, двѣсти восемьдесятъ восемь человѣкъ мужескаго пола и триста шестьнадцать женщинъ.

Когда-то эта глухая мѣстность служила ареной

всевозможныхъ злоупотребленій. Но нынѣ, съ развитіемъ пароходства здѣсь уже стало не такъ глухо. Въ Тогурѣ мнѣ разсказывали слѣдующій случай изъ времени извѣстной ревизіи Западной Сибири сенаторомъ Анненковымъ.—Два бѣглыхъ солдата Тобольскаго баталіона явились въ Парабельскую волость и назвались чиновниками Анненкова. Въ Парабели они взяли къ себѣ въ секретари грамотнаго поселенца и съ нимъ поѣхали ревизовать Нарымскій край. Принимали отъ крестьянъ жалобы и распоряжались истинно по сенаторски прежняго времени. Ковали въ кандалы, драли и даже отправляли виновныхъ подъ конвоемъ крестьянъ въ Томскъ. Главнымъ образомъ доставалось, мѣстнымъ властямъ. Тогоурскаго вахтера, извѣстнаго тирана, они сковали и послали въ Томскъ. То-же самое сдѣлали и съ Нарымскимъ засѣдателемъ... Наконецъ, въ Томскѣ узнали о ревизорахъ и послали команду схватить ихъ. Крестьяне, видя въ самозванныхъ ревизорахъ своихъ заступниковъ, къ тому же украшенныхъ „бумажными“ орденами, которые они надѣвали „на халаты“, выдали ихъ не безъ сопротивленія, за что были не только наказаны, но даже „истерзаны“ наѣхавшими слѣдователями. 400 — 500 „горячихъ“ розогъ считалось minimum'омъ... Эту исторію можно слышать въ Нарымскомъ краѣ отъ очевидцевъ происшествія.

Въ свою очередь, были хороши и тѣ лица, надъ которыми изъѣзжались бродяги-ревизоры. Тогоурскій

вехтеръ, закованный ими, сталъ легендарнымъ своими грабительскими подвигами. Разсказывая о немъ, жители рисуютъ его неиначе какъ верхомъ, съ нагайкой въ рукахъ (онъ былъ изъ казаковъ)... Кончилъ этотъ вахтеръ неблагополучно. Однажды домъ его вспыхнулъ и онъ со всемъ семействомъ не ушелъ изъ пламени. Сосѣди горящаго дома вахтера, пальцемъ не тронули къ потушенію пожара, хотя и рисковали своимъ достояніемъ...

Нынѣ берега Оби стали покойнѣе. Нужно только отмѣтить „Обскихъ пиратовъ“ и бродягъ. Обскіе пираты далеко не тѣ, что прежніе волжскіе разбойники. Гдѣ нибудь около Томска снаряжается небольшая лодка мошенниковъ. Они отправляются внизъ по Оби и крадутъ въ томъ или другомъ береговомъ селеніи то, что плохо лежитъ.

Бродяги, обыкновенно ссыльные, пробирающіеся на родину, очень мирные путешественники. Они пристанутъ къ берегу развѣ только затѣмъ, чтобы попросить „хлѣбушка“.

Въ Тогоурской волости платитъ податной окладъ 446 душъ. Всего податей и повинностей падаетъ на каждую окладную душу до 8 руб. въ годъ. Земская гоньба исполняется наймомъ. Во всей волости четыре приходскихъ церкви и одно училище, существующее съ 1866 года. Въ училище занимается учитель и считается девятнадцать учениковъ, но дѣствительно двѣнадцать. Дѣвочекъ ни одной. Со времени открытія

училища по 1876-й годъ выдано только два свидѣтельства.

Въ нравственномъ отношеніи, населеніе имѣетъ мало пороковъ, хотя на поведеніе дѣвушекъ до замужества смотрятъ снисходительно. Семьи же живутъ согласно. Браки совершаются преимущественно „убѣгомъ“ въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ, но съ согласія родителей той и другой стороны. Свадьба ровненькая стоитъ 20 р., „побогаче“—80 р.. Изъ этого церковный расходъ отъ 5-ти до 30-ти рублей, да за справку, если невѣста изъ другаго прихода. 10 рублей — 20 рублей.

Въ праздники крестьяне, за исключеніемъ рыболовнаго времени, не работаютъ. Молодежь играетъ въ лапту, мячикъ, на балалайкѣ и поетъ съ дѣвушками пѣсни. Вмѣсто вечерокъ, „мнутъ сукно“, нѣчто вродѣ посидѣнокъ.

Жители Тогоурской волости занимаются хлѣбопашествомъ, звѣроловствомъ, рыболовствомъ, сборомъ орѣховъ и извозомъ. Инородцы хлѣбопашествомъ незанимаются, да и вообще, въ южной части Нарымскаго края на хлѣбопашество не обращается вниманія. Въ сѣверной же части его вовсе не существуетъ. Удобной для хлѣбопашества земли очень мало и она распредѣлена неравномѣрно: кто что захватилъ, тотъ тѣмъ и владѣетъ. Передѣловъ не было.

Удобряютъ землю навозомъ. Сѣютъ озимовую рожь, яровой ячмень, овесъ, коноплю, немного пшеницы

и льна. Озими сѣютъ въ Августѣ; яровой въ началѣ Мая. Хлѣбъ собираютъ съ 1-го числа Сентября. Сѣно косятъ въ Августѣ; его довольно. Хлѣба же недостаетъ, почему крестьяне покупаютъ привозную муку: пшеничную 70 копѣекъ за пудъ; ржаную 40 — 50 коп.; овесъ 25 коп. — 40 коп. Соль 90 к.— 1 р., а въ долгъ 1 р. 10 к.*).

Мельницъ во всей волости шесть водяныхъ; вѣтряныхъ нѣтъ.

Огородничествомъ занимаются немногіе. Растетъ картофель, огурцы, капуста, морковь, лукъ, рѣпа и рѣдька.

Стоимость земледѣльческихъ инструментовъ въ Тогурѣ такова:

Соха 3 рубля.

Борона 2 рубля.

Серпъ 70 коп.

Коса 80 коп.

Домашняго скота въ Нарымскомъ краѣ мало и онъ весь мелкій. Цѣны на него слѣдующія:

Лошадь 10 руб.—40 руб.

---

*) Хлѣбъ привозится въ Нарымскій край изъ Бирска на баркахъ и иногда изъ Тарскаго округа, по рѣкѣ Васъ-Югану. Для инородцевъ устроены запасные магазины, но русскимъ этого хлѣба не выдаютъ, на что они очень сѣтуютъ, ибо бываютъ случаи, когда хлѣбъ выходитъ у нихъ въ распутицу или ледоходъ. Тогда нѣтъ ни какой физической возможности достать хлѣба.

Корова 4 р.—10 р.
Овца 40 к. 1 р.
Свинья 1 р.—4 р.
Курица 10 к.—25 к.

Извозомъ занимаются зимою. Возятъ до гор. Томска рыбу, а оттуда товары. Провозъ до Томска 18 копѣекъ—30 коп.; обратно 10 коп.—15 к. съ пуда.

Зимою же мужчины занимаются звѣровымъ промысломъ, а лѣтомъ пашней и рыболовствомъ. Женщины ткутъ холстъ и **сукманину***), косятъ и убираютъ хлѣбъ.

Рыболовство въ Нарымскомъ краѣ начинается въ первыхъ числахъ Іюля и продолжается до заморозовъ, числа десятаго Октября мѣсяца. Всѣ пески находятся въ рукахъ арендаторовъ, которые платятъ за нихъ отъ 100 до 700 рублей въ лѣто. Рабочіе на пескахъ получаютъ отъ 20 до 35 р.

Содержаніе рыболовнаго песка обходится, съ обзаведеніемъ снастями, въ 1200 рублей — 1500 руб. Названіе и стоимость снарядовъ таковы: неводъ 250 р.—300 р.

*) „Сукманина" ткется изъ овечьей шерсти и употребляется только на женскія юбки. Шерсть предварительно окрашивается мѣстными травами: корнемъ марены, серпухой и зеленикой, растущими на луговой сторонѣ. Изъ серпухи получается зеленоватая краска; изъ зеленики—свѣтло-голубая; изъ марены—коричневая. Мареной красятъ въ соединеніи съ зеленикой. Зеленая краска получается изъ серпухи и зеленики.

Крестьянскій неводъ 10—25 р.
Сѣть для ловли сырковъ и моксуновъ 6 рублей — 7 рублей.
Сѣть для ловли нелемъ 100—200 р.
Самоловъ — крючекъ на бичевкѣ — для ловли осетровъ 1 рубль 50 коп., для ловли налимовъ и стерлядей 70 коп.
Переметъ, состоящій изъ 100 удъ, 1 р.

Для вешней ловли употребляются чердаки. Чердакъ состоитъ изъ 8 сѣтей; каждая по 6 саженъ. Его ставятъ на пошевелѣ рѣки, отчего часто такія снасти уносятся льдомъ. Чердакъ стоитъ десять рублей.

Мелкіе истоки запираются лѣсною изгородью, называемой „юнгà", а широкіе и глубокіе истоки — сѣтями. Юнгà, въ величину двухъ саженъ, — одинъ рубль.

Ставятъ еще „морды", сдѣланныя изъ сосноваго лѣса. Морда стоитъ 2 р.

Кстати. — По Оби, въ Нарымскомъ краѣ, рыболовы привѣшиваютъ къ сѣтямъ куски **каменнаго угля**, который они находятъ въ рѣкѣ. Самоѣды называютъ его **кожаровою** (чортовою), а русскіе — **мамонтовою печенью**. Существуетъ мнѣніе, что куски каменнаго угля заносятся сюда теченіемъ отъ Кузнецкихъ залежей, но это мнѣніе легко опровергается во первыхъ тѣмъ, что Кузнецкій уголь плохаго достоинства, а Нарымскій

даже высшаго*), а во вторыхъ: „мамонтовую печень“ находятъ береговые жители Кети въ своей рѣкѣ.

Лодки для рыбной ловли:

Неводникъ, саженъ 5-ти, 20—25 р.

Однодеревка, 3—4 саж., 7—10 р.

— 2 с. 3— 5 р.

Завозня, 3—4 саж., 5— 7 р.

Теперь перечислю рыбъ Нарымскаго края и цѣны на нихъ (за пудъ).

Нельма, лѣтомъ, соленая, 3 рубля; зимой, свѣжая, 5 р. 10 к.

Осетръ, лѣтомъ, соленый, 3 руб.; зимой, свѣжій, икряный, 5 р.—6 р.; яловой, т. е. не икряный, 4 р.

Сырокъ 3 р.

Язь, весной, свѣжій, 80 к.

Щука, зимой, 70 к.

Окунь, зимой, семьдесятъ копѣекъ. Эту рыбу не солятъ.

Плотва, зимой, 40 коп. (не солятъ).

Налимъ 50—70 к. (не солятъ).

Ерши 50 к.—1 р.

Стерлядь лѣтомъ 80 коп.; зимой 2 руб., 2 р. 50 коп.

---

*) У меня есть образчикъ. Такой же кусокъ представленъ изъ Нарыма г. Шестаковичемъ въ Сибирскій отдѣлъ географическаго общества.

Караси 40 коп. — 1 руб. Карасей ловятъ въ сорахъ и озерахъ. Величина карася доходитъ до $^1/_2$ ар. и болѣе.

Моксунъ соленый 25 копѣекъ за штуку, свѣжій — 40 копѣекъ, икряный 50 к. за штуку.

Икра:

Осетровая лѣтняя 5 рублей, зимняя 10 р.—12 рублей.

Моксуновая 8 р.

Сырковая 4 р.

Язевая 1 р. 50 к.

Клей осетровый 1 р.—2 р.

— стерляжій 60 к., 1 р.

Язевый жиръ 3 р., 5 р.

Рыбу вывозятъ въ Томскъ, и только два года назадъ, изъ сѣверной части края, стали вывозить въ Тобольскъ и Тюмень. Рыбу солятъ на мѣстѣ промысла. Это дѣлается арендаторами песковъ. Инородцы больше сушатъ рыбу безъ соли. Такая рыба называется „пикъ“. Въ Нарымѣ была попытка дѣлать осетровый балыкъ, но не удалось. Въ Томскѣ балыкъ дѣлаютъ, но къ сожалѣнію, значительно хуже Астраханскаго. Продаютъ 75 к. за фунтъ.

Изъ дер. Колпашевой увозится рыбы по среднему улову:

Нельмы до 500 пудовъ.

Осетра до 500 пудовъ.

Моксуна до 200 „ (1500 шт.).

Сырка 3000 пудовъ (100.000 шт.) Этой рыбы иной годъ небываетъ вовсе.

Язей	до	500	пудовъ.
Щукъ	„	700	„
Окуней	„	200	„
Плотвы	„	500	„
Ершей	„	20	„
Налимовъ	„	1500	„
Стерлядей	„	300	„
Карасей	„	500	„

Итого, по среднему улову, до 8420 пуд.

Звѣропромышленность съ каждымъ годомъ падаетъ отъ пожаровъ въ тайгахъ. Урманы, конечно не всѣ выгорѣли и долго еще не выгорятъ, но звѣрь куда-то удаляется. Звѣропромышленность, за исключеніемъ немногихъ русскихъ, принадлежитъ остякамъ и самоѣдамъ, какъ ясачнымъ инородцамъ. У нихъ уже русскіе промышленники арендуютъ право звѣроваго промысла, платя отъ 3 до 10 р. съ человѣка въ годъ.

Стоимость звѣроловныхъ снарядовъ опредѣлить

трудно, потому что почти всѣ они изготовляются самими промышленниками. Снаряды на звѣря носятъ названія: слопецъ, черканъ, петля, кулема, клепецъ, кучъ, лукъ, рогатина и ружье.

Большая часть звѣря, добытаго въ Нарымскомъ краѣ, поступаетъ въ руки Нарымскихъ купцовъ, чрезъ ихъ приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ. Часть пушнины попадаетъ отъ инородцевъ въ тѣ же руки чрезъ торги мѣстной администраціи. Инородцы платятъ свой ясакъ пушниной и ею же уплачиваютъ долгъ за хлѣбъ и порохъ, взятые изъ казенныхъ магазиновъ. Мѣстный засѣдатель продаетъ съ торговъ ясачную пушнину тѣмъ же Нарымскимъ купцамъ.

Звѣрь дѣлится, по мѣсту улова, на **сороваго и бороваго**. На сору ловится лисица, горностай, колонокъ. Остальные звѣри въ бору. Нѣкоторыя породы звѣря совершенно перевелись, какъ, напримѣръ, бобры и отчасти соболь*). Цѣны на звѣриныя шкуры находятся въ зависимости отъ требованія главныхъ рынковъ. Въ нѣкоторыхъ сортахъ цѣны зависятъ отъ качества шкуръ, какъ-то, лисицъ, медвѣдей и т. п. Весеннія шкуры малоцѣннѣе осеннихъ.

Цѣны на звѣриныя шкуры въ Нарымѣ:

---

*) Въ Нарымскомъ краѣ бобры бутто-бы еще есть по рѣкѣ Чаю, но попадаются чрезвычайно рѣдко.

Соболь 2 р.—25 р.
Лисица 2 р. 50 к.—25 р.
Выдра 5 р.—7 р.
Медвѣдь 3 р.—15 р.
Колонокъ 70 к.—1 р. 20 к.
Горностай 12 к.—70 к.
Бѣлка 7 к.—20 к.*).
Заяцъ 5 к.—10 к.
Бурундукъ 1/4 к.
Лось 4 р.—5 р.
Олень 80 к.—1 р.

Торговцы покупаютъ звѣря на деньги и на товаръ. Послѣднiй часто бываетъ дурнаго качества и цѣны на него назначаются высокiя. Къ тому же, для податливости инородца, при торгѣ пускается въ дѣло водка. Это преслѣдуется начальствомъ, но безуспѣшно, ибо всякiй надзоръ за кочевымъ населенiемъ и не менѣе кочевыми торговцами, по тайгамъ и урманамъ, физически невозможенъ.

Торговцы ѣздятъ вверхъ по притокамъ Оби нѣсколько разъ въ годъ, но однажды, именно по вскрытiи рѣкъ, инородцы сами съѣзжаются къ берегамъ Оби, на такiе пункты, какъ Нарымъ или Тымское, для продажи добычи и мѣны ее на привозный товаръ. Самоѣды и остяки однако-же боятся

*) Бѣлки становится мало. Ее много въ урожайные годы орѣховъ, но урожаевъ нѣтъ съ 1873 г.

этихъ ярмарокъ въ русскихъ поселенiяхъ. Тяготятся-ли они ближайшимъ надзоромъ начальства или есть другiя причины — неизвѣстно. Въ село Тымское, въ 1876-мъ году, ни одинъ инородецъ не явился въ обычное время на ярмарку. Рѣки давно уже освободились отъ льда, а самоѣдовъ нѣтъ — какъ нѣтъ! Потомъ дѣло разъяснилось.

Инородцы провѣдали, что въ Нарымъ назначенъ новый засѣдатель — и поднялись на хитрость. — Прiѣдетъ-де засѣдатель на Тымскую ярмарку, а ярмарки нѣтъ, пождетъ, пождетъ, да и уѣдетъ!.... Засѣдатель почему-то вовсе не поѣхалъ на ярмарку. Провѣдали объ этомъ самоѣды, собрались въ Тымское, и ярмарка сошла какъ слѣдуетъ.

Низменные берега Оби, залитые водою на необозримое пространство, холодный вѣтеръ открытыхъ сѣверныхъ мѣстностей, непривѣтливыя картины жизни береговыхъ обитателей инородцевъ и однообразiе въ продолженiи шести — семи дней, на тысяча-верстномъ разстоянiи наводитъ сна-

чала грусть, а потомъ хандру на пассажира Обскаго парохода. Тяжело становится впечатлительной натурѣ человѣка, въ первый разъ знакомящагося съ холодной, немшоной Сибирью... Я зналъ такого человѣка. Плылъ со мною въ Томскъ молодой инжинеръ. Путь его былъ далекій—на Амуръ. Видно было, что онъ оставилъ на родинѣ, гдѣ-то на берегу Крыма, много того, къ чему искренне можетъ привязаться молодая, неиспорченная душа. Берега Оби, природа и жизнь нашаго сѣвера произвели на него ужасно тяжелое впечатлѣніе. Въ шесть дней онъ измучился, тосковалъ и боялся чего-то....

Наконецъ, мы прошли Обь. Предъ нами Томь. Какъ-то сразу потѣплѣло, когда пароходъ вошелъ въ одинъ изъ рукавовъ ея русла. Берега были покрыты разнообразною растительностью. Надъ ними нависли кедры, пихты, кустарникъ пахучей черемухи и кой-гдѣ такъ привѣтливо и мягко выдѣлялся стройный серебристый тополь.

Вечерѣло.

И вдругъ, что мы слышимъ? — Трели соловья!....

Я бѣгу въ каюту къ моему инжинеру, тащу его на верхъ.

— Слушайте! соловей...

— Да, помилуйте! что вы? какой здѣсь соловей? развѣ, ссыльный....

Устье Томи въ пятидесяти трехъ верстахъ отъ Томска. Чрезъ нѣсколько часовъ предъ нами мелькали огни Томскихъ пароходныхъ пристаней....

Таблица

разстояній береговыхъ поселеній по рѣкамъ, Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, между городами Тюменью и Томскомъ.

Пароходныя пристани напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Буквы: г. означаютъ городъ, с.—село, д.—деревня, т. ю. — татарскія юрты, о. ю. — остяцкія юрты, с. ю.—самоѣдскія юрты, п. или л. — правый или лѣвый берегъ, на которомъ расположено селеніе.

Разстояніе показано по фарватеру рѣкъ.

По р. Турѣ:	Версты: Отъ Тюмени	Версты: Отъ Томска	Версты: Отъ вышеозначенной пароходной пристани.	
ТЮМЕНЬ, г. п. и л.	—	$2190^1/_2$	—	Почтовая контора и телеграф. станція.

Мысъ д. л.	4	$2186^{1}/_{2}$	—	
Яръ д. л.	7	$2183^{1}/_{2}$	—	
Антипина д. п.	16	$2174^{1}/_{2}$	—	
Паренкина д. п.	21	$2169^{1}/_{2}$	—	
Субботина д. л.				
Малькова с. п.	33	$2157^{1}/_{2}$	—	
Ошкукова д. п.	36	$2154^{1}/_{2}$	—	
Есаульскія т. ю. п.				
Велижанина д. л.	40	$2150^{1}/_{2}$	—	
Коскаринскія т. ю. л.				
Чикчинскія т. ю. п.	49	$2141^{1}/_{2}$	—	
Якушевы т. ю. п.	54	$2136^{1}/_{2}$	—	
Борокъ и Дворецъ д. л.	59	$2131^{1}/_{2}$	—	
Шешукова д. л.	64	$2126^{1}/_{2}$	—	
Криводанова д. п.	73	$2117^{1}/_{2}$	—	
Щербакъ д. л.	$77^{1}/_{2}$	2113	—	
Созонова с. л.	81	$2109^{1}/_{2}$	—	
Устье р. Пышмы	85	$2105^{1}/_{2}$	—	
Мотуши т. ю. л.	103	$2087^{1}/_{2}$	—	

Дубровная д. л.	$127^{1}/_{2}$	$2063^{1}/_{2}$	—	
Покровское с. л.	152	$2038^{1}/_{2}$	—	
Устье р. Туры	171	$2019^{1}/_{2}$	—	Здѣсь происходила значительная битва Ермака съ татарами въ 1581 году.
По р. Тоболу				
Матмасы т. ю. п.	195	$1995^{1}/_{2}$	—	
Маранка д. п.	$198^{1}/_{2}$	1992	—	
Ярково с. л.	216	$1974^{1}/_{2}$	—	
АРТАМОНОВА д. л.	233	$1957^{1}/_{2}$	—	
Іевлева д. п.	246	$1944^{1}/_{2}$	13	Телеграфная станція. Перевозъ почтоваго тракта чрезъ р. Тоболъ.
Березовый яръ д. л.	248	$1942^{1}/_{2}$	15	
Ганихина д. п.	250	$1940^{1}/_{2}$	17	
Лысова д. л.	252	$1938^{1}/_{2}$	19	
Гилево - Липовское с. л.	255	$1935^{1}/_{2}$	22	

Кинджаки д. п.	257	$1933^1/_2$	24	
Соколова д. л.	$260^1/_2$	1930	$27^1/_2$	
Горбунова д. л.	275	$1915^1/_2$	42	
Ульянова д. л.	281	$1909^1/_2$	48	
Устье р. Тавды	291	$1899^1/_2$	58	
Бачалина д. п.	296	$1894^1/_2$	63	
Липовское с. п.	302	$1888^1/_2$	69	
Луговая д. п.	305	$1885^1/_2$	72	
Бехтери т. ю. п.	314	$1876^1/_2$	81	
Шестакова д. п.	317	$1873^1/_2$	84	
Тахтаиръ д. л.	331	$1859^1/_2$	98	
Ахманайскія т. ю. л.	335	$1855^1/_2$	102	
Бишура д. п.	342	$1848^1/_2$	109	
Худяково с. п.	350	$1840^1/_2$	117	
Долгоярская д. п.	352	$1838^1/_2$	119	
Паньшина д. п.	367	$1823^1/_2$	134	
Блинникова д. л.	369	$1821^1/_2$	136	
Миримовскія т. ю. л.	374	$1816^1/_2$	141	Въ сторонѣ село Карачино.

Суклемскія т. ю. л.	390	$1800^1/_2$	157	
Шишкина д. п.				
Мѣдянки т. ю. п.	$400^1/_2$	1790	$167^1/_2$	Устье р. Тобола.
По р. Иртышу:				
ТОБОЛЬСКЪ г. г. п.	406	$1784^1/_2$	173	губернскій городъ. Почтовая контора и телеграфъ.
Эскалбы т. ю. л.	420	$1770^1/_2$	14	
Бѣломойна д. л.	426	$1764^1/_2$	20	Въ сторонѣ село Кугаевское.
Дурынина д. п.	432	$1758^1/_2$	26	
Абызовы т. ю. л.	436	$1754^1/_2$	30	
Мѣдвѣдкина д. п.				
Иштаманскія т. ю. л.	442	$1748^1/_2$	36	
Бронниково с. п.	447	$1743^1/_2$	41	
Тычинская д. л.	453	$1737^1/_2$	47	
Папушкова д. п.	461	$1729^1/_2$	55	
Филатова д. л.	471	$1719^1/_2$	65	
Надзинскія т. ю. п.	476	$1714^1/_2$	70	

Корбинскія т. ю. п.	491	1699½	85	
Слинкина д. л.	510	1680½	104	
Малоисацкая д. л.	520	1670½	114	
Новодеревенскоес. л.	532	1658½	126	
Есаулы т. ю. л.	538	1652½	132	
Боровая д. л.	555	1635½	149	
Трошина д. л.	558	1632½	152	
Тольнигина д. л.	567	1623½	161	
Елбы д. п.	574	1616½	168	
Уватское с. л.	577	1613½	171	
Сургутская д. п.	583	1607½	177	
Кошелева д. п.	593	1597½	187	
Буренское с. п.	602	1588½	196	
Варламовы о. ю. л.	620	1570½	214	
Солянка д. п.	628	1562½	222	
Юровское с. п.	632	1558½	226	
Кокуй д. п.	639	1551½	233	
Ярокъ д. п.	653	1537½	247	
ДЕМЬЯНСКОЕ с. п.	657	1533½	251	Пріемъ почтовой корреспонденціи.

Готилова д. п.	664	1526½	7	
Черный яръ д. п.	671	1519½	14	
Романово с. л.	678½	1512	21½	
Богатырева д. л.	685	1505½	28	
Тугалова д. л.	687	1503½	30	
Субботина Луговая д. л.	696	1494½	39	
Субботина Горная д. п.	702½	1488	45½	
Ячи п.	708	1482½	51	
Тугоносова д. л.	717	1473½	60	
Деньщиковская д. л.	722	1468½	65	
Филинское с. п.	734	1456½	77	
Вошкина д. п.	748	1442½	91	
Цингалинскія о. ю. л.	758	1432½	101	За ними видна гора Два Брата.
Смушкина д. л.	761	1429½	104	
Семейкина д. л.	770	1420½	113	
Сотникъ д. п.	781	1409½	124	
Саргатскія о. ю. л.	788	1402½	131	

Заводныя о. ю. л.	800½	1390	143½	
Рѣполово с. п.	819	1371½	162	
Рѣполовскія о.ю.п.	828	1362½	171	
Устье р. Конды	838	1352½	181	
Митрофанова д. л.	841	1349½	184	
Тюлина д. л.	848	1342½	191	
Базьяново с. п.	861	1329½	204	
Фролова д. п.	874	1316½	217	
Манойло д. п.	887	1303½	230	
САМАРОВО с. п.	913	1277½	256	Пріемъ почтовой корреспонденціи. Сельская аптека.
Устье р. Неулевки	924	1266½	11	Это протокъ изъ Оби, имъ пользуются пароходы, не заходя въ устье Иртыша.
Устье р. Иртыша	936	1254½	23	

По р. Оби.				
Селіярское с. п.	1027	1163½	114	
Сахалинскія о. ю. п.	1059	1131½	146	
Тукаскины о. ю. п.	1065	1125½	152	
Кушникова д. п.	1089	1101½	176	
Устье Лямина сора	1101	1089½	188	
Тундрина д. л.	1112	1078½	199	
Пилюшина д. л.	1145	1045½	232	
Бѣлый яръ п.	1169	1021½	256	Пароходная пристань.
СУРГУТЪ уѣздный гор. п.	1178	1012½	265	Почтовое отдѣленіе
Новая д. п.	1204	986½	26	
Протокъ Пеньковъ	1237	953½	59	
Устье р. Вагры	1250	940½	72	
Нижне Логусово с.л.	1273	917½	95	
Протокъ Фокурскій	1303	887½	125	
Протокъ Быстрый	1324	866½	146	
Колбинскій яръ п.	1332	858½	154	
Магіонъ о. ю. п.	1347	843½	169	

Протокъ Чехлонея	1369	$821^1/_2$	191	
Вартовскій яръ п.	1379	$811^1/_2$	201	
Устье р. Ваха	1389	$801^1/_2$	211	
Протокъ Васькинъ	1395	$795^1/_2$	217	
Протокъ Свѣтлый	1414	$776^1/_2$	236	
Крутогорскій яръ л.	1431	$759^1/_2$	253	
Протокъ Киселевъ	1448	$742^1/_2$	270	
Протокъ полуимка	1460	$730^1/_2$	282	
Александровское с.л.	1466	$724^1/_2$	288	
Нахрачевъ яръ п.	1496	$694^1/_2$	318	
Миги - Пугальскій яръ п.	1511	$679^1/_2$	333	
Криволудское с. п.	$1522^1/_2$	668	$344^1/_2$	
Протокъ Настинъ	$1538^1/_2$	652	$360^1/_2$	
Вартовскій яръ п.	$1560^1/_2$	630	$382^1/_2$	Здѣсь запасные хлѣбные магазины для инородцевъ.
Калымскія о.ю.л.	$1569^1/_2$	621	$391^1/_2$	
Пырчины о.ю.л.	$1586^1/_2$	604	$408^1/_2$	

Кичагинъ яръ и Прохоркины о. ю. л.	$1629^1/_2$	561	$451^1/_2$	Здѣсь граница Тобольской г.
Мурасовы о. ю. л.	$1635^1/_2$	555	$457^1/_2$	
Весковъ яръ л.	$1654^1/_2$	539	$473^1/_2$	
Калгіятскія о. ю. п.	$1669^1/_2$	521	$491^1/_2$	
Устье р. Тыма	$1673^1/_2$	517	$495^1/_2$	
ТЫМСКОЕ с. п.	$1690^1/_2$	500	$512^1/_2$	
Чилинкины с. ю. п.	$1708^1/_2$	482	18	
Казальцы с. ю. л.	$1717^1/_2$	473	27	
Устье р. Васъ-Югана	$1740^1/_2$	450	50	
Кашинскія с. ю. п.	$1744^1/_2$	446	54	
Каргасокское с. л.	$1751^1/_2$	439	61	
Пашня д. п.	$1774^1/_2$	416	84	
НАРЫНЪ безъуѣздный городъ п.	$1800^1/_2$	390	110	Почтовое отдѣленіе
Устье р. Кети	$1805^1/_2$	385	5	
Чиряевы с. ю. п.	$1816^1/_2$	374	16	
Кульятскія с. ю. л.	1819	371	19	

Парабельское с. л.	$1825^{1}/_{2}$	365	25	
Устье рѣки Парабели	$1830^{1}/_{2}$	360	30	
Ласкина д. л.	$1840^{1}/_{2}$	350	40	
Малышевы с. ю. л.	$1853^{1}/_{2}$	337	53	
Невольскія с. ю. п.	$1856^{1}/_{2}$	334	56	
Инкины с. ю. п.	$1878^{1}/_{2}$	312	78	
Иванкины с. ю. п.	$1892^{1}/_{2}$	298	92	
Игаткины с. ю. п.	$1906^{1}/_{2}$	284	106	
Чегаловы с. ю. л.	$1911^{1}/_{2}$	279	111	
Эженкины с. ю. л.	$1924^{1}/_{2}$	266	124	
Устье р. Кети	$1927^{1}/_{2}$	263	127	
КОЛПАШЕВА д. п.	$1929^{1}/_{2}$	261	129	
Пундошны с. ю. л.	$1946^{1}/_{2}$	244	17	
Баранакова д. л.	$1953^{1}/_{2}$	237	24	
Косогосовы с. ю. л.	$1960^{1}/_{2}$	230	31	
Тескины с. ю. л.	$1968^{1}/_{2}$	222	39	
Сундуровы с. ю. л.	$1976^{1}/_{2}$	214	47	
Чулковы с. ю. п.	$1984^{1}/_{2}$	206	55	
Сунгуровы с. ю. л.	$1989^{1}/_{2}$	281	60	

Могочины с. ю. п.	$2012^{1}/_{2}$	178	83	
Игрековы с. ю. п.	2026	$164^{1}/_{2}$	$96^{1}/_{2}$	
Устье р. Чулыма	$2029^{1}/_{2}$	161	100	
Молчаново с. л.	$2041^{1}/_{2}$	149	112	
Нижне-Былина д. л.	$2051^{1}/_{2}$	139	122	
Жукова д. л.	$2066^{1}/_{2}$	124	137	
Кривошеино с. л.	$2072^{1}/_{2}$	118	143	
Елизарова д. л.	2075	$115^{1}/_{2}$	$145^{1}/_{2}$	
Баранова д. л.	2080	$110^{1}/_{2}$	$150^{1}/_{2}$	
Балина д. л.	$2081^{1}/_{2}$	109	152	
Тугулинскія ю. п.	$2091^{1}/_{2}$	99	162	
Никольское с. л.	$2102^{1}/_{2}$	88	173	
Игловская д. п.	$2129^{1}/_{2}$	61	200	
Устье р. Томи	$2137^{1}/_{2}$	53	208	
По р. Томи:				
Пушкарева д. л. / Горбунова д. п.	$2144^{1}/_{2}$	46	215	
Козулина д. л.	$2147^{1}/_{2}$	43	218	
Орлова д. п.	$2152^{1}/_{2}$	38	223	
Луговая д. л.	$2155^{1}/_{2}$	35	226	

Иглоково с. п.	$2175^{1}/_{2}$	15	246	
Бѣлобородова д. п.	$2180^{1}/_{2}$	10	251	
Черемошникъ	$2185^{1}/_{2}$	5	256	Пароходная пристань.
ТОМСКЪ губернск. гор. п.	$2190^{1}/_{2}$	—	261	Въ Томскѣ пристань для пароходовъ существуетъ только въ началѣ весны.

